

Джеймс Х. ЧЕЙЗ

Семь раз отмерь

Анонс

<http://book.zehinli.info>

В романе Дж. Х. Чейза “Семь раз отмерь” рассказывается о скандальном преступлении. Во время показа в Вашингтоне коллекции древних русских икон из Эрмитажа был похищен один из экспонатов. Владелец частной галереи - перекупщик краденых произведений искусства, нанял знаменитого вора, чтобы тот украл одну из уникальных реликвий. Но Чейз еще раз убеждает читателя, что как бы тщательно ни готовилось преступление, наказание неминуемо...

Глава 1

Клод Кендрик, владелец “Картинной галереи Кендрика”, вернувшись после августовского отпуска, сидел за письменным столом и прорабатывал планы предстоящего сезона.

Невыносимая жара и духота, превращавшие летом Парадиз-Сити, любимое место отдыха миллиардеров, в вымерший город, наконец-то остались позади. Наступил сентябрь, а с ним - и наплыв в город отдыхающих, и, как следствие этого, деловое оживление.

Кендрик, считавшийся заметной личностью в городе, был высоким, но очень располневшим мужчиной. Он чем-то напоминал дельфина, правда, без свойственного этим животным добродушия. Порой его скорее можно было бы сравнить с прожорливой акулой.

Несмотря на свои всегда безупречные костюмы, Кендрик, лысый как яйцо, носил несуразный рыжий парик и употреблял бледно-розовую губную помаду. Если на улице Кендрик встречал знакомую клиентку, он приподнимал парик, словно то была обычная шляпа. Несмотря на чрезвычайную полноту и эксцентричные выходки, этот человек считался большим знатоком в мире искусства, специалистом по антиквариату, ювелирным изделиям и авангардной живописи. Его

картинная галерея пользовалась заслуженным авторитетом у коллекционеров всего мира. Но никто не знал и даже не предполагал, что Кендрик был крупнейшим и активнейшим скупщиком краденого в США и поддерживал тесные связи со всеми ворами, специализирующимися на краже произведений искусства.

Многие богатые клиенты Кендрика имели коллекции предметов искусства и частные музеи, не предназначенные для посторонних глаз. С ними-то Кендрик и проворачивал самые прибыльные сделки.

Делалось это так: однажды клиенту в каком-либо музее или доме его знакомого попадалось некое произведение искусства, и он начинал пылать к нему страстью, знакомой только фанатичным коллекционерам. В конце концов, мучимый желанием обладать этим сокровищем, он приходил к Кендрику и между делом намекал, если такой-то музей или мистер такой-то решат продать некое произведение искусства, за ценой я не постою. Зная, что это произведение не продается ни за какие деньги, Кендрик обсуждал с клиентом цену и говорил, что он посмотрит, что здесь можно сделать. Коллекционер, зная по своим предыдущим сделкам с Кендриком, что все будет устроено к его удовольствию, возвращался к своей тайной коллекции и ждал. Кендрик связывался с одним из воров, занимающихся кражами предметов искусства, обговаривал условия и тоже ждал. Рано или поздно данное произведение искусства таинственно исчезало из такого-то музея или коллекции мистера такого-то и появлялось в секретном музее клиента. Одновременно большая сумма денег появлялась на счете Кендрика в швейцарском банке.

Проведя август на своей яхте в Карибском море, в веселой компании балетных танцовщиков, Кендрик, отдохнувший, загорелый, с новыми силами обдумывал варианты сделок, и его поднаторевший в делах подобного рода мозг занимала только одна мысль: на чем бы сорвать очередной куш.

Неслышно отворилась дверь, и в просторный кабинет с огромным окном, заставленный дорогим антиквариатом, проскользнул главный торговый агент - Луи де Марни, стройный, гибкий мужчина, которому можно было дать от двадцати пяти до сорока лет. Его густые длинные волосы напоминали соболиный мех. Худое лицо с близко посаженными глазами и плотно сжатым ртом делало его похожим на подозрительную крысу.

- Приятная неожиданность, босс! - воскликнул он своим высоким голосом. - Угадайте, кто к нам пожаловал? Не кто иной, как Эд Хеддон.

Кендрик замер:

- Он здесь?

- Ожидает в приемной.

Кендрик отложил золотой карандашик, и на лице его появилась хищная улыбка акулы.

Эд Хеддон был королем воров, промышлявших на ниве искусств.

Обычно он выдавал себя за респектабельного бизнесмена, отошедшего от дел и исправно платившего налоги. Хеддон редко засиживался на одном месте, предпочитая “гастроли” от Форт-Лодердейла до юга Франции, навещаясь то в Лондон, то в Париж, где у него были квартиры.

Блестящий организатор и вдохновитель многих краж, ставших сенсационными, он настолько виртуозно заметал следы, что в течение двадцати лет полиция тех стран, где “работал” авантюрист, даже не заподозрила, что Эд приложил к этому руку. Это был мозг, планировавший операции по похищению предметов искусства и подбирающий штат специалистов для подобного рода дел - они-то и выполняли за него черновую работу. Хеддон очень редко предлагал свой товар Кендрику, но когда это случалось, доходы последнего резко возрастали.

- Так чего ты ждешь, тупица! - рявкнул Кендрик, тяжело поднимаясь из-за стола. - Пусть войдет!

Луи выпорхнул из комнаты, а Кендрик заторопился к двери, чтобы встретить Хеддона, лстиво улыбаясь и протягивая руку:

- Эд, дорогой! Какой приятный сюрприз! Входи, входи! Ты прекрасно выглядишь, как всегда.

Эд Хеддон, остановившись в дверном проеме, некоторое время рассматривал Кендрика, потом пожал протянутую руку:

- Ты и сам неплохо выглядишь, если бы только не твой дурацкий парик...

Хеддон вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

- Что поделаешь, это мой “товарный знак”, Эд, дружище. Без парика меня никто не узнает. - Все еще не отпуская руки Хеддона, он подвел его к большому удобному креслу. - Присаживайся... Бокал шампанского?

Хеддона вполне можно было принять и за конгрессмена, и даже за государственного секретаря. Выглядел он очень импозантно: высокий, плотно сбитый, с густыми седеющими волосами и красивым цветущим лицом. Даже серые жесткие глаза невольно притягивали внимание. Вздумай Хеддон баллотироваться в конгресс, успех был бы ему обеспечен. Но за этим фасадом скрывался беспощадный коварный ум.

- Виски со льдом, - сказал он, извлекая из кармана портсигар и доставая сигару. - Закуришь? Гавана.

- Не сейчас. - Кендрик разлил виски по бокалам. - Рад вновь видеть тебя. Сколько воды утекло с нашей последней встречи...

Хеддон оглядывал просторное помещение, внимательно изучая картины на обитых шелком стенах.

- Это неплохо. Чувствуется рука мастера. - Эд небрежно ткнул пальцем в направлении полотна, висевшего над столом Кендрика. - Моне, а! Подделка, конечно.

Кендрик принес напитки и поставил их на маленький антикварный столик рядом с Хеддоном.

- Тес... Только ты и я знаем об этом. У меня тут есть старая гримза, набитая деньгами, но она колеблется...

Хеддон рассмеялся:

- Подражание Моне, а? Никогда не думал, что ты работаешь по мелочам.

- Что поделаешь, дорогой. - Кендрик налил себе сухого мартини и сел. - Ты ведь редкий гость в нашем городе, Эд.

- Я и сейчас долго не задержусь здесь. - Хеддон уселся поудобнее, закинув ногу на ногу. - Как идут дела, Клод?

- Пока не очень. Сам понимаешь, это только начало сезона. Антиквариат должен сейчас пойти. Скоро здесь будет полно богатых бездельников.

- Я имею в виду другие дела. - Эд вперил в Кендрика немигающий взгляд серых глаз.

- А! - Кендрик покачал головой. - Сейчас ничего нет. Но я не отказался бы, подвернись какой-нибудь хороший товар.

Хеддон закурил сигару и стал задумчиво рассматривать завитки дыма. Затем, сделав глубокую затяжку, произнес:

- Есть одно дело. Решаю, с кем его провернуть: с тобой или с Эйбом Салисманом.

Клод напрягся. Эйб был его конкурентом. Упоминание этого имени всегда вызывало у Кендрика горечь во рту. Эйб считался, и без сомнения, крупнейшим скупщиком краденого. Много раз он переходил дорогу Кендрику. Они ненавидели друг друга - так же как ненавидят друг друга змея и мангуста.

- Дорогой мой! - сказал Кендрик. - Неужели ты будешь иметь дело с такой дешевкой, как Эйб? Я, как тебе известно, всегда дам больше. И я тебя никогда не обманывал.

- Ты никогда и не смог бы этого сделать, равно как и Эйб, - проворчал Хеддон. - Это крупное дело, и здесь быстро понадобится много наличных. Оно может потянуть на шесть миллионов. - Хеддон выдохнул дым. - Я хочу три.

- Шесть миллионов можно достать. Все зависит от предложенного товара, - уклончиво ответил Кендрик, напряженно обдумывая ситуацию. - Если это что-то необычное, деньги всегда найдутся, Эд.

- В Нью-Йорке сейчас всей суммы не найти. Поэтому я и предлагаю тебе первому.

Кендрик нацепил добродушную улыбку дельфина.

- Я ценю это, дорогой. И что конкретно?

- Выставка из коллекции Эрмитажа.

- О, Эрмитаж! - Жадный огонек, загоревшийся было в глазах Кендрика, тут же погас. - Прекрасная экспозиция... У меня есть каталог. - Выдвинув ящик стола, он извлек толстую брошюру в глянцевой обложке. - Да, превосходные вещи. Проявление доброй воли, все в духе разрядки. Русское правительство знакомит народ США с лучшими образчиками своего искусства. - Он начал перелистывать каталог с цветными иллюстрациями. - Великолепно. Тысячам людей приносит пользу столь замечательное сотрудничество двух великих держав. - Он взглянул на Эда, не перестававшего улыбаться. - Но, увы, это определено не для меня, и не для Эйба, и не для тебя. - Он вздохнул и отложил каталог.

- Долго ты еще будешь трепаться? Клод стащил парик с головы, внимательно осмотрел его и вновь криво водрузил на лысину.

- Это просто мысли, дорогой, я часто думаю вслух.

- Посмотри..., страницу пятьдесят четыре, - посоветовал Хеддон.

Клод лизнул большой палец и стал перелистывать страницы каталога.

- Хм... Выглядит заманчиво. Что здесь сказано? Икона. Дата создания неизвестна. Предположительно, самая ранняя из русских икон. Ее наиболее ценила Екатерина Великая. Дерево. Масло. Изображает какого-то неизвестного русского святого. Сохранность отличная. Размер восемь на десять дюймов. Это вещь на любителя. Публика на нее и не взглянет. Но для коллекционера очень интересна.

- На аукционе она бы запросто ушла за двадцать миллионов, - ровным тоном произнес Хеддон.

- Допускаю, дорогой, но вряд ли русские собираются расставаться со своим сокровищем.

Хеддон резко наклонился вперед, его глаза стали похожи на две маленькие льдинки.

- Но ты бы сумел ее продать, Клод? Кендрик неожиданно почувствовал, что, несмотря на работающий кондиционер, его рубашка промокла от пота. Вытащив шелковый носовой платок, он вытер лицо.

- Все можно продать... Но эта икона способна доставить массу хлопот.

- Об этом не печалься. Ты получишь ее от меня за три миллиона долларов.

Кендрик допил martini и почувствовал, что ему нужно выпить еще.

- Разреши, я налью тебе еще, Эд? Это дело необходимо обдумать.

Клод поднялся, подошел к бару и налил два стакана. Мозг его в это время лихорадочно просчитывал варианты.

- Видишь ли, времени в обрез, - продолжал Хеддон, принимая бокал.

- Выставка закрывается через две недели. Решай. Или же я предложу Эйбу.

- Давай взглянем на это повнимательнее, Эд. В прошлом году, будучи в Вашингтоне, я посетил музей изящных искусств. Знаешь, их система безопасности меня впечатлила. А из того, что пишут, я понял, что меры безопасности на выставке еще более ужесточены. Так что подобраться к коллекции русских практически невозможно.

Хеддон согласно кивнул:

- Ты прав. Я все это знаю, и даже больше твоего. Увеличено не только количество охранников непосредственно в музее, но, увы, к этому делу подключены еще и ФБР, и, как я догадываюсь, ЦРУ. А уж полицейские в штатском там кишмя кишат. Плюс к этому русские прислали пятерых своих копов. Проверяют всех посетителей. Не разрешают пронести ни портфель, ни дамскую сумочку. Посетители проходят через специальный коридор, начиненный электроникой. Люди там знают свое дело.

Кендрик безнадежно пожал жирными плечами:

- Так что...

- Это так, но я люблю невозможные дела, Клод. И, как ты знаешь, я всегда добивался своего. Вот и теперь я говорю: если ты сможешь продать эту икону, положив три миллиона на мое имя в швейцарский банк, считай, что она твоя.

Клод вспомнил несколько громких краж, осуществленных под руководством Хеддона.

Вспомнил и об уникальной китайской вазе эпохи Мин высотой в пять футов <1 фут равен 30,48 см.>, которая исчезла из Британского музея. Это было мастерски организовано. Но все же его одолевали сомнения. В случае с коллекцией русских существовала еще и политическая подоплека.

- Допустим, ты добудешь икону, Эд, - сказал он осторожно. - Но ведь тут же разразится международный скандал... Представляешь, какая поднимется шумиха в газетах?

- Это твоя забота, Клод. Как только я передам тебе икону, тебе придется самому со всем этим управляться. Но если ты не хочешь, так и скажи. Я переговорю с Эйбом.

Сомнения одолевали Кендрика. И все же мысль о трех миллионах прибыли была очень заманчивой. Жадность победила.

- Дай мне три дня, Эд. Мне нужно переговорить с одним-двумя клиентами.

- Это разумно. Что ж, я остановился в отеле “Спэниш Бэй”. Даю тебе время до вечера пятницы. Если найдешь хорошего клиента, то получишь икону во вторник следующей недели.

Кендрик опять вытер вспотевшее лицо.

- Просто чтобы я действовал с большей уверенностью, Эд, скажи, как ты это намереваешься проделать.

Хеддон встал и направился к двери.

- Еще не время... Найди клиента, а уж потом поговорим более подробно. - Взявшись за ручку двери, он долгим взглядом посмотрел на Кендрика. - Она у меня будет, можешь не сомневаться. До встречи.

После его ухода Кендрик некоторое время сидел неподвижно, размышляя, затем выдвинул ящик стола и достал оттуда переплетенный в кожу блокнот, в котором были записаны адреса и телефоны самых богатых клиентов. У каждого из них были частные коллекции.

Легко ступая, появился Луи де Марни.

- Что ему было надо, дорогой? - спросил он. - Дела?

Кендрик отмахнулся от него:

- Отстань от меня. И никого не впускай. Мне надо кое-что обдумать.

Луи, понимая, что это значит, тихонько вышел и закрыл за собой дверь. На подходе были большие деньги. Поскольку Луи имел пятнадцать процентов от незаконных сделок хозяина, он был готов ждать сколько угодно, пока не понадобится его помощь.

Кендрик просидел больше часа, размышляя, кому бы предложить икону. Нужен был человек, интересующийся русским антиквариатом, который сможет собрать, как минимум, шесть миллионов в кратчайший срок. Отбрасывая по тем или иным причинам одну кандидатуру за другой, в основном потому, что мало кто интересовался русским искусством, Кендрик наконец добрался до буквы “Р”.

Герман Радниц! Ха! Как это он сразу о нем не подумал!

Однажды один из журналистов “Фигаро” так написал о Раднице: “Радниц - акула мирового бизнеса. Если вы хотите построить плотину в Гонконге, наладить паромные перевозки между Англией и Данией или поставить электронное оборудование в Китай, то прежде, чем начать составлять планы, нужно проконсультироваться по этим вопросам у

Радница, так как никто лучше его не разбирается в вопросах финансового обеспечения. Радниц присутствует везде. Это океанские лайнеры, нефть, грандиозные строительные проекты, авиаперевозки. Радниц тесно связан с Советским правительством. Президент США называет его по имени. Очевидно, это самый богатый человек в мире, исключая шейхов Саудовской Аравии”.

Да, Радниц, решил Кендрик. Но не помешает еще раз все тщательно взвесить. Прикинув все за и против, он позвонил в отель “Бельведер”, где, как он знал, останавливался Радниц. Переговорив с его секретарем Густавом Хольцем, Кендрик получил разрешение прийти на следующий день ровно в десять часов.

В течение августа преступность в Парадиз-Сити практически сошла на нет. За исключением нескольких угнанных автомашин и старушек, сообщивших о пропавших собаках, полиции нечем было заняться в этом прожаренном, душном городе.

Шеф полиции Фрэнк Террелл был в отпуске, оставив исполнять обязанности начальника сержанта Джо Беглера. Тот обосновался в кабинете Террелла, потягивая кофе и куря одну сигарету за другой. Будучи от природы человеком действия, он предпочитал запутанные преступления, лучше всего кражи драгоценностей. Но в настоящий момент все грабители куда-то подевались до середины сентября, то есть до появления в городе богатых туристов.

В комнате детективов, откинувшись на спинку кресла и положив ноги на стол, перелистывал комиксы детектив первого класса Том Лепски. Это был высокого роста стройный темноволосый мужчина. Здесь же расположился детектив второго класса Макс Джейкоби. Он был года на четыре моложе Тома - смуглый, крепко сбитый парень. В настоящий момент Макс отстукивал на старенькой машинке рапорт об украденной машине. По сравнению с тем, что творилось здесь шесть недель назад, в этот день в комнате было тихо и спокойно - как в морге.

Джейкоби наконец выдернул бумагу и копиру из каретки и откинулся на спинку кресла.

- Готово, - сказал он. - Чем бы еще заняться?

- Нечем. - Лепски зевнул. - Почему бы тебе не пойти домой? Ни к чему нам торчать здесь вдвоем.

- Моя смена, к сожалению, заканчивается в 22.00. Лучше ты отправляйся домой.

- Нашел дурака! - Лепски криво усмехнулся. - Я еще не выжил из ума. Если я сейчас вернусь домой, Кэрол заставит меня подстригать газон. Кому охота стричь чертов газон в такую жару.

Джейкоби с понимающим видом покачал головой:

- Да уж! У меня от жары мозги совсем расплавились. Давно пора здесь установить кондиционер.

- Намекни как-нибудь шефу. Может, ты уговоришь его. Хотя жара через несколько дней кончится.

- Как твой отпуск, Том? Я слышал, ты уходишь на следующей неделе. Куда поедете?

Лепски разразился хохотом, который мог бы напугать жену.

- Я? Никуда. Остаюсь дома. Буду сидеть в саду и читать книги.

- Надо же... - удивленно протянул Джейкоби. - Никогда не думал, что ты читаешь книги.

- Не читаю, ну и что? Я хочу изменить образ жизни. Я хочу выяснить, правда ли мне чего-то недостает. Судя по картинкам в некоторых книгах, это вполне возможно.

Несколько секунд Джейкоби озабоченно смотрел на Тома, хмуря брови.

- Хм... А как же Кэрол?

- Сложности будут, но, надеюсь, мы их преодолеем. Кэрол вечно носится с какими-то планами. Сейчас, например, она изучает рекламные проспекты для туристов. У нее мечта - проехать по всей Калифорнии. Какого черта! Ты бы знал, сколько эти жулики из бюро путешествий дерут за такое путешествие! Три тысячи долларов за три недели! С ума сойти! И все удовольствие - потеть в их душном автобусе в компании кучи ротозеев. Ну уж нет, это не для меня!

Джейкоби возразил:

- Однако это поможет тебе познакомиться со всей страной. Ради этого стоит потерпеть. А Кэрол получила бы удовольствие. Она любит болтать с людьми.

Лепски фыркнул так, что чуть не сдул со стола газету.

- Послушай, Макс, ты же знаешь: я еще не рассчитался за кредиты. Я по уши в долгах. На меня уже косо смотрят в банке. Сегодня вечером я собираюсь объяснить все Кэрол. У меня даже есть финансовый баланс. Конечно, она будет орать на весь дом, но, надеюсь, цифры убедят ее. Ей придется сидеть рядом со мной на лужайке и читать книги.

Джейкоби был близким другом семьи Лепски и прекрасно знал Кэрол, поэтому покачал головой:

- Ну, это вряд ли. Она не согласится.

- Мне тоже так кажется. - Лепски безнадежно глянул на него. - Но раз нет денег, то нет и путешествий. Кстати, мне еще надо уплатить за сушку для волос, которую она купила. А просроченные взносы за автомобиль! - Он тяжело вздохнул. - А еще взносы за этот чертов телевизор, который захотела купить Кэрол. Нет, будем делать то, что делают миллионы людей без денег - сидеть дома. - Лепски поднялся и пошел в кабинет Террелла.

За столом шефа дремал сержант Беглер. Увидев Тома, он зевнул, потер ладонью лицо и кисло улыбнулся:

- Ненавижу этот месяц. Нечем даже заняться. Ты уходишь в отпуск со следующей недели, так?

Лепски прошелся по кабинету.

- Ха! Как только я уйду в отпуск, ручаюсь, сразу же что-нибудь случится. Послушай, Джо, я никуда не уезжаю. Так что, если в самом деле что-нибудь произойдет, будь другом, сообщи мне домой.

- Как это не уезжаешь? А что скажет Кэрол? - Беглер, как и Джейкоби, хорошо знал Кэрол.

- Но если нет денег, то уж какие могут быть путешествия, - твердо сказал Лепски, хотя и испытывал угрызения совести.

Они с женой спорили по любому пустяку, хотя, говоря по правде, очень любили друг друга. К большому неудовольствию Тома, практически всякий спор выигрывала жена. Это его удручало, но на сей раз, убеждал он себя, ей придется согласиться с фактами и уступить.

- Ха, Том! Ставлю десять против одного, что вы все же поедете, - сказал Беглер, коварно улыбаясь.

Глаза Лепски засверкали.

- Это я ставлю сто против одного, что останусь в городе!

Беглер покачал головой:

- Знаю я тебя, скрягу. Чтобы заполучить эту сотню, ты готов себе ногу сломать.

Зазвонил телефон. Чарли Тэннер, дежурный сержант, сообщил, что у богатой старушки пропал кот.

- Иди и разберись с ним, Том, - изнывая от тоски, сказал Беглер. - Это поможет тебе убить время.

В половине седьмого вечера Лепски поехал домой. Стало чуть прохладнее, и он решил поговорить с Кэрол на тему отпуска, даже если та и заставит его подстригать газон. В уме он уже составил план действий: проклятые газоны, потом ужин, а на десерт он осторожно объяснит Кэрол, почему в этом году они не смогут никуда поехать.

Подъехав к своему уютному домику, Лепски резко нажал на тормоза: визг покрышек сообщил соседям о том, что знаменитый

детектив явился домой. Те прервали свои занятия в саду, чтобы поглазеть на это зрелище. Помахав им рукой, Лепски подошел к калитке, открыл ее и в свою очередь широко распахнул свои глаза. Его газон был безупречен. Утром, когда он уходил, трава была дюйма в два высотой, сейчас же лужайка была ровной, как бильярдный стол! Даже бордюр был аккуратно подстрижен, чего он сам никогда не делал. Вот это да! Кэрол?

Лепски сдвинул шляпу на затылок. Этого не может быть. Кэрол полная тупица в том, что касается движущихся устройств. Однажды он уговорил ее попробовать, и результатом были разбитые ворота и уничтоженная клумба с розами.

Пораженный этим зрелищем, Лепски зашагал по дорожке к дому. Открыв дверь, он испытал вторично шок: его ноздри уловили восхитительные ароматы, доносившиеся из кухни. Обычно встречающий его запах из кухни заставлял Лепски волноваться, не горит ли дом. Хотя Кэрол и любила готовить, ее усилия неизменно оканчивались крахом.

Тихо пройдя через холл, Лепски заглянул в гостиную. Еще один удар: на столике в центре гостиной красовалась ваза, полная роз на длинных стеблях. Обычно Кэрол срезала розы, которые уже начинали вянуть, но здесь... Такие розы дарят только кинозвезде в надежде затащить ее в постель!

Холодок пробежал у Лепски по спине. Может быть, какой-нибудь юбилей? Лепски никогда не помнил семейных годовщин. Если бы не Макс Джейкоби, всегда напоминавший мужу о дне рождения любимой жены, Лепски обязательно бы забывал о нем.

Так какая же годовщина? Лепски тупо уставился на розы, пытаясь вспомнить дату своей свадьбы. Он знал, что не может быть день рождения Кэрол. Всего пять месяцев назад Джейкоби спас его от страшного позора. Что же происходит сейчас?

Кэрол всегда болезненно реагировала, если он забывал какие-то даты. Лепски считал, что она совершенно сдвинулась из-за такой ерунды. Кэрол полагала жизненно необходимым, чтобы он помнил дату рождения ее и свою, день их свадьбы, день, когда он получил звание детектива первого класса, день, когда они въехали в свой домик. И если Лепски забывал хоть одну из этих дат, она терзала его не меньше недели.

Лепски собрался с мыслями. Что ж, ему придется сыграть без подготовки. Если бы только он мог вспомнить дату их свадьбы; она считалась очень важной. Лепски знал, что, если он пропустит эту годовщину, его будут шпынять минимум месяц.

На кухне загремели кастрюли, а затем Лепски услышал, что жена поет. У него заныли зубы. У Кэрол не было слуха, зато были хорошие легкие. Совершенно обалдевший Лепски двинулся на кухню и застыл столбом в дверном проеме, глядя на красавицу жену, танцующую на кухне, отбивая такт ложкой.

"О Господи, - подумал он. - Она добралась до моего виски!"

- Хэлло, беби, - хрипло сказал он. - А вот и я.

Увидев мужа, Кэрол бросила поварешку и повисла на шее у Тома, наградив его таким страстным поцелуем, какого он не помнил с медового месяца.

Том тоже решил не оставаться внакладе. Обняв жену, он крепко прижал ее к себе. Но Кэрол решительно освободилась от его объятий.

- Не сейчас, дорогой. Вот, займись делом. - Она провальсировала к холодильнику и вытащила бутылку шампанского. - Открой. Ужин будет через несколько минут.

Челюсть Тома отвисла, и он чуть не уронил бутылку.

- Но, беби... - только и смог пролепетать он.

- Давай открывай.

Кэрол перевернула на сковородке два огромных бифштекса, обильно посыпанных подрумянившимся луком, затем помешала жарившуюся картошку.

Лепски раскрутил проволочку, и пробка с громким хлопком вылетела, ударившись о потолок кухни. Кэрол тут же подставила два бокала. Лепски наполнил их, все еще ничего не соображая.

- За нас! - с пафосом произнесла Кэрол, взяв у него бокал. - За самых лучших в мире!

- Угу, - ответил Лепски и мысленно задал себе вопрос, осталось ли что-нибудь от его бутылки "Катти Сарк".

- Ну, давай есть, - воскликнула Кэрол и осушила свой бокал. - Открой вино. Оно на столе.

- Конечно.

Лепски решительным шагом направился в их маленькую столовую. Стол был накрыт. В центре его стояла ваза с розами и бутылка лучшего калифорнийского красного вина.

Лепски начал в уме подсчитывать: шампанское, вино, розы... О Боже! Она, похоже, истратила все деньги, предназначенные на хозяйство.

Кэрол внесла две тарелки с бифштексами, жареным луком и картофелем фри. Зрелище было впечатляющим. Лепски вдохнул дивный аромат, и все его сомнения улетучились. Давно он не ел такого чудесного мяса. Челюсти Тома активно заработали.

- Восхитительно, - промычал он с набитым ртом, Но затем сомнения с новой силой охватили его.

- Такой кусок мяса стоит уйму денег!

- Он и стоил, - очень довольная собой сказала Кэрол. - Я купила мясо у Эддиса.

Холодок пробежал по спине Тома, в груди екнуло. У Эддиса - самый дорогой мясной магазин в Парадиз-Сити. Он сам частенько заглядывался на нежнейшее сочное мясо в витрине, но, увидев цены, в ужасе торопился прочь.

- У Эддиса, вот как?

- Это лучшее мясо.

- Ага... - Том начал жевать медленнее. - Я вижу, ты подстригла газон, солнышко. Выглядит неплохо. Но я мог бы и сам.

- Мне не хотелось заставлять тебя работать в такую жару. Я попросила Джека.

- Джека? Этот коротышка из соседнего бунгало?

- Конечно. За пять долларов он готов даже собственного отца застрелить.

- Пять долларов? Ты дала этому ублюдку пять долларов?

- Вообще-то он запросил десять, но мы сошлись на пяти.

Лепски закрыл глаза.

- Ешь, милый. Не сиди здесь с таким видом, как будто на тебя наехала машина. - Кэрол хихикнула. - У меня есть для тебя один секрет.

Лепски открыл глаза и посмотрел на жену.

- Послушай, дорогая, может быть, я забыл о каком-то празднике? Иначе с чего такие траты? Ты же знаешь, что у нас нет таких денег.

- Я знаю, что у тебя нет, но у меня есть. Глаза Тома превратились в две щелки.

- С каких это пор?

- С сегодняшнего утра. Ты помнишь мистера Бена Айзекса, моего клиента, когда я работала в "Америкэн экспресс"?

- Как же! Это тот старый пройдоха, который всегда залезал тебе под юбку, стоило ему войти в офис.

- Не будь таким вульгарным, Лепски. Мистер Айзеке никогда себе такого не позволял.

- Может, и нет, но всегда хотел это сделать. Это одно и то же.

- Послушай, Лепски! Мистер Айзеке был очень милым, порядочным старым джентльменом с золотым сердцем.

- Вон оно что! Ты хочешь сказать, что он сыграл в ящик?

- Да, он умер и был так добр, что упомянул меня в своем завещании. Лепски отложил нож и вилку.

- И сколько же?

- Не суть важно. Разве это не показывает его доброту? В конце концов, я ведь только добросовестно исполняла свои обязанности. И он...

- Сколько? - прорычал Лепски голосом копа.

- Успокойся, Лепски. - Кэрол снова принялась за еду. - Твой ужин остывает.

- Скажешь ты или нет?! - рявкнул Лепски. Кэрол драматически вздохнула, но глаза ее смеялись.

- Ну, если ты так хочешь знать... Тридцать тысяч долларов.

- Тридцать тысяч! - взвыл Лепски, вскакивая.

- Разве это не чудесно? Сядь и доешь ужин. Веди себя прилично.

Лепски сел, но аппетит напрочь исчез. Тридцать тысяч!.. Огромные деньги! Он подумал о своих долгах. Вот и выход! Кто бы мог подумать, что этот старикашка Айзекке завещает им такие деньги!

- Так это правда, что у нас есть тридцать тысяч долларов? - спросил он хрипло.

- Я этого не говорила. Лепски уставился на жену.

- Подожди, ты ведь только что сказала...

- Я знаю, что я сказала. Я сказала тебе, что у меня есть тридцать тысяч долларов. Я ничего не говорила о том, что у нас есть тридцать тысяч, - твердо сказала Кэрол.

Лепски улыбнулся своей обольстительнейшей улыбкой:

- Это одно и то же, беби. Мы ведь супруги и все делим пополам. Значит, и эти деньги...

- Ничего подобного! - Кэрол доела бифштекс и откинулась на спинку кресла. - Послушай меня. Мы уже пять лет женаты, и всякий раз, как только подходит время отпуска, ты начинаешь ворчать о том, что у нас нет денег. Большую часть отпуска ты занят подсчетами и без конца объясняешь мне, что мы не можем себе позволить омара или даже кока-колу! Теперь я хочу настоящего отпуска, Лепски! Я сама все устрою и сама буду тратить свои деньги! И если у меня появится желание, я буду заказывать шампанское к завтраку! Я собираюсь в Европу, в Париж, Монте-Карло... Я хочу съездить в Швейцарию полюбоваться Альпами! Я буду останавливаться в лучших отелях, обедать в лучших ресторанах. И все это благодаря мистеру Айзексу, пусть он покоится с миром! Лепски только таращил глаза на жену.

- Послушай, - наконец смог произнести он.

- Помолчи. Я приглашаю тебя с собой. Ты можешь либо воспользоваться моим приглашением, либо же остаться дома. Лично я уезжаю!

- Но, дорогая, опустишь на землю. У нас столько долгов... А путешествие будет стоить кучу денег.

- Лепски! Долги у тебя, не забывай. У меня нет долгов. Так ты едешь или нет? Учти, с тобой или одна, но я вылетаю в Париж в следующий четверг. Так что ты скажешь?

Лепски был вынужден капитулировать. Деваться было некуда.

- Попробуй-ка останови меня, беби, - воскликнул он и, вскочив с места, крепко расцеловал жену.

- Подумай, Том, разве это не чудесно? О, Том, это должно быть что-то необыкновенное, такое, что мы будем вспоминать о нем всю оставшуюся жизнь. Я куплю фотоаппарат. Представляешь, как раскроют рты соседи, когда я продемонстрирую им фотографии?

Это был верный ход. Лепски просиял. Ничего не доставляло ему большего удовольствия, чем произвести впечатление на соседей.

- Итак, вперед. Париж! Монте-Карло! Швейцария! Черт побери! Представляю завтра физиономию Макса, когда он услышит эту сногшибательную новость.

- У меня еще куча дел, - мечтательно сказала Кэрл. - Вначале я должна переговорить с Мирандой. Я хочу, чтобы она нам все организовала. Мы с ней вместе работали в "Америкэн экспресс", это очень толковая девушка. Затем надо заняться туалетами. Вообрази себе, у меня нет ни одного приличного платья!

Лепски застонал:

- Беби, только ничего из ряда вон выходящего. А вдруг мы не уложимся с деньгами...

- Замолчи, Лепски. И я должна тебе кое-что сказать. Я собираюсь обновить и твой гардероб. Если ты хочешь выглядеть как бродяга, то я с тобой не поеду.

Лепски сделал недовольную гримасу:

- Это я бродяга? Чем тебе не нравится мой вид? Мне ничего не надо. Бродяга, а? Что ты хочешь этим сказать?

Кэрл тяжело вздохнула:

- Пожалуйста, успокойся. Ты должен выглядеть как преуспевающий красивый муж, а не как зачуханный коп.

Лепски поднял бровь.

- Ах, красивый...

- Чертовски красивый и сексуальный, Том. Лепски выпятил грудь:

- Ладно. Я согласен, что мне следует немного приодеться. Пусть будет по-твоему, беби, давай потратим немного денег. - Он замолчал, принюхиваясь. - У тебя что-то горит?

Кэрол схватилась за голову и со сдавленным криком убежала на кухню.

Лепски услышал придушенный вопль:

- Мой яблочный пирог!

Ее отчаяние было настолько неподдельным, что Лепски, хотя уже и привык к подобным сценам, был вынужден уткнуться в салфетку, чтобы приглушить свой хриплый хохот.

Глава 2

Герман Радниц сидел под навесом на террасе самого роскошного номера в отеле “Бельведер”, с выходом на крышу, и просматривал какой-то юридический документ. Своими полузакрытыми глазами, крючковатым носом, почти беззубым ртом и испещренной темными пятнами кожей, приземистый толстый Радниц напоминал огромную жабу. Но внешность мало беспокоила его. У него были деньги и власть, и ему доставляло удовольствие видеть, как лебезили перед ним очень многие, особенно женщины.

Этим утром он разрабатывал план, суливший ему огромную прибыль. Требовалось лишь уладить некоторые проблемы с законом, но в этом Радниц был большой мастер.

Появление Густава Хольца отвлекло его, и он, нахмурясь, недовольно глянул на своего секретаря. Хольцу было около пятидесяти лет. Это был высокий худощавый лысый мужчина с глубоко посаженными глазами и жестким ртом. Мало кто знал, что Хольц обладал поистине математическим умом, свободно владел восемью языками, тонко разбирался в политике. Он был поистине правой рукой Радница.

- В чем дело? - резко спросил Радниц. - Я занят.

- Пришел Клод Кендрик, сэр. Ему назначена встреча. Вы его примете? Радниц отложил документ.

- Пусть войдет. - Он указал на документ. - Взгляните на это, Хольц, пункт десять. Он мне не нравится. Это нужно исправить.

Секретарь вышел с документом. Тут же на террасе появился Клод Кендрик в безупречном голубом полотняном костюме. Его парик был на сей раз тщательно расчесан. В руках Кендрик держал портфель.

Радниц хмуро посмотрел на вошедшего:

- В чем дело? Я занят.

Кендрик трепетал перед Радницем. Но он знал, что у Радница есть необходимая ему сумма. Лицо Кендрика расплылось в угодливой улыбке.

- Вы никогда не бываете свободны, мистер Радниц, - промурлыкал он, приближаясь к письменному столу. - Извините за вторжение, но у меня есть кое-что, что может вас заинтересовать.

Радниц пожал плечами и равнодушно ткнул пальцем в направлении кресла:

- Что это? Сядьте!

Кендрик опустил свое тело в кресло.

- Так любезно с вашей стороны, мистер Радниц. Благодарю за оказанную честь.

- Так что это? - бесцеремонно рявкнул хозяин.

Кендрик заморгал. Ему не повезло: этот всемогущий и ужасный миллиардер был в плохом настроении. Кендрик понял, что его обычная лесть будет только раздражать Радница. Пришлось сразу брать быка за рога.

- Выставка сокровищ Эрмитажа в Вашингтоне.

Проблеск интереса мелькнул в полуприкрытых глазах Радница.

- Ну и что с того?

- Возможно, вы не видели каталог. Бесподобные сокровища, бесценные...

- Я просматривал его. Ну и что же? Кендрик вытащил из "дипломата" каталог, который он прихватил с собой. Открыв его на странице 54, он услужливо положил книгу перед Радницей:

- Вот эта вещь.

Радниц некоторое время смотрел на изображенную на фотографии икону, потом прочел аннотацию и бесстрастно взглянул на Кендрика:

- И что дальше?

- Уникальная, единственная в своем роде вещь. - Кендрик широко улыбнулся. - По-видимому, самая первая русская икона.

- Я умею читать, - жестко сказал Радниц. - Но при чем здесь я?

- Я полагаю, сэр, на аукционе эта икона может стоить не менее двадцати миллионов долларов.

Радниц отложил каталог, и его глаза затуманились.

- Возможно, но эта икона не продается. Это собственность Советского государства.

- Конечно, мистер Радниц, но ведь всякое случается. Заинтересовало бы вас предложение купить ее, скажем, за восемь миллионов долларов?

Радниц надолго задумался, глянул на Кендрика, который улыбался ему с надеждой в глазах.

- Вы это серьезно? - спросил Радниц с железом в голосе.

- Серьезнее некуда.

Радниц поднялся и подошел к краю террасы, окаймленной цветами. Стоя спиной к Кендрику, он созерцал панораму залива, о чем-то напряженно размышляя. Глядя на него, Кендрик почувствовал, как сердце его забилося, и сказал себе: “Рыбка клюнула!”

Постояв минут пять неподвижно, Радниц вновь вернулся к своему креслу и сел.

- Как она может появиться на аукционе? - спросил он.

- Конечно, не может. Но для коллекционера, заинтересовавшегося этим сокровищем, можно кое-что сделать.

- А именно?

- Мне было сказано, что, если я найду заинтересованного покупателя, он незамедлительно получит икону. Тот, кто это предлагал, слов на ветер не бросает. Я не пришел бы сюда, сэр, если бы не был уверен в этом.

- А сроки?

Кендрик немного расслабился. Рыбка была на крючке.

- Где-то на следующей неделе. Но это при условии, что восемь миллионов долларов будут переведены в швейцарский банк.

Радниц вытащил из ящика на столе сигару и начал раскуривать ее.

- Я надеюсь, Кендрик, вы уверены в том, что говорите.

- Вы можете положиться на меня, сэр. - Кендрик вновь начал потеть.

- Если вы думаете, что я забыл о русских марках, то вы глубоко заблуждаетесь. Вы обещали их мне, и что получилось?

Кендрик вздохнул:

- Увы. С кем не бывает: произошла осечка. Но моей вины не было, вы это знаете.

- Ладно. Я беру эту икону за шесть миллионов. И ни цента больше. Решайте сами.

Кендрик облегченно вздохнул. Все прошло удачнее, чем он думал. Три миллиона чистой прибыли!

- Сэр, но подобная операция требует огромных предварительных расходов, - сказал он, заискивающе улыбаясь. - Я предлагаю шесть миллионов плюс издержки.

- Не пытайтесь торговаться, Кендрик, - отрезал Радниц. - Вы доставляете мне икону на мою виллу в Цюрихе. И лишь только после этого я перевожу шесть миллионов в банк, который вы назовете. Вот мои окончательные условия.

Кендрик весь передернулся, словно дотронулся до раскаленного утюга.

- Цюрих! Это невозможно, сэр! Как вывезти такое сокровище из страны? Да когда обнаружат пропажу иконы, здесь будет такое!

Радниц поднял руку, давая понять, что Кендрик ему надоел:

- Это уже ваши трудности. Я хочу получить эту икону в Цюрихе.

Если вы не можете доставить ее в Цюрих, так и скажите. Мы зря тратим время.

Это в расчеты Кендрика не входило. Нужно было вновь переговорить с Хеддоном.

- Это значительно осложнит операцию, - нерешительно сказал он.

- Что ж, шесть миллионов долларов зарабатываются тяжким трудом, - твердо сказал Радниц, стряхивая пепел с сигары. - Подумайте над моим предложением. Если через три дня вы не сообщите моему секретарю, что согласны, больше не являйтесь ко мне со своими делами. - Он наклонился вперед, сверкая глазами. - Все ясно?

По лицу Кендрика катился пот. Он неуверенно поднялся:

- Да, мистер Радниц. Сделаю все, что только в моих силах.

Выйдя из апартаментов Радница, Кендрик тотчас же отправился в отель “Спэниш Бэй”, чтобы встретиться с Хеддоном.

Хеддон уже заканчивал поздний завтрак. Увидев Кендрика, он подозвал официанта и заказал еще кофе.

Кендрик тяжело уселся за стол. Его маленькие жадные глазки оглядели остатки поджаренного бекона на блюде.

- Кофе? - спросил Хеддон.

- Это было бы неплохо.

Мужчины посмотрели друг на друга, и Кендрик слегка кивнул. Они молчали до тех пор, пока официант, принесший кофе, не ушел.

- Итак? - Хеддон выжидательно глянул на Кендрика.

- Я нашел покупателя, - сказал Кендрик. - Теперь все зависит от тебя.

- Сколько?

- Ты получишь свои три миллиона. Хеддон улыбнулся:

- Плюс текущие расходы, конечно.

- Три миллиона и никаких издержек, - как можно тверже сказал Кендрик.

- Но на эту операцию нужно, как минимум, сорок тысяч, чтобы подкупить кого следует. Ты должен оплатить расходы Клод.

- Нет. Это твои проблемы, Эд.

- Ладно. Тогда мне лучше пойти к Эйбу. Это может занять время, но он договорится с покупателем.

Кендрик хищно улыбнулся:

- Ладно, я готов поделить расходы пополам.

- А на твоего покупателя можно положиться, Клод?

- Абсолютно.

Хеддон пожал плечами:

- Хорошо. Тогда мне нужно двадцать тысяч наличными.

- Не вопрос.

- Договорились. Будем считать, что операция началась. Но мне понадобится еще одна вещь. Ты сможешь сделать хорошую копию с этой иконы? Не шедевр, но добротную подделку, чтобы на пару часов всех ввести в заблуждение.

- Ты хочешь подменить икону?

- Это не твоя забота. У меня все продумано. Так сможешь изготовить копию за два-три дня?

Кендрик кивнул.

- Луи это сделает. - Он задумчиво смотрел на Хеддона. - Ты, кажется, очень уверен? А я только надеюсь, что все будет как надо. Меня ждут большие неприятности, если дело прогорит. Мой клиент - человек достаточно опасный, и с ним не пройдут никакие шутки. Я обещал ему икону на следующей неделе.

- Ты получишь ее во вторник, - спокойно сказал Хеддон.

- Это точно? Осечки не будет?

- Ты получишь ее во вторник вечером, - повторил Хеддон.

Кендрик понимал, что это только начало. Он отдавал себе отчет, какой поднимется шум, когда обнаружится пропажа иконы. Все дороги - наземные, воздушные, морские - будут немедленно заблокированы. ФБР, ЦРУ и полиция - все встанут на уши. Вот если бы можно было закончить дело, доставив икону Радницу в отель! Но не в Цюрих!

Он тяжело поднялся, уже жалея, что связался с Радницей.

- Луи принесет копию и двадцать тысяч наличными. Я доверяю тебе, Эд, но ведь разразится вселенский скандал!.. Даже не представляю, как можно похитить такую вещь. Но раз ты утверждаешь, что так будет, я тебе верю.

Хеддон улыбнулся:

- Ты слишком толстеешь, Клод.

- Я знаю. Луи вечно пилит меня из-за моего веса. - Кендрик снял парик, осмотрел его и криво нахлобучил на голову.

Три миллиона долларов!

Махнув рукой, он вышел из ресторана и, пройдя по террасе, направился к своей машине.

Луи де Марни провернул удачную сделку, продав два канделябра эпохи Георга IV. В этот момент в салон вошел Кендрик, и по сдвинутому набекрень парикку Луи понял, что что-то случилось.

Кендрик даже не остановился, чтобы приветствовать пожилого клиента, который как раз выписывал чек. Он прошел прямо к себе в кабинет, хлопнув дверью. Душевное волнение всегда вызывало у Кендрика приступ голода. Подойдя к холодильнику, хитроумно замаскированному под старинный комод, он вытащил оттуда цыплячье крылышко, завернул его в хрустящий лист салата и, усевшись за стол, начал есть. Луи вошел как раз в тот момент, когда шеф закончил трапезу.

- Неприятности? - спросил Луи. - Вы опять едите!

- Успокойся, дорогой. Для тебя есть работа.

Луи с подозрением наблюдал, как Кендрик вытащил из “дипломата” каталог выставки Эрмитажа и открыл его на пятьдесят четвертой странице.

- Нужна копия этой иконы. Самая обычная, не шедевр. Думаю, с твоими талантами ты вполне можешь это сделать.

Луи бросил взгляд на икону и отшатнулся.

- Неужели этот жуткий тип Хеддон намеревается ее украсть?! - визгливо спросил он.

- У меня уже есть на нее покупатель, - мягко сказал Кендрик. - Так что не беспокойся. Лучше займись копией.

- Вы что, сумасшедший! - завопил Луи. - Вы не понимаете, что это собственность Советского Союза? Хеддон, наверное, просто свихнулся. Я не желаю иметь с этим ничего общего. Да и вам бы посоветовал держаться в стороне. Подумайте, дорогой. Вся ваша жизнь может рухнуть.

Кендрик вздохнул:

- Возможно, это действительно опрометчиво с моей стороны, но Эд совершенно уверен в успехе. А Эд никогда еще меня не подводил.

- Мне плевать! Мы не должны в это лезть! - Луи гневно сверкнул глазами. - Нет, я не прикоснусь к этому! Допустим, идиот Хеддон украдет ее. Но вы! О чем вы думаете! Икону невозможно продать! Целая армия полицейских ринется по горячему следу, закроют все границы, русские будут в ярости.

- Радниц готов купить ее.

- Радниц!.. - Луис даже задохнулся от возмущения. - Эта жаба!.. Неужели вы настолько свихнулись, что говорили с ним?

- Увы, мы уже договорились, дорогой.

- Тогда заказывайте себе гроб! А я повторю еще раз - не желаю иметь ничего общего с этим.

Кендрик выдавил елеиную улыбку:

- Ты в доле, дорогой, и получишь четыреста пятьдесят тысяч долларов.

- Ничего не хочу слышать о... - Не закончив фразы, Луи открыл рот и с интересом уставился на Кендрика. - Сколько, вы сказали?

- Да-да, мой мальчик. Это очень крупное дело. Твоя доля составит четыреста пятьдесят тысяч долларов.

- И это только за то, что я изготовлю копию иконы?

- Нет, мой милый, нужно будет проделать и кое-что еще. Это огромные деньги, понятно, тебе придется еще потрудиться.

- А конкретнее?

- А вот над этим еще надо подумать. Эд передает мне икону во вторник. Радниц настаивает на том, чтобы икона была доставлена в Цюрих.

Луи подскочил, словно его ужалила оса.

- Куда? - взвыл он.

- Цюрих, Швейцария, - спокойно ответил Кендрик. - И, ради Бога, дорогой, не кричи так.

- Поднимется жуткий шум! Швейцария, - повторил Луи, вся радость которого от перспективы получения таких денег померкла. - Вы не в своем уме! Выезд из страны будет перекрыт. Комар не пролетит. А Интерпол? Да всех подозрительных торговцев картинами затаaskaют в полицию. Нет, Цюрих - это нереально! Клод, вы проявили преступную неосторожность, связавшись с Радницем.

- Невозможных вещей не существует, дорогой. У нас есть время до вторника, так что все можно обдумать.

- Уж не думаете ли вы, что я потащу эту проклятую икону через столько границ? - Луи подозрительно смотрел на Кендрика.

Кендрик уже обдумывал такую возможность, но потом решил, что нервы Луи для такой работы не годятся.

- Разумеется, нет. Но мы должны найти лазейку. А пока займись копией.

Луи некоторое время с сомнением смотрел на босса, но потом вспомнил о громадной сумме вознаграждения, обещанного ему.

- Это я, так и быть, сделаю, - произнес он. - Но я предупреждаю вас, что это сумасшедшая и опасная операция.

- Давай подумаем вместе. Может случиться так, что у Эда что-то не выгорит, но мы должны быть готовы. Ты не поверишь, какие чудеса могут творить изобретательность и ум.

- Скажите это слепому, глухому и немому, - возразил Луи. Схватив каталог, он выскочил из кабинета.

Кендрику вновь захотелось есть. Открыв холодильник, он оглядел стоявшие там разнообразные блюда, выбрал омара, сел за стол и начал думать.

В своей обычной манере, то есть с шумом и помпой, привлекая внимание соседей, Лепски вернулся домой, прошел по дорожке и, распахнув парадную дверь, вошел в дом.

Он замечательно провел день, рассказывая Максу Джейкоби и Беглеру о том, что Кэрол получила наследство и как он заставил ее потратить деньги на путешествие в Европу. Лепски осточертел им обоим, рассказывая одно и то же, но это был его звездный час и унять его было невозможно. Наконец Беглер не выдержал болтовни и попросту сбежал домой, приказав позвонить ему, если случится что-то важное.

- Привет, беби, - заорал Лепски с порога. - Это я! Что там у нас на ужин?

Кэрол лежала на софе босая и с закрытыми глазами.

- Можно не орать? - жалобно сказала она. - Я устала до смерти.

В такое время Кэрол обычно находилась на кухне, готовя ужин. Видеть ее в горизонтальном положении в гостиной было так непривычно, что Том разинул рот.

- Ты что, весь день бегала трусцой?

- Иногда, Лепски, мой муж ведет себя как форменный тупица. Ведь нужно же подготовиться к отъезду, и позволь тебе заметить, что я целый день этим и занималась.

- Угу, понял. Так что же у нас на ужин?

- Неужели ты не можешь думать ни о чем другом, кроме еды? Я весь день провела в "Америкэн экспресс" и очень устала.

Лепски оглядел жену и по некоторым признакам определил, что сейчас лучше вести себя с тактом и пониманием.

- Бедная девочка. Весь день, да? И что же? Что ты организовала?

- У Миранды, как всегда, свои идеи, - воскликнула Кэрол. - Она никак не могла вбить в свою тупую башку, что мы хотим лететь первым классом. Она все твердила мне про чартерные рейсы.

- Ради Бога! Не вижу в этом ничего зазорного.

- Лепски! В кои веки я наконец получила возможность слетать в Европу. И мы будем путешествовать только первым классом.

- Ладно, делай, как считаешь нужным, беби. - Лепски помялся. - Но все же что мы будем есть на ужин?

Кэрол вскочила. Ее глаза метали молнии.

- Не знаю и не хочу знать! Если ты еще раз заикнешься о еде, я с тобой разведусь!

- Не знаешь, да? Ну ладно. Но выпить, надеюсь, я могу? - Лепски подошел к бару, открыл его и с удивлением посмотрел на жену. - А где моя бутылка "Катти Сарк"?

- Можешь ты сесть и послушать, что я сегодня сделала? - Голос Кэрол вдруг стал менее агрессивным.

- Где "Катти Сарк"? - зарычал Лепски.

- Опять ты о еде и выпивке! Ну выслушай же меня.

Лепски возмущенно уставился на нее:

- Ты ходила к этой старой пьянчуге Мехитабел Бесингер и отнесла этой мошеннице мою бутылку.

К его удивлению, Кэрол выглядела смущенной.

- Послушай, Том, мне очень жаль, что я взяла твой скотч. Не надо было мне к ней ходить. Я решила, что ты был прав. Она слишком много пьет.

Уже много лет Кэрол верила советам старой гадалки, чернокожей великанши, которая предсказывала будущее. Как ни странно, дважды она указала Лепски на важные улики против убийц. Лепски их проигнорировал, но потом, конечно, выяснилось, что она была права. До сих пор Кэрол безгранично верила ей. Эта неожиданная перемена насторожила Лепски.

- Что ты говоришь? - спросил он, садясь.

- Том, я подумала, что неплохо было бы посоветоваться с ней относительно нашего путешествия, - сказала Кэрол, пряча от него глаза.

Лепски издал звук, похожий на шум сыплющегося гравия.

- Ага, и чтобы задобрить ее, ты отдала ей "Катти Сарк".

- Да, Том. Извини. Я куплю тебе другую бутылку. Обещаю.

Это было так неожиданно, что Том сорвал галстук и расстегнул ворот рубашки.

- Ладно. Так что случилось?

- Она достала свой хрустальный шар и, похоже, впала в транс.

Кэрол закрыла глаза руками и испустила долгий утомленный вздох. Не один только Лепски тут умел устраивать спектакли.

- Пожалуй, она и в самом деле была немного под мухой.

- Еще бы. Когда она взяла свой чертов хрустальный шар, до или после бутылки?

- Ну, ей надо немного себя стимулировать, чтобы увидеть будущее.

- И поэтому она вылакала сразу полбутылки, да?

- Немного больше половины и понесла какую-то чушь. Она мне сказала, что нам ни в коем случае не надо никуда ехать. Она сказала, что мы должны все отменить и остаться дома. Там мы встретимся с безжалостными преступниками. Назвала какую-то Катерину, которая принесет нам множество несчастий. Но насчет имени она не полностью уверена. Заявила, что нечетко все видела, потому что хрустальный шар вдруг помутнел.

Лепски издал фыркanye, которое напугало бы и бизона:

- Ха! Да если бы я хватил больше полбутылки виски, у меня бы тоже мозги помутнели.

- Меня это правда обеспокоило, Том.

Раньше предсказывала все верно. Может, и в самом деле остаться дома?

Лепски вспомнил о том, что сегодня днем он прожужжал все уши Джейкоби и Беглеру о предстоящем путешествии. Да они лопнут от смеха, если он откажется от путешествия. Какую причину он сможет придумать?

Поднявшись, он подошел к Кэрол, нежно обнял ее и погладил.

- Не обращай внимания, беби. Старуха простохватила лишнего. Конечно, ей хочется, чтобы ты осталась дома, иначе кто еще принесет ей бутылку “Катти Сарк”?

- И все же меня это беспокоит. Что это за женщина по имени Катерина? Что за опасные люди встретятся нам в пути? Сколько я ни просила ее уточнить это, она только качала головой и причитала.

Лепски продолжал поглаживать жену.

- Не обращай внимания. У нас будет лучший отпуск в жизни! Мало ли что может прийти в голову пьяной старухе. Вспомни о том, какое ты получишь удовольствие от путешествия.

Видя, что Кэрол начала успокаиваться, он широко улыбнулся и вновь спросил:

- Так что у нас на ужин?

Эд Хеддон рассчитался с водителем такси, подвезшим его к небольшому мотелю у дороги в Вашингтон. Хеддон был в консервативном темном деловом костюме, с “дипломатом” в руке. Скользя взглядом по балкону и не увидев там человека, на встречу с которым он приехал, Хеддон поднялся по ступенькам, направляясь в вестибюль отеля.

- Эд. - Негромкий мягкий голос заставил его остановиться и внимательно посмотреть на пожилого священника, который сидел на балконе и улыбался ему.

Священнику было около семидесяти. У него было круглое румяное лицо, клочковатые седые волосы и добрая ласковая улыбка, которая привлекала маленьких детей и престарелых дам. Среднего роста, он был плотно сложен, как человек любящий поесть, и носил очки с выпуклыми линзами. Лицо его лучилось добротой и христианским всепрощением.

Хеддон подозрительно посмотрел на незнакомца, потом холодно и ровно спросил:

- Это вы мне?

Священник засмеялся - это был добрый смех, способный направить на путь истинный заблудшую душу.

- Эд, неужели ты меня не узнаешь?

- Бог мой! - Хеддон подошел поближе, с изумлением рассматривая старого священника. - Так это ты, Лу?

- А кто же еще! Неплохо, ты не находишь?

- Неужели это правда ты? Священник утвердительно кивнул и, пододвинув кресло, жестом пригласил его сесть.

- Невероятно, - никак не мог успокоиться Хеддон. - Ты настоящий артист!

- Ладно, ладно, приди в себя. Мне и самому понравилось. Я получил твое письмо. Итак, операция начинается?

Хеддон сел, с восхищением рассматривая священника. Он удачно работал с Лу Бреди в течение последних десяти лет. Бреди был выдающимся специалистом по кражам драгоценностей и произведений искусства и, что самое главное, до сих пор ни разу не попадался, так что в полиции на него даже не было досье. Он был большой дока по части сейфов и всяких хитроумных замков и настоящий мастер перевоплощения. Каждый, кто посмотрел бы на него сейчас, никогда бы не поверил, что этот полный добродушный старый священник имеет всего лишь тридцать пять лет от роду и худой как щепка. Кожа у него на лице была словно резиновая, несколько подушечек во рту сделали его тощее лицо полным, а подбитый подушечками жилет придал полноты фигуре. Лично изготовленный парик дополнил картину обширной лысины с пучками седых волос вокруг нее. Хеддон видел Бреди в разных обличьях, но такого удачного перевоплощения еще не наблюдал. Перед ним сидел настоящий священник.

- Лу, ты просто чудо! - воскликнул Эд. - И это на самом деле так.

- Я и без тебя знаю. Как наши дела?

- Кендрик нашел покупателя. Лу недовольно скривился:

- Этот жирный педераст? Почему не Эйб? Мне больше нравится работать с Эйбом.

- У Эйба не найдется столько наличных денег. С Кендриком есть одна проблема. Но мы вернемся к этому чуть позже. Что разузнал ты?

- У меня тоже есть проблемы, - сказал Бреди. - Вчера я провел все утро в музее. Изучал сигнализацию. Меры предосторожности приняты такие, что и мышь не проскочит.

- Тебя это беспокоит?

- Видишь ли, Эд, это самая сложная операция из всех, которые мы проворачивали до сих пор. Но я полностью полагаюсь на тебя. Музей кишит копами, шпиками, и, что хуже всего, там еще пять ублюдков из КГБ. Я ходил туда в другом обличье. При входе в музей пришлось пройти через металлоискатель. У меня были ключи от машины, так он на них отреагировал, настолько он чувствителен. Посетители все оставляют в гардеробе: зонтики, трости, портфели, сумки... На это уходит много времени, так что у входа всегда очередь. Однако толпа, ажиотаж - все это только подогревает интерес посетителей. Теперь об иконе. Она находится в отдельном стеклянном футляре и снабжена автономной сигнализацией. Сирена срабатывает, едва дотронешься до проклятого ящика. К тому же она на расстоянии в два фута огорожена толстым шнуром от не в меру любопытных посетителей. Я притворился, что хочу рассмотреть икону поближе, и дотронулся до шнура. Тут же ко мне подскочили два здоровенных охранника. Поверь мне, это организовано как надо.

- А если бы не было сигнализации и охраны, ты сумел бы открыть футляр? Лу хмыкнул:

- Конечно. Замок откроет и младенец.

- Сигнализация будет отключена. Это я устрою. Мы провернем это во вторник. За четверть часа до твоего появления в музее два электрика в форме служащих городской компании займутся этим. Электрические провода подведены к музею в подвале. Все, что им придется сделать, так это спуститься туда и перерезать питающий кабель. В толпе у входа в музей кто обратит внимание на двух электриков в форме. Даже если кто-то из охраны что-нибудь почует, ребята с ним управятся. Они ловкие ребята, и я снабжу их нужными документами. Думаю, с сигнализацией все будет в порядке.

- Если ты говоришь, Эд, значит, так и будет.

- Хорошо. Ну а как с вьетнамцами? Ты с ними разговаривал?

- Да. Тридцать пять вьетнамских беженцев прибудут на автобусе, чтобы познакомиться с сокровищами Эрмитажа, - сказал Бреди с

хитрой улыбкой. - С ними будет преподобный Сэмюэль Хардкастл, то бишь я. Билеты уже куплены, администрация музея поставлена в известность, автобус заказан. Здесь нет проблем.

Хеддон извлек из “дипломата” какой-то плоский предмет.

- Пришлось пойти на некоторые расходы и соорудить вот эту штуку. Дымовая шашка. Она пластмассовая, так что пронести ее через металлоискатель не составит труда. Вот кнопка. Тебе надо только нажать на нее, и будет чертова прорва дыма. Хватит на весь этаж. Начнется паника, охранники забегают, публика с воплем ринется к выходу, а в это время ты незаметно откроешь футляр, заберешь икону, а на ее месте оставишь копию, запрешь замок и - ходу оттуда.

Бреди откинулся на спинку кресла и задумался. Наконец он сказал:

- Увы, Эд, это не сработает. Во-первых, бомба. Охранники не такие дураки и знают свое дело. А бомба все же довольно объемная. Ее в карман не положишь. Меня сразу засекут. Дальше - копия. Ее тоже не пронесешь. Да и как вынести икону? Паника паникой, но наверняка охрана утроит бдительность. Что-то мне это не нравится.

- Естественно, - улыбнулся Хеддон. - Но ты меня не дослушал. Я все взял в расчет. Ты хитер, но и я не вчера родился. А сейчас скажи мне: что является непреходящей ценностью во всем мире? Или сформулирую так: кто пользуется уважением всех, в том числе и охраны?

- Конечно, - Бреди пожал плечами. - Я бы сказал, бутылка виски.

- Ничего подобного. Беременная женщина. Очаровательная молодая женщина, собирающаяся родить очаровательного здорового карапуза.

- Эд, ты что, свихнулся?

- Ты помнишь Джоя Лака?

- Разумеется. Лучший карманник из известных мне. Но он, кажется, отошел от дел.

- Точно. Но я использовал один из его трюков. Его дочь подвязывала к своему животу плетеную корзинку в форме яйца, надевала свободное платье, какое обычно носят беременные женщины, и в таком наряде вместе с Джо отправлялась в магазин самообслуживания на охоту. Она набивала корзинку едой! Блестящая идея, и действует всегда без осечки. Представляешь, девочка ни разу не попала. Так вот нам нужны две хорошенькие девушки, которые разыграют роли беременных женщин. Одна пронесет дымовую шашку, а вторая - копию иконы. Настоящая икона покинет музей таким же образом. Ну и как тебе это?

Бреди закрыл глаза, обдумывая все это. Хеддон наблюдал за ним, улыбаясь. Потом Бреди открыл глаза и расхохотался:

- Черт побери, Эд! Ты гений! Надо же такое придумать!

- Ну хорошо. Так как насчет девушек? Это достаточно важная часть плана.

- Вот здесь проблем никаких. Среди вьетнамцев есть парочка симпатичных девушек. Шлюхи. Готовы перерезать горло своей матери, если им хорошенько заплатить. - Бреди поглядел на Хеддона. - Но это обойдется недешево, Эд, им придется заплатить по пять тысяч каждой.

- О'кей. Для такого большого дела пять тысяч - это мелочь. Теперь о Кендрике. Ему необходимо доставить икону в Цюрих, в Швейцарию.

Бреди равнодушно пожал плечами:

- Это уже его проблема, и чертовски трудная. Как только станет известно, что икона исчезла...

- Это я знаю, и он тоже. Вывезти икону из Штатов так же сложно, как и изъять ее из музея. Но икону нужно доставить именно в Цюрих. Если мы не сможем это сделать, останемся без денег - и он и мы. Надо помочь Кендрику. Разумеется, он тоже будет искать способ. Но если Кендрик ничего не придумает, мы останемся с носом. Бреди покачал головой:

- У него ничего не получится. Мы можем сразу все отменить. Если бы можно было придержать икону месяцев на шесть, пока не уляжется шумиха...

- Ее надо доставить туда не позднее чем через десять дней.

Бреди пожал плечами:

- Но это невозможно... Ладно, посмотрим, что придумает пройдоха Кендрик. Мозги у него что надо! Будем считать, что он решит эту проблему. Я хотел бы, чтобы ты поехал с ним в Цюрих получить наши деньги. Два миллиона для меня и один для тебя.

О'кей?

- Ему придется придумать что-нибудь исключительное. Но если у него будет подходящая идея, то с моей стороны все в порядке.

- Хорошо. Давай считать, что мы сможем привезти икону в Цюрих. А теперь займемся деталями.

Хеддон вытащил из кейса подробный план музея. На втором этаже размещалась экспозиция Эрмитажа. Двое мужчин придвинулись ближе друг к другу и начали отрабатывать мельчайшие подробности предстоящего похищения.

В последние годы Кэрол Лепски частенько останавливалась возле витрины самого прекрасного и дорогого салона мод Маверика. Она

подолгу с завистью рассматривала выставленные в витринах элегантные платья и меха, так же как Лепски глядел на отбивные в витрине у Эддиса, потом она вздохнула и отошла.

Но сегодня у Кэрол были деньги, и она вошла в салон. Сердце ее трепетало от возбуждения.

Она оказалась в большом помещении, обставленном антикварной мебелью; стулья были обиты декоративной тканью, а на стенах висело несколько довольно ценных картин современных художников. За большим старинным столом сидела женщина средних лет, одетая с таким вкусом, что Кэрол остолбенела. Женщина поднялась ей навстречу, и ее глаза оценивающе оглядели дешевое льняное платье Кэрол, поношенные туфли и сумочку из кожзаменителя.

Владелец салона Роджер Маверик был двоюродным братом Кендрика. Все находившиеся в салоне произведения искусства, включая картины, поставлялись именно галереей Кендрика и раз в полгода полностью обновлялись. Одним из неписаных правил, которое установил Маверик для своих служащих, было: “Не суди клиента по тому, как он одет”.

Люсиль много лет проработала у Диора в его знаменитом салоне в Париже. Теперь ей было сорок восемь лет, и она переехала в Парадиз-Сити, так как высоко ставила таланты Маверика в вопросах высокой моды и необычайную перспективность его салона в этом городке-курорте, столь популярном в сезон у богатых дам. Строго исповедуя принципы хозяина, Люсиль мило улыбнулась Кэрол, полагая про себя, что эта симпатичная, но плохо одетая женщина пришла просто поглазеть.

- Слушаю вас, мадам? Но Кэрол ничем нельзя было напугать. Она сразу выбрала правильную тактику, понимая, что ее одежда говорит о финансовом положении яснее всяких слов. Прямота, с которой Кэрол пошла в атаку, привели Люсиль в замешательство.

- Я миссис Том Лепски, - заявила Кэрол. - Мой муж - детектив первого класса в управлении полиции города. Я получила небольшое наследство, и мы едем в Европу. Я бы хотела обновить свой гардероб. Но я не собираюсь тратить больше семи тысяч долларов. Что вы можете мне предложить?

Во время мертвого сезона дела в магазине шли неважно. Отказываться от семи тысяч не стоило, и улыбка Люсиль стала еще шире:

- Разумеется, миссис Лепски. Я уверена, что мы подберем вам что-нибудь подходящее. Пожалуйста, посидите здесь. Мистер Маверик с удовольствием обсудит с вами ваши проблемы. Подождите минутку...

Люсиль поднялась на второй этаж, где Маверик подгонял платье в длину на какой-то скучающей девице.

Роджер Маверик в свои пятьдесят пять был высоким стройным мужчиной чрезвычайно привлекательной наружности. Талантливый дизайнер женской одежды, Маверик был, кроме того, гомосексуалистом и занимался скупкой краденых мехов. Эта побочная деятельность приносила ему огромную прибыль.

Люсиль сказала ему, что жена детектива Лепски ждет внизу и хочет обновить свой гардероб.

Маверик знал всех детективов в городской полиции и был прекрасно осведомлен, что Лепски из них - самый опасный. На его худом красивом лице появился интерес.

- Она, похоже, получила наследство и горит желанием выбросить на наряды семь тысяч, - продолжала Люсиль.

- Отлично. Обслужи ее по высшему классу. Позаботься обо всем. Шампанское и все такое прочее. Через десять минут я спущусь, а пока выясни поконкретнее, чего она хочет.

- Но это ведь всего семь тысяч, - презрительно заметила Люсиль.

- Да, да. Делай то, что я говорю, дорогая. С недоумением пожав плечами, Люсиль спустилась на первый этаж.

- Мистер Маверик освободится через несколько минут, миссис Лепски. Не угодно ли вам пройти со мной?

Кэрол поднялась вместе с француженкой в лифте на второй этаж и прошла длинным коридором, на полу которого лежал красивый ковер. Открыв дверь салона, Люсиль пропустила ее внутрь. Помещение было со вкусом обставлено антикварными вещами также из галереи Кендрика.

- Присядьте, миссис Лепски. Может быть, бокал шампанского, пока мы будем обсуждать, что бы вы хотели?

Появилась элегантно одетая горничная, неся на серебряном подносе шампанское в ведерке со льдом и два бокала.

- Надеюсь, вы поняли, что я смогу истратить всего семь тысяч, - твердо, но все же немного смущенно сказала Кэрол, пораженная таким обслуживанием.

- Конечно, миссис Лепски. Люсиль налила шампанское в бокалы. Подала один Кэрол, а с другим устроилась в кресле.

- Теперь расскажите поконкретнее, что вы хотели бы приобрести у нас.

Через три часа Кэрол покинула салон Маверика словно на крыльях. Она была теперь уверена, что мистер Маверик самый чудесный, все понимающий человек и мастер своего дела. Теперь у нее будет все для

поездки в Европу. Маверик точно знал, что ей нужно, и, восхищаясь его вкусом, Кэрол с облегчением предоставила ему выбирать предметы одежды. Когда все было отобрано, она забеспокоилась, хватит ли денег. Все было так элегантно, она даже представить себе не могла, сколько это может стоить.

- Не больше семи тысяч, - твердо сказала она, когда Маверик, улыбаясь, спросил, довольна ли она.

- Миссис Лепски, сейчас у нас мертвый сезон. Откровенно говоря, в разгар сезона все это стоило бы около двадцати тысяч. К сожалению, мне не часто выпадает случай одевать женщину с такой прекрасной фигурой, как у вас. Мои постоянные клиентки, как правило, несколько полноваты. Это модельные платья. Я буду счастлив отдать их вам даже меньше чем за полцены. Все, отобранное вами, обойдется вам в пять тысяч. На оставшуюся сумму вы сможете подобрать к платьям обувь и сумочки.

- Как это чудесно! - воскликнула Кэрол с облегчением.

- Рад, что угодил вам. Могу я попросить вас зайти послезавтра? Мы чуть-чуть подгоним вам одежду по фигуре. У меня будет новая партия туфель и сумочек, и вы сможете подобрать все, что нужно.

Обычно Маверик вставал очень поздно, а раз так, то и завтракал поздно, неизменно в "Арт-клубе". Там он встретился с Кендриком, который уминал цыплячью грудку под грибным соусом. Радужно приветствовав двоюродного брата, Маверик сел рядом с ним.

- Как дела? - спросил Кендрик, подцепляя картофелину.

- Пока так себе. Но скоро начнется сезон. Маверик заказал дюжину устриц.

- А ты что-то располнел, дорогой Клод. Не надо есть так много картошки.

Кендрик вздохнул и подцепил еще картофелину.

- Луи тоже говорит мне об этом, но мне нужно поддерживать силы.

- Сегодня утром у меня была неожиданная клиентка. Жена полицейского детектива Тома Лепски.

Кендрик помрачнел. У него уже было несколько неприятных встреч Лепски, которого он считал грубой и неотесанной деревенщиной.

- Какого черта ей было нужно?

- Ей досталось небольшое наследство, вот она и решила провести отпуск в Европе. Я одел ее с ног до головы. У нее прекрасная фигура. Я

спихнул ей несколько устаревших моделей, которые у меня застряли. Где-то на пять тысяч долларов.

Кендрик с тоской посмотрел еще на одну картофелину, потом решил, что чудесный соус не должен пропадать. Он начал собирать соус кусочком картошки.

- Итак, очень хорошо. Они едут в Европу?

- Обычный туристический маршрут: Париж, Монте-Карло, Монтре.

Вилка Кендрика с кусочком цыпленка, картошкой и соусом застыла в воздухе. Глаза его приняли задумчивое выражение. Он опустил вилку.

- Они будут в Швейцарии?

- Она так сказала. Хотят полюбоваться Альпами. Я посоветовал ей еще съездить в Гштаад.

- И Лепски едет с ней?

- Конечно. - Маверик испытующе глянул на кузена. - Что это тебя так заинтересовало? Подали устрицы.

- Пока не знаю. - Кендрик быстро проглотил то, что у него было на вилке, и отодвинул стул. - Оставляю тебя наслаждаться этими великолепными устрицами. Встретимся позже внизу и выпьем кофе.

- Но ты не закончил обедать.

- Я начинаю заботиться о своем весе.

Кендрик встал и направился к выходу. Зайдя в огромную полупустую комнату для отдыха, он уселся в кресло и задумался. Через полчаса Маверик присоединился к нему.

- Послушай, Роджер, - сказал Кендрик, когда Маверик сел рядом с ним, - миссис Лепски должна приобрести у тебя отличный чемодан.

- У нее не так много денег для этого. Однако это неплохая мысль. Я постараюсь ее уговорить.

Кендрик похлопал пухлой ладонью по руке Маверика:

- Она должна купить хороший чемодан и дамскую сумочку. Даже лучше два чемодана. Один для нее, другой для мужа. Но сумочку - непременно.

Маверик с недоумением смотрел на кузена:

- Я не уверен...

- Подожди. Предложи эти вещи по такой смешной цене, чтобы она не смогла устоять. Разницу я тебе возмещу.

- Хитришь, Клод? Что у тебя на уме? Кендрик вздохнул. Он знал своего кузена.

- Скажем так: я заплачу тебе десять тысяч долларов, но не задавай мне никаких вопросов.

- Извини, Клод, я должен знать, что ты задумал. Мне не хочется впутываться в дела, о которых я не имею ни малейшего представления.

Кендрик снова вздохнул. Он знал, что Роджер не пойдет ни на какое сотрудничество до тех пор, пока карты не будут выложены на стол. Но неожиданно осенившая Кендрика идея должна была решить проблему, как доставить икону в Швейцарию. В багаже известного полицейского она наверняка успешно пересечет все границы. Зная, что это может стоить ему кучу денег, Кендрик все же рассказал Мавериду об иконе и о плане переброски ее в Швейцарию.

Глава 3

Следующие два дня Кэрол была так занята, что ей не удавалось выкроить ни единой свободной минуты. Она отвела Лепски к Гарри Левину, одному из лучших портных в городе, и взяла в свои руки выбор костюмов. Лепски любил пестрые, кричащие расцветки, что никак не устраивало Кэрол. Поэтому она сама подобрала ему темно-серый вечерний костюм и еще один - спортивного покроя. К этому было добавлено пара отличных темно-синих брюк, четыре спокойные рубашки и три галстука скромной расцветки. Все протесты со стороны Лепски Кэрол проигнорировала, заявив, что, если он настаивает на этих вульгарных рубашках, пусть платит сам.

Наконец, довольная, что муж, сопровождая ее, будет выглядеть прилично, Кэрол выписала чек, попросив все упаковать и доставить по их домашнему адресу.

- Мне нужна новая шляпа, - сказал Лепски. - Давай подберем.

- Лепски, - возразила Кэрол, - кто сейчас носит шляпы? Только лысые старики и идиоты копы. Я не хочу, чтобы ты походил на копа.

- Черт побери! Но я же и есть коп! - возмущенно закричал Лепски.

- Никаких шляп! - твердо стояла на своем Кэрол. - И если ты намерен взять в Европу это уродство, которое сейчас у тебя на голове, то я изрежу его на куски. А теперь иди на работу, а я займусь своими вещами.

Оставив Лепски ворчать что-то себе под нос, Кэрол прошла два квартала до салона Маверика. Два сказочных часа она провела с закройщиками, которые закалывали что-то булавками, разглаживали складки и все время отпускали комплименты по поводу ее фигуры.

Наконец закройщики закончили примерку, пообещав, что платья и дорожный костюм будут готовы через два дня.

Выйдя из примерочной, Кэрол наткнулась на ждавшего ее Маверика.

- Миссис Лепски, надеюсь, вы довольны? - спросил он со своей ослепительной улыбкой.

- Все чудесно! - воскликнула Кэрол. - Не знаю, как вас благодарить.

- А теперь сумочки и туфли.

Еще час проведя с Мавериком, Кэрол приобрела три пары обуви и два саквояжа. Она была наверху блаженства.

Деньги, подумала она, как хорошо иметь деньги.

- Да, миссис Лепски, - спохватился Маверик. - Еще одна вещь.

- Больше ничего не нужно, - твердо сказала Кэрол. - Я сказала: семь тысяч долларов, - значит, семь тысяч.

- Но вы пока что истратили лишь шесть с половиной тысяч, - возразил Маверик. - А как же багаж? Вам с мужем нужны отличные чемоданы. Ведь в парижских отелях о клиентах судят по чемоданам, а не по одежде. Об этом вы подумали?

Кэрол не подумала. Она вспомнила, что в последний раз, когда они с Лепски ездили отдыхать, их чемоданы были в ужасном состоянии. Ее бросило в дрожь при мысли о чемодане Лепски, доставшемся ему еще от деда.

Видя ее колебания, Маверик сделал знак одной из своих со вкусом одетых продавщиц. Та тут же принесла пару великолепных чемоданов из темно-синей кожи, с темно-красными ремнями.

- Они совершенно случайно у меня оказались, - врал напропалую Маверик. - Их заказала одна из моих состоятельных клиенток, а угодить ей нелегко. Они были изготовлены специально для нее и по ее указаниям. Она вернула их и пожаловалась, что они маловместительны. Мы немного поспорили. - Он сделал паузу и улыбнулся Кэрол. - Но поскольку это был ее заказ, она все оплатила, и я заказал для нее более вместительные. Так что вам повезло, миссис Лепски. Я могу отдать вам эти чудные чемоданы всего за сто долларов. Что вы на это скажете?

Кэрол с восхищением осмотрела чемоданы. Она подумала, что ничего подобного она в жизни не видела, и умирала от желания получить их.

- Но это же почти даром!

- Не совсем. Мне ведь за них уже заплатили. Почему бы не оказать маленькую услугу такой красивой женщине, как вы.

Кэрол не колебалась:

- Хорошо, я их беру.

- И вы не прогадаете. Теперь, миссис Лепски, у меня имеется дамская сумочка под цвет этих чемоданов, так что разрешите сделать вам маленький подарок. Она, право же, очень мила.

Продавщица принесла дамскую сумочку, при виде которой Кэрол просто остолбенела.

- И вы хотите сказать, что вы мне.., ее дарите?!

- Почему бы и нет? Ведь за нее уже заплачено. А ваш заказ заслуживает небольшой скидки. Примите это, пожалуйста.

- О, благодарю вас. Это просто очаровательно.

- Платья и чемоданы вам доставят в среду. Если я не ошибаюсь, вы улетаете в четверг.

- О, но я могу забрать их и сейчас! - воскликнула Кэрол, не желая расставаться со своими покупками.

- Хорошо, миссис Лепски, но я хотел бы проставить на чемоданах и сумочке ваши инициалы, а к сумочке подобрать специальный набор косметики. Предоставьте это мне.

- Не знаю, как вас благодарить, мистер Маверик. Тогда в среду?

- Никакой задержки не будет, мадам. Маверик лично проводил Кэрол до лифта, а уже через три минуты звонил Кендрику:

- Все улажено, Клод. Она в восторге от чемоданов, и я обещал ей, что чемоданы и сумочка будут доставлены в среду утром.

- Умница! - воскликнул Кендрик. - Наш объект имеет размеры восемь на девять дюймов и примерно в полдюйма толщиной.

- Что ж, сумочку придется немного переделать. "Объект" ее, конечно, утяжелит, но, я надеюсь, не так заметно.

- Да, это нетрудно.

- Она не держала сумочку в руках, так что разницу в весе не ощутит. Я хочу заполнить сумочку самой шикарной косметикой. Мадам будет так поражена содержимым сумочки, что ни на минуту с ней не расстанется.

- Отлично сделано, Роджер.

- Но ты мне должен три тысячи долларов, Клод.

- Да, - Кендрик тяжело вздохнул.

- И еще сто тысяч, когда получишь деньги за работу.

И снова Кендрику пришлось вздохнуть:

- Да.

- Договорились. Пришли ко мне Луи во вторник вечером. - Маверик повесил трубку.

Кендрик сорвал с головы парик и вытер лысину шелковым платком. Потом кое-как напялил парик и позвал Луи.

Луи немного задержался, будучи занят с клиентом, но через двадцать минут он проскользнул в кабинет Кендрика.

- Так что там насчет копии, дорогой? Готово?

- Конечно. Все в лучшем виде. - Луи неуверенно глянул на Клода. - Это жутко опасно, беби. Я все же очень боюсь.

- Тащи ее сюда, - жестко отрезал Кендрик. Он и сам был не в восторге от предстоящей операции, но его согревала мысль о трех миллионах долларов.

Когда Луи вернулся с копией иконы, Кендрик почувствовал себя увереннее.

- Ты настоящий мастер, дорогой.. Очень хорошо.

Кендрик тщательно сверил копию с репродукцией в каталоге.

- Я не смог точно подобрать цвета, - словно оправдываясь, сказал Луи, - но они достаточно близки.

- Да.., вполне.

- Будь осторожен с этим делом, беби, - сказал Луи. - Будет жуткий скандал. Мы можем угодить под суд.

Кендрик про себя согласился с этим. Однако он уложил копию в "дипломат", поправил парик и отправился в отель "Спэниш Бэй". Он нашел Эда Хеддона загорающим на террасе.

- Зайдем в номер, Эд, - сказал Кендрик после того, как они обменялись рукопожатиями.

В роскошных апартаментах Хеддона Кендрик, проверив, заперта ли дверь, извлек копию.

- Твой человек хорошо поработал, - одобрительно сказал Хеддон, изучая копию. - То, что нужно.

- А сейчас мне бы хотелось кое-что тебе сказать. - Кендрик уселся в уютное кресло. - Мне кажется, я нашел возможность переправить икону в Швейцарию. Если это не сработает, то я даже и не знаю, как быть. Риск, конечно, есть, но, мне кажется, минимальный.

Хеддон усмехнулся, довольно потирая руки:

- Я был уверен, что ты что-нибудь придумаешь. И как же ты намереваешься повернуть это дело?

- Вначале скажи: ты совершенно уверен, что сможешь украсть икону?

- Не стоит и говорить на эту тему. Я сказал - ты получишь ее во вторник, - с раздражением сказал Хеддон. - Получишь! А вот как ты ее будешь переправлять в Швейцарию?

Кендрик рассказал ему о своем кузене.

- По чистой случайности жена одного полицейского офицера - Лепски - пришла в салон Роджера заказать себе платья для поездки в Европу. Они с Лепски будут в Париже, Монте-Карло и Швейцарии. Им придется пересечь границы Франции, Швейцарии и пройти таможи. Мой кузен продал миссис Лепски чемоданы и дамскую сумочку. Он разберет сумочку, вставит в нее икону и тщательно все замаскирует. Как тебе нравится такая идея?

- Ты хочешь использовать копа, чтобы вывезти икону в Европу? - От удивления Хеддон даже рот раскрыл.

Кендрик кивнул:

- А почему бы и нет? Что может быть надежнее этого? Неужели кому-то придет в голову заподозрить детектива, едущего в отпуск, в контрабанде? Лепски отлично знают в таможене аэропорта Майами и пропустят без досмотра. Ему стоит показать свой жетон полицейского французским и швейцарским таможенникам, и будет то же самое. Как тебе нравится эта мысль?

Хеддон почесал затылок, потом ухмыльнулся:

- Похоже, что мы с тобой, Клод, имеем шанс получить кучу денег. Твоя мысль мне нравится.

- Стараюсь... Но тут тоже есть проблемы. - Кендрик смущенно заерзал.

- Что же это?

- Мы вручим жене Лепски игрушку ценой в шесть миллионов долларов. Само собой, она об этом даже и не подозревает. И все же шесть миллионов попадают в ее распоряжение. А что мы об этой мадам знаем? Может быть, она разиня. Может, она, как многие бабы, теряет их. Представь себе, что она забудет где-нибудь сумочку. Что тогда будет?

- Да она скорее забудет где-нибудь свои трусы, чем такую дорогую сумочку с ценными для нее вещами.

- И тем не менее.., женщины способны на любые глупости. Они умудряются даже оставлять где-то свои бриллианты.

- Тут ты прав, Клод. Придется слетать в Вашингтон и поговорить с Бреди. Я постараюсь устроить так, чтобы рядом с ней постоянно кто-то находился. Он и будет следить за сумочкой до тех пор, пока Лепски не окажутся в Швейцарии. Уж Бреди что-нибудь придумает.

Кендрик немного успокоился:

- Да, наверное. Лучше сделать так, чтобы кто-то постоянно следил за нею и Лепски. Однако надо предупредить этого человека, что с Лепски шутить нельзя, это хитрый коп. У него не должно возникнуть и тени подозрения, что кто-то сел ему на хвост.

- О'кей. Положись на меня. Я лично привезу тебе икону во вторник часам к пяти и тогда расскажу обо всем, что сделано. Не беспокойся, Клод, все должно сработать!

Через четыре часа Хеддон уже разговаривал с Лу Бреди, до сих пор пребывающим в личине священника. Они сидели в номере Бреди в мотеле. Бреди одобрительно кивнул, когда услышал о плане Кендрика. Он тоже признал идею блестящей. Тогда Хеддон поделился с ним опасениями Кендрика:

- Этим не следует пренебрегать, Лу. Я лично прослежу, как Лепски пройдет таможеню в Майами. Надо, чтобы кто-то сделал это и в аэропорту Парижа. Не мешает контролировать сумку и во Франции. У тебя есть там кто-нибудь?

Бреди с минуту подумал, потом утвердительно кивнул:

- Пьер и Клодетта Дювайн. Это мои французские агенты. Будь спокоен. Им надо будет хорошо заплатить, но зато они присосутся к чете Лепски, как пиявки, до самой швейцарской границы.

- Люди надежные? Бреди улыбнулся:

- Эд, дорогой мой!

Хеддон кивнул удовлетворенный.

В уютно обставленном двойном номере отеля на рю Труайя Альфред Брюно в XVI арондисмане Парижа Пьер Дювайн, сидя в кресле, хмуро пересчитывал оставшиеся в бумажнике купюры. Это был смуглый брюнет тридцати семи лет, которого часто принимали за известного киноактера Алена Делона. Будучи неплохим экспертом по антиквариату, драгоценным камням и живописи восемнадцатого века, работая на выгодных комиссионных, он поддерживал постоянную связь с Лу Бреди, снабжая того полезной информацией.

Как известно, Париж в августе вымирает и возвращается к активной жизни в начале сентября. Даже сейчас в городе еще было полно мест для парковки, а лучшие рестораны только-только начинали готовиться к следующему прибыльному сезону.

Обычно Пьер и его жена проводили август на побережье, где собиралось все общество, но "Пьер попал в автомобильную аварию и совсем недавно выписался из госпиталя. Клодетта, будучи преданной женой, осталась в Париже, чтобы каждый день навещать Пьера в госпитале.

Сосчитав наличность, Пьер еще больше нахмурился. Из ванной вышла Клодетта.

- Деньги? - спросила она, глядя на банкноты в его руках.

Клодетта, которая была на пять лет моложе мужа, даже в десять утра, едва встав с постели, выглядела очаровательной. Высокая, гибкая,

длинноногая, с золотисто-рыжими волосами и изумрудными глазами, она играла важную роль в махинациях мужа. Время от времени Клодетта соблазняла какого-нибудь богатого старика, который приглашал ее к себе домой. Там она со знанием дела выглядывала все ценное, позволяла затащить себя в постель, а потом, вернувшись домой, давала Пьеру полный отчет о тех ценностях, которые стоило красть, о системах сигнализации, замках на дверях и тому подобном. Дальше информация поступала к Бреди, который использовал ее весьма успешно.

Дювайны были счастливо женаты уже пять лет, хотя иногда Пьер впадал в меланхолию и становился раздражительным. Клодетта, по малейшим признакам угадывавшая настроение мужа, как могла успокаивала его, нейтрализуя меланхолию утонченными сексуальными приемами.

Вот и сегодня настроение мужа было мрачным.

- Мы на мели, - мрачно сказал Пьер. - После оплаты счетов из госпиталя в бумажнике будет хоть шаром покати.

Клодетта нежно погладила его по голове:

- К чему забивать голову такими пустяками, мое сокровище? Что-нибудь подвернется. Дай мне пять минут, и я принесу тебе кофе.

Пьер хлопнул ее по очаровательным выпуклостям пониже спины и улыбнулся:

- И что бы я без тебя делал, моя дорогая. Она вышла, а муж вновь начал пересчитывать деньги. У него оставалось немногим больше десяти тысяч франков. Он поморщился. Среди его многочисленных талантов был и талант карманника. Начав работать на Лу Бреди, Пьер перестал лазить по карманам, но теперь неохотно подумал, не стоит ли вспомнить былое ремесло. Это даст возможность протянуть до тех пор, пока сливки парижского общества не вернутся по домам. Однако по зрелом размышлении Пьер все же отбросил эту мысль, полагая, что риск слишком велик, да и он утратил прежние навыки.

В тот момент, когда Клодетта внесла кофе, раздался телефонный звонок. Они переглянулись.

- Кто бы это мог быть? - Поднявшись, Пьер снял трубку. - Пьер Дювайн слушает.

- Это Лу Бреди. - Голос доносился отчетливо, словно Лу находился в соседнем номере отеля, а не по ту сторону Атлантического океана. - Я в Вашингтоне. Для тебя есть работа. Встречаемся в баре в "Хилтоне" в 23.30. Будь с Клодеттой. - В трубке послышались гудки.

- Это Бреди! Есть работа!

Пьер устремил на Клодетту радостный взгляд. Они оба знали, что “работа” Бреди всегда обещала деньги.

- Вот видишь, дорогой! - воскликнула Клодетта, ставя поднос на столик. - Я же сказала, что нам подвернется что-нибудь. - И она кинулась в объятия Пьера.

Ровно в 23.30 Пьер в сопровождении Клодетты вошел в переполненный бар в отеле “Хилтон”. Они растерянно обвели взглядами зал, но не увидели никого похожего на Лу Бреди. Чья-то рука коснулась локтя Пьера. Оглянувшись, он увидел неприметного человечка с бородой и усами, довольно полного, со сползающими на нос очками. Супруги уже привыкли к перевоплощениям Бреди, но сейчас он провел их весьма ловко.

- Идем в мой номер, - спокойно произнес Бреди.

По дороге на четвертый этаж никто не проронил ни слова. Лишь войдя в номер, Пьер воскликнул:

- Лу, это просто фантастика!

- Конечно. - Бреди предложил Клодетте единственное кресло, указал Пьеру на стул, а сам уселся на кровать. - Для вас имеется срочная работа. Это очень важно. Слушайте внимательно.

Не упоминая об иконе, Бреди сказал им, что они должны находиться рядом с супругами Лепски, постоянно держать их в поле зрения, едва только те сойдут с трапа самолета в аэропорту Шарля де Голля в ближайшую пятницу, - Они проведут некоторое время в Париже, затем отправятся в Монте-Карло и на побережье и после этого в Швейцарию. Все это время вы должны быть неразлучны, как грудной ребенок неразлучен с матерью. У женщины в руках будет находиться дамская сумочка, а в ней некий предмет, о существовании которого она не подозревает. Сумочка с этим предметом должна любой ценой попасть в Швейцарию. Он надежно защит в ней, и я не думаю, что на таможене возникнут сложности, но вы должны убедиться, что женщина с сумочкой благополучно пересекла границу.

Пьер насторожился:

- Что это за предмет?

- Тебе это знать ни к чему, но предмет очень ценный.

- Надеюсь, не наркотики?

- Конечно нет! Всего лишь произведение искусства.

Пьер и Клодетт обменялись понимающими взглядами.

- Сделать это как будто не трудно. И какова цена?

- Двадцать тысяч в швейцарских франках и издержки, - сказал Лу Бреди, подсчитавший все заранее. - Можете рассматривать это как оплаченный отпуск.

- Давай все точно обговорим, - сказал Пьер, который хорошо знал, что с Лу всегда надо держать ухо востро. - Мы должны следовать за этой парочкой, останавливаться в одних и тех же отелях, следить, чтобы женщина не расставалась с сумочкой, не забыла ее случайно где-нибудь при переезде с места на место, и, когда сумочка пересечет швейцарскую границу, мы получим двадцать тысяч франков. Правильно?

Бреди теребил свою фальшивую бородку.

- Еще кое-что, Пьер. Вы приедете с ними в Швейцарию, остановитесь в том же отеле. Когда их не будет в номере, заберете сумочку и привезете ее ко мне в отель “Эден”, в Цюрихе. Тогда и получите деньги.

- А кто эти люди?

- Хороший вопрос; Да, вам это нужно знать. - Лу помолчал. - Он детектив первого класса из полиции Парадиз-Сити, а женщина - его жена. Пьер замер:

- Ты хочешь сказать, что я должен похитить сумочку у жены опытного копа?

- А что здесь такого?

- Да что угодно! Представляешь, какой крик поднимется при исчезновении сумочки. Ну, а уж коп перевернет все вверх ногами. Мне это не нравится, Лу.

Бреди улыбнулся:

- Спокойнее. Он не узнает, что сумочка пропала.

- Но его жена узнает, - резко сказала Клодетта.

- Ни тот, ни другая ничего не узнают. У меня имеется точно такая же копия первой, и я передам ее вам в Швейцарии, а ты просто переложить вещи миссис Лепски в копию и, спокойно выйдя из номера с оригиналом, отправишься ко мне. Никто не заподозрит подмены.

Дювайн немного подумал, потом одобрительно кивнул:

- Да, голова у тебя варит. Ладно, пойдем дальше. Где они собираются останавливаться? Ты же знаешь, что номера в отелях Парижа, а тем более Монте-Карло, нужно заказывать заранее. Так что мне нужен их точный маршрут.

- Не вопрос. - Бреди вынул из бумажника сложенный листок бумаги.

- Эд все проработал. Кузен Кендрика отправился в отделение “Америкэн экспресс” в Парадиз-Сити и сказал девушке, которая организовала их поездку, что хочет послать им цветы во все отели, где они остановятся. Она дала ему копию их маршрута. Они пробудут четыре дня в отеле “Эксельсиор” в Париже, три дня в отеле

“Метрополь” в Монако и три дня в “Монтре-Палас” в Монтре. Здесь есть все даты. - И он протянул Пьеру листок.

- Двадцать тысяч швейцарских франков и расходы?

- Да.

Клодетта в экстазе вздохнула. Пьер изучил маршрут, некоторое время подумал, затем глянул с улыбкой на Лу:

- У меня появилась идея. А что, если мы случайно окажемся в аэропорту в тот момент, когда прибудут супруги Лепски? Клодетта завяжет с ними разговор, потом подойду я. Вы намереваетесь остановиться в “Эксельсиоре”? Ах, какое совпадение! Мы тоже там остановились, а потом направляемся в Монако... У нас здесь машина, так что мы можем вас захватить с собой в “Эксельсиор”. Я знаю американцев, Лу, так что гарантирую, мы быстро станем друзьями. Их хлебом не корми, но дай почувствовать, как мы их уважаем. Так что я покажу им все достопримечательности Парижа, а затем отвезу в Монако. Я буду улаживать все их проблемы с багажом, так что сумочка всегда будет в поле моего зрения.

- Отлично! Но недооценивать Лепски опасно. Он опытный коп.

- Это уж мои проблемы. А теперь неплохо бы получить небольшой аванс.

Бреди полез в карман за бумажником.

Густав Хольц укладывал в “дипломат” документы, когда в кабинет вошел Герман Радниц.

- Вам нужно срочно повидать Клода Кендрика и узнать, как именно он намеревается переправить икону в Цюрих и с кем именно он проворачивает это дело. Если я не буду точно уверен, что он сможет доставить туда икону, я откажусь от этого дела.

- Как скажете, сэр, - кивнул Хольц. - Я немедленно займусь этим.

- Подождите. - Радниц закурил сигару. - Нужно найти замену Лю Силку.

Глаза Хольца на секунду сузились. Лю Силк был наемным убийцей, карающей десницей Радница, многие годы избавлявшей Радница от негодных ему людей. Несколько месяцев тому назад Силк погиб в ходе операции, не имевшей отношения к Радницу.

Радниц был высокого мнения о талантах Хольца, за много лет успев убедиться, что тот мгновенно находит решение любой проблемы. Но сейчас даже он удивился, когда Хольц с готовностью кивнул.

- Вот как? И кто же это?

- Конечно, сэр... Мой племянник.

- Что-то я не слышал, чтобы у вас был племянник.

- Мой брат и его жена погибли в автомобильной катастрофе, но их сын, тогда ему было три года, выжил. Его зовут Серж. Как близкий родственник, я позаботился о мальчике, так что он получил прекрасное образование, свободно владеет английским, французским, немецким и русским языками. Но в восемнадцать лет, вопреки моей воле, он ушел в армию, и на десять лет я потерял с ним связь. Недавно Серж дал о себе знать. Служба в армии ему надоела, и он попросил, чтобы я нашел для него какую-нибудь работу. Он так похож на Силка, что я решил поддержать некоторое время парня в резерве - на тот случай, если вдруг Силк вас разочарует или случится что-нибудь непредвиденное. Так и случилось. Силк погиб, а, насколько я знаю, по своим качествам Серж ни в чем не уступает Силку. А может быть, и превосходит его. Я ручаюсь за него.

- Вы удивительный человек, Хольц. Вы всегда предугадываете мои требования. И чем же сейчас занимается ваш племянник?

- Совершенствуется в стрельбе из всего, что стреляет..., и ждет своего часа.

- Хорошо... Раз вы за него ручаетесь, он может считать, что нанят. На тех же условиях, что и Силк. А теперь отправляйтесь и поговорите с Кендриком.

Полчаса спустя Густав Хольц уже сидел в кабинете Кендрика. Кендрик, напуганный грозным видом посетителя и встревоженный известием, что Радниц может в последний момент отказаться от их соглашения, во всех подробностях объяснил, как намеревается переправить икону в Швейцарию, рассказав также о Хеддоне, Бреди и Дювайнах.

Хольц внимательно выслушал, затем сказал:

- Мне нужна фотография сумочки, чтобы показать ее Радницу.

- Нет ничего проще. Я ее фотографировал, чтобы сделать копию. - И Кендрик вытащил несколько цветных фотографий.

- Уверен, мистер Радниц останется доволен вашим планом. - Хольц поднялся. - Поздравляю вас.

- Так что я могу рассчитывать на оплату в Цюрихе? - с беспокойством спросил Кендрик.

- Разумеется. Как только икона будет доставлена, нужная сумма незамедлительно будет переведена на ваш счет.

Вернувшись в отель "Бельведер", Хольц познакомил босса со всеми деталями плана Кендрика. Радниц слушал молча, время от времени одобрительно кивая.

- Что ж, план неплохой. - Некоторое время Радниц задумчиво рассматривал фотографию сумочки, затем его жабыи глаза приняли хищное выражение. - Когда Кендрик провалил это дело, связанное с русскими марками, я обещал себе проучить его. Мне нужна точная копия этой сумочки. Пусть ваш племянник доставит ее на мою виллу в Цюрихе.

Хольц, бывший, как всегда, настороже, заметил:

- Извините, мистер Радниц, но я считаю, это не вполне разумно.

- Почему, хотелось бы знать?

- Молодой человек с дамской сумочкой немедленно вызовет подозрение у полиции. Ведь ему придется пройти через швейцарскую таможеню. Это может быть опасно. Я знаю в Цюрихе человека, который изготовит точно такую же сумку. Ему надо будет только выслать фотографию. Уверяю вас, с этим не будет проблем.

Радниц удовлетворенно кивнул:

- Вы, похоже, успеваете обо всем подумать. Что ж, согласен и полностью полагаюсь на вас. А вашего племянника я ожидаю к концу недели.

Хольц слегка наклонился, забрал фотографию и вышел.

Молодая негритянка потянулась во сне, издав легкий стон удовлетворения. Обнаженная, она лежала на смятой застиранной простыне, стройное тело блестело от пота, а длинные пряди шелковистых черных волос разметались по лицу.

От ее движений лежащий рядом мужчина проснулся с реакцией дикой кошки. Он оглядел маленькую грязную комнатку, спящую рядом с ним девушку, шторы на окнах, сдерживающие блеск флоридского солнца. Взгляд его охватил тростниковый стул, таз с отбитой эмалью на расшатанном столе с подкосившимися бамбуковыми ножками и брошенные на пыльную циновку потную рубашку, джинсы и мокасины.

Полулежа на локте, он вновь глянул на девушку. Ему надоели белые женщины, в настоящий момент он предпочитал черных. Белые, прежде чем отдаться, слишком много требовали. Черные же сразу говорили “да” или “нет”. Эта прямота импонировала ему. С тех пор как он приехал в Майами, он отверг скучных, избалованных белых девушек.

В свои двадцать восемь лет Серж Хольц был великолепным образчиком мужской породы и очень гордился стройным натренированным телом. Высокий, с длинными, до плеч, волосами

цвета спелой ржи и мускулатурой боксера, он вызывал интерес у женщин. Но этот интерес сразу угасал, стоило Сержу повернуться лицом. Его лицо пугало, но и завораживало женщин. В этом узком лице с приплюснутым носом боксера, ледяными глазами-щелками и чувственным ртом часто вспыхивал сексуальный призыв, возбуждавший женщин. Даже когда Серж улыбался, взгляд его оставался беспощадным. Дружбы в любом виде он не признавал. За долгие годы службы в армии в качестве наемника, убивая, грабя и насилая в компании таких же головорезов в Конго и других африканских странах, он ни с кем так и не сдружился.

Даже его учителя, считавшие его блестящим учеником, относились к нему настороженно, чувствуя в нем какое-то зло.

Серж предпочитал одиночество. Когда боевые действия в джунглях заканчивались, он проводил время в спортивных залах, боксируя, изучая каратэ и все способы эффективно и незаметно убивать. Зачарованный ковбойскими телефильмами, он научился быстрее всех выхватывать оружие и стал самым метким стрелком. Удовлетворенный этим, он перешел к бросанию ножа и стал непревзойденным мастером.

Серж уважал лишь одного человека: своего дядю Густава Хольца. Помимо удовольствия безжалостно убивать и гоняться за женщинами единственным интересом в жизни Сержа были деньги. Устав от армейской жизни, он вернулся из Африки в Париж, где его дядя работал у Германа Радница. Богатство, могущество и власть этого человека, о которых рассказал дядя, произвели на Сержа сильное впечатление.

Серж долго обсуждал с дядей свое будущее. Он намеревался присоединиться к повстанцам Кастро и отправиться на Кубу, но дядя посоветовал ему подождать. Он снабжал Сержа деньгами на жизнь и пообещал рано или поздно найти ему место в обширной империи Радница. Густав Хольц рассказал племяннику о Лю Силке, пояснив при этом, что у мистера Радница много врагов и некоторые из них мешают ему. Вот Силк и заставляет таких людей исчезать. Силк получает четыре тысячи в месяц, а за каждое успешно выполненное дело еще и премию в пятьдесят тысяч. Но Силк уже не молод. Он может уйти в отставку, его могут прикончить... И тогда на место Лю Силка он, дядюшка, порекомендует Сержа. А сейчас главное - запастись терпением и ждать, тренируясь, чтобы держать себя в прекрасной форме.

- Но зачем ждать? - удивился Серж. - Скажи, где мне отыскать этого Силка, и он исчезнет.

Густав покачал головой:

- Не все так просто. Тебе до Силка еще далеко. Ты, конечно, хорош, но он просто совершенство. Зачем рисковать твоей жизнью? Да и Радниц может что-нибудь заподозрить.

Итак, Серж остался в Париже, совершенствуя свою технику убийства, волочась за женщинами и почитывая биографии мировых лидеров.

Когда Радниц переехал в Парадиз-Сити, Серж перебрался в Майами, где дядя снял для него скромную квартирку. Делать было совершенно нечего. Серж часами валялся на пляже, флиртовал с девочками, развлекался тем, что на пари метал ножи в стволы палм и терпеливо ждал своего часа, свято веря в слова своего дяди. Рано или поздно, но он займет свое место в империи Радница.

Накануне ему захотелось провести время с девушкой, и он помчался на своем мотоцикле "Хонда" в негритянский квартал Западного Майами и там нашел вот эту, которая спала сейчас рядом с ним. Он угостил ее кока-колой, и она рассказала, что муж уехал по делу в Ки-Уэст и не вернется до вечера. Они только обменялись взглядами, и Серж понял, что у нее те же намерения. Устроившись за его спиной на мотоцикле, девица объяснила ему, как проехать к лачуге, где она жила.

Как только он удовлетворял свое желание, его интерес к женщинам сразу пропадал. Равнодушно глянув на спящую, Серж соскочил с кровати, влез в джинсы и потянулся за рубашкой. В этот момент перед хижиной раздался скрип тормозов подъехавшей машины. Подскочив к окошку, Серж глянул сквозь жалюзи. Перед хижиной стоял старый, потрепанный "линкольн". Дверца открылась, и оттуда выпрыгнул огромный мускулистый негр в светлом костюме. На его жестком, небритом лице, блестевшем от пота, застыло злобное, пугающее выражение. Когда он зашагал по дорожке к дому, девушка проснулась и, глянув в окно, стала серой от страха.

Почти бегом негр подскочил к двери и навалился на нее всем телом.

Серж хищно улыбнулся. Два быстрых шага - и он у стены возле двери, которая сотрясалась от сильных ударов. Девушка с ужасом смотрела на прогибающуюся дверь. Еще несколько секунд - и дверь распахнулась. Со злобным ревом, размахивая сверкающим на солнце ножом, в хижину влетел обманутый муж.

Девушка вскрикнула и, закрыв руками обнаженную грудь, упала на постель.

Двигаясь бесшумно, как атакующая кобра, Серж вышел из-за двери. Ребром ладони он ударил по бычьей шее негра, применив прием каратэ. Хижина содрогнулась от крыши до потолка, когда черный гигант грохнулся на пол. Девушка опять вскрикнула.

- Успокойся, - сказал Серж. - Не заводишься.

- Он мертв? - Она забилась в угол кровати и с ужасом смотрела на неподвижное тело.

- Нет.., нет. Просто спит. - Серж натянул пропотевшую рубашку.

- Когда он проснется, он убьет меня! Серж начал надевать мокасины.

- Не убьет. Я позабочусь об этом.

- Он избьет меня! - застонала девица. Серж покачал головой; его длинные волосы взметнулись как флаг.

- Нет.

- Нет, избьет! До крови!

Серж хладнокровно наклонился над безжизненным телом. Взяв громадную ручищу левой рукой, правой он захватил мизинец. В следующее мгновение послышался характерный хруст сломанной кости. Ту же самую манипуляцию Серж проделал и со второй рукой. Разогнувшись, он улыбнулся помертвевшей от происходящего девушке.

- Вот теперь он не сможет коснуться тебя, беби. А чтобы он не вздумал ударить ногой, и с ногами мы проделаем аналогичную операцию.

Пока девушка, дрожа всем телом, наблюдала за ним, Серж снял с поверженного великана ботинки и хладнокровно переломал тому мизинцы на ногах.

- Твой муж беспомощен и будет рад, если ты начнешь ухаживать за ним.

Улыбнувшись на прощанье своей холодной улыбкой, Серж вышел из хижины и, усевшись на мотоцикл, погнал “Хонду” в направлении Майами.

Вернувшись домой, он узнал, что звонил дядя и просил срочно перезвонить ему. Глаза Сержа загорелись. Неужели пришло его время? Он тут же позвонил в отель.

- Это Серж, - сказал он, услышав в трубке голос дяди.

- Немедленно приезжай в отель “Бельведер” в Парадиз-Сити, - коротко сказал Хольц. - Ты зачислен в штат сотрудников мистера Радница. - В трубке послышались гудки.

Серж положил трубку и некоторое время неподвижно стоял задумавшись. Потом начал быстро собирать чемодан.

Итак, его долгое ожидание кончилось.

Фред Скунер, который возглавлял службу безопасности Музея изящных искусств в Вашингтоне, стоял вверху широкой мраморной лестницы в три пролета, ведущей в вестибюль второго этажа. Именно там была размещена экспозиция, любезно предоставленная Эрмитажем.

Скунеру уже перевалило за пятьдесят. Это был крупный мужчина в темно-синей форме и с такой же фуражкой на голове. Золотые шевроны на рукавах указывали на его ранг. Рядом стоял агент ФБР Джек Трамблер в темном костюме и без шляпы. Пиджак Трамблера слегка оттопыривался в том месте, где в кобуре находился специальный полицейский револьвер 38-го калибра.

Оба мужчины рассматривали длинную очередь перед контрольным экраном, мимо которого должны были пройти все посетители выставки. У входных дверей стояла вооруженная охрана, регулировавшая людской поток. Еще один охранник направлял людей в гардероб, где следовало оставить все, что было у них в руках.

Трамблер, худой, с жестким лицом мужчина лет тридцати с небольшим, был недоволен тем, что его назначили сюда. Ему совершенно не нравилось просто стоять и смотреть на этих любителей искусства и праздных бездельников, но данные ему инструкции были ясными и точными. Его начальник сказал, что он и его четверо парней должны быть все время начеку. “В этом проклятом городе полно всяких психов, - говорил босс. - Разумеется, каждый экспонат снабжен индивидуальной сигнализацией. Но ведь не исключено, что какой-нибудь псих швырнет бутылочку с кислотой в картину. Меня лично проинструктировал президент, так что я, в свою очередь, предупреждаю вас - никаких инцидентов”.

Такие же указания получил Скунер из Белого дома. Все его люди последнюю неделю были в постоянной боевой готовности, и напряжение уже начало сказываться. В восемь часов вечера, когда музей закрывался, охранники посменно оставались на ночное дежурство.

- Скорее бы уж эта шумиха кончилась, - проворчал Трамблер. - Еще целая неделя! Скунер кивнул:

- Эта публика выглядит вполне прилично, но кто может знать. Здесь так много чудаков, настроенных против русских. Такой тип по политическим мотивам может повредить какой-нибудь экспонат. Мне кажется, что последняя неделя может оказаться и самой напряженной.

- Видимо, да. Представляешь, какой поднимется шум, если кто-нибудь выкинет здесь какой-нибудь фокус? - хмуро сказал Трамблер. - Представляешь, какой шанс для Советов обвинить нас в халатности? Не

сомневаюсь, они будут только рады, если какой-нибудь псих что-нибудь выкинет.

- Но меры безопасности такие строгие, что дальше некуда.

- Ну да. Как у тебя с этими парнями из КГБ?

- Никакого контакта. Они притворяются, что говорят только по-русски.

- У меня тоже.

Пока двое мужчин беседовали, поток посетителей все увеличивался и очереди на первом этаже росли.

Бело-голубой фургон с надписью на борту “Вашингтон-Сити электрик корпорейшн” подкатил к главному входу. Высокий негр в униформе корпорации выпрыгнул из него и подошел к одному из охранников.

- Нам позвонил мистер Скунер, - сказал он. - У вас что-то случилось с электрощитом. Охранник оглядел электрика:

- А вы знаете, где расположен этот щит?

- Еще бы, - ухмыльнулся негр. В это время ко входу подрулил большой туристский автобус, и охранник нетерпеливо махнул рукой, пропуская негра. Фургон электриков завернул за фасад музея, где не было никакой охраны.

Из подъехавшего автобуса вышел невысокий, толстенький, улыбчивый священник.

- Преподобный отец Хардкастл, - представился он. - Я привез свою паству посмотреть экспозицию. У вас должна быть наша заявка, я полагаю.

Охранник был предупрежден, что тридцать пять вьетнамских беженцев приедут на выставку в сопровождении преподобного Хардкастла.

- Сэр, - охранник козырнул. - Ваши билеты.

- Разумеется. - Священник вытащил пачку билетов и паспорт.

- Паспорт не нужен, сэр. - Охранник быстро просмотрел билеты.

- Я предположил, что охрана очень строгая, вот и прихватил документы на всякий случай.

По мнению охранника, все служители церкви, толстые или тонкие, были большими занудами и никчемными людьми. Он глянул на вьетнамцев, выглядывавших в окна автобуса, что-то проворчал себе под нос и махнул рукой водителю.

- Проезжайте, - сказал он священнику. - В вестибюле есть еще пост охраны. Скажите своим людям, чтобы они оставили все в автобусе. Никаких сумочек, зонтиков, металлических предметов. Тем самым вы сэкономите и свое, и чужое время.

- Я все понял. Благодарю вас. - Священник забрался в автобус, и водитель медленно поехал в направлении главного входа.

Высадка пассажиров из автобуса заняла кучу времени. В автобусе они сустились, оставляя свои вещи. Двух последних женщин пришлось поддерживать под руки. Обе были на последнем месяце беременности.

- Вот черт! - проворчал Скунер. - Ты только глянь на них!

Он раздраженно осмотрел толпу вьетнамцев: мужчины, женщины, даже маленькие дети. Вьетнамцы были в национальных костюмах.

- Видимо, беженцы, - продолжал Скунер. - Святой отец организовал эту поездку через "Общество братской любви". Взгляни на этих двух женщин! У них такой вид, что они разродятся прямо здесь.

- Упаси Бог! - пробурчал Трамблер. - Нам только этого и не хватает.

Внизу, в вестибюле, охранник главного входа Чик Харли с любопытством рассматривал обеих беременных женщин. Харли, молодой, немного полноватый парень, не блистал никакими талантами и поступил в охрану музея, поскольку это обеспечивало ему в старости приличную пенсию, достаточную при его образе жизни и отсутствии амбиций. Десять месяцев тому назад, чувствуя прочность своего положения в жизни и не имея экстравагантных привычек, он женился. Его жена была похожа на него: без амбиций, вся в заботах о семье. Они оба любили детей. Его жена тоже была беременна и должна была со дня на день родить. Харли, обожавший свою толстушку жену, был в ужасе от того, как быстро растет у нее живот. Он насмотрелся по телевизору фильмов о родах, и они так его расстроили, что всю последнюю неделю он мучился, живо воображая, какое испытание предстоит его жене. И поэтому, когда Харли увидел двух юных, похожих на цветы беременных вьетнамок, у него по спине пробежал холодок.

Предъявив пачку билетов, толстый священник направился к своей группе. Харли отошел от двери и обратился к нему.

- Здесь есть лифт, сэр, - любезно сказал он. - Эти две женщины не смогут подняться по лестнице.

- Благодарю вас, вы очень любезны, что подумали об этом, - улыбнулся священник. Харли расплылся в улыбке:

- Мы с женой, сэр, тоже со дня на день ждем ребенка.

- Примите мои поздравления. Это замечательно!

Харли показал им лифт и заторопился на свой пост у двери.

Вьетнамцы гурьбой начали подниматься по лестнице, а две беременные женщины и священник вошли в лифт. Поднявшись, они подождали остальных.

Затем священник сказал:

- Следуйте за мной и не отставайте, - и направился в первый зал экспозиции.

- А среди этих вьетнамочек есть пара хорошеньких, - заметил Трамблер. - Я бы с удовольствием пообщался на досуге с одной из них. . - Выбрось из головы подобные мысли, - резко сказал Скунер. - Давай лучше пройдем по залам. Ты иди направо, а я - налево.

Тем временем вьетнамская группа двигалась от экспоната к экспонату, иногда задерживаясь возле них, чтобы выслушать пояснения священника.

Трамблер прошел мимо стеклянного ящика, в котором находилась икона Екатерины Второй, не привлекавшая особого внимания, и оказался в просторном зале, где были развешаны лучшие полотна, написанные маслом. Здесь народу было полно, и он заметил всех пятерых агентов КГБ, смешавшихся с толпой, а также двух своих сотрудников, наблюдавших за посетителями.

Священник между тем подошел к окну и глянул вниз. Он увидел во дворе голубой фургон электрокомпании, выезжавший из музея, и довольно улыбнулся. Посмотрев на часы, он перешел к следующему экспонату и вновь начал пояснения. Через десять минут он замолк и едва заметно кивнул одной из беременных женщин. Та отделилась от группы и подошла к охраннику, который с трудом подавлял зевок. Он дежурил прошлой ночью и теперь с нетерпением ждал, когда его сменят.

- Сэр, вы не подскажете, где здесь туалет?

Охранник посмотрел на ее большой живот и дружелюбно улыбнулся:

- Вон та дверь, мисс.

- Благодарю вас, сэр.

Женщина пошла к указанной ей двери в дальнем конце алькова с иконой, и в этот момент к стеклянному ящику с иконой подошел священник.

- Перед вами, друзья, - начал он пояснения, - первая из известных русских икон, которая принадлежала русской императрице Екатерине Второй.

Группа вьетнамцев расположилась плотным кругом возле шнура, за которым находилась икона. К ним тут же подошел охранник.

- Пожалуйста, не подходите близко, - предупредил он.

- Конечно, конечно.

Священник раскрыл иллюстрированный каталог, который был у него с собой. Охранник отошел. Выждав, пока он удалится, священник продолжал:

- Художник неизвестен, но, как вы сами можете убедиться, учитывая...

Послышался громкий хлопок, и из урны у дамского туалета повалили густые черные клубы дыма.

Вьетнамцы немедленно устроили панику. Женщины завизжали, расталкивая друг друга, кричали мужчины, вопили дети. Охранник побежал к урне, из которой валил дым, но был вынужден отступить, задыхаясь и кашляя. Паника между тем затронула и соседние залы. Крики “Пожар!”, “Горим!” неслись из зала в зал. Все повалили к выходу.

Скунер, услышав шум, прибежал из правого крыла музея. Он моментально отметил, что огня нет и, скорее всего, взорвалась дымовая шашка. Метнувшись к лестнице, он крикнул Харли, который, растерявшись, смотрел на него:

- Закрывать двери! Никого не впускать и не выпускать!

Охранник, стоявший рядом с Харли у дверей, побежал к Скунеру, прыгая через три ступеньки.

Бежавшие с воплями вниз вьетнамцы едва не сбили их с ног, но с помощью охранника Скунеру все же удалось остановить толпу.

- Всем стоять на месте! - рявкнул Скунер. - Никакой опасности нет!

Оставшись в одиночестве, Харли закрыл мощной спиной дверь и стал смотреть на свалку, происходившую на ступеньках.

- Друг мой!

Харли повернулся и увидел рядом с собой толстого священника. Дверь лифта была открыта, и одна из беременных женщин лежала на полу.

- Боюсь, что этот кошмар может вызвать у нее преждевременные роды. Мистер Скунер уже позвонил в “Скорую помощь”... А вот и сирена. Помогите, пожалуйста!

Если бы Харли не растерялся, он, конечно, сообразил бы, что Скунер, сражающийся с вьетнамцами наверху лестницы, не смог бы так быстро вызвать карету “Скорой помощи”. Но нечеловеческие стоны, издаваемые лежавшей на полу вьетнамкой, и приближающийся вой сирены “скорой” совершенно лишили его остатков разума. В голове Харли билась одна лишь мысль: “Боже мой! Это может произойти и с Мэг!” Вместе со священником он поспешил к женщине, вдвоем они подняли ее на ноги. Ее блестевшее от пота лицо было искажено болью.

- Пропустите санитаров! - приказал священник.

Харли в возбуждении подскочил к двери, откинул защелку и впустил двух негров-санитаров с носилками. Он не мог знать, что всего четверть часа тому назад эти же двое были здесь в форме электриков. Они

положили вопящую от боли девушку на носилки и, прежде чем Харли успел что-либо сообразить, вышли, задвинули носилки в фургон, и “скорая” умчалась с завывающей сиреной.

- Отлично! - сказал священник. - Благодарю вас. Теперь я должен вернуться к своим людям и разобраться, что там происходит.

Он быстро двинулся к лифту, вошел в него и нажал на кнопку третьего этажа. Немногочисленные посетители на третьем этаже столпились у лестницы. Священник вошел в мужской туалет и закрыл дверь. Спустя три минуты дверь открылась, и из нее вышел молодой человек, худощавый, в белой спортивной рубашке и черных брюках. Он сразу же смешался с толпой, которую сдерживали охранники.

Благодаря действиям охраны паника была быстро остановлена. Раскрыли все окна, и густой дым начал рассеиваться.

Скунер все время кричал в мегафон:

- Пожара нет, это чья-то дурацкая шутка. Всем оставаться на местах.

Толпа повиновалась, как стадо овец. Трамблер подошел к Скунеру.

- Посмотри-ка. - Он показал пластиковый контейнер. - Хитрая дымовая бомба-самоделка. И прочти...

К бомбе была прикреплена записка: “Будь проклята, Россия! Антисоветская лига”.

- Этот сукин сын еще здесь! - завопил Скунер. - И мы его найдем!

К ним подбежал низенький агент КГБ.

- Не выпускать никого, пока мы не проверим все, - рявкнул он.

- Ясно, - сказал Скунер. - Это мистификация. Я поговорю с публикой.

Приложив к губам мегафон, Скунер, весь, в поту и предчувствуя неприятности, сообщил толпе, что какой-то шутник подбросил дымовую шашку и теперь, прежде чем всех выпустить, надо переписать фамилии и адреса. Просьба ко всем встать в очередь в вестибюле. Кроме того, продолжал Скунер, надо проверить, не нанесен ли ущерб экспонатам, а после этого всех отпустят.

Публика в толпе расслабилась и начала смеяться. Все, похоже, сочли, что кто-то подшутил над Советским Союзом.

Залы второго этажа опустели, кагэбэшники начали проверять экспонаты с целью установить размер ущерба. К удивлению Скунера, они оказались специалистами по художественным ценностям. Один из них, подойдя к футляру с иконой Екатерины, стал внимательно в нее всматриваться. Неожиданно его что-то смутило, потому что он перешагнул через шнур и вплотную подошел к иконе. Футляр оказался незаперт.

С замирающим сердцем Скунер следил за ним. Он ждал, что, как только человек дотронется до футляра, завоет сирена.

Эксперт вынул икону из футляра, посмотрел на нее и затем повернулся к Скунеру. Лицо его пылало огнем.

- Икону подменили!

Услышав это. Трамблер повернулся и бросился к ближайшему телефону.

Черный “Мерседес-280” свернул в небольшой переулок и проскользнул во двор разрушенного дома. Эд Хеддон взглянул на часы: в любом случае ждать десять минут. Он был совершенно спокоен. Эд глубоко верил в способности Лу Бреди. Операция была спланирована отлично, и только исключительное невезение могло все испортить. Хеддон не верил в везение или невезение.

Через девять минут во двор въехала машина “Скорой помощи”, и выскочивший из нее высокий негр подбежал к двойным воротам и запер их. Шофер, подойдя к Хеддону, поднял вверх большой палец.

- Порядок, босс, - сказал он, сияя. - Все прошло как по маслу.

Высокий открыл заднюю дверь, и из нее вышла молодая вьетнамка уже без всяких признаков беременности. Переодетая в темно-красные брюки и желтую блузку, которые были приготовлены в “скорой”, она была неузнаваема. Девушка подбежала к Хеддону и протянула в окно машины икону. Тот внимательно осмотрел ее и, убедившись, что это подлинник, достал из кармана три конверта. Два из них он отдал неграм, а один передал девушке.

- О'кей, - сказал он. - Теперь открывайте ворота и исчезайте.

Высокий негр открыл ворота, и Хеддон, помахав им рукой, медленно выехал на улицу и направился в аэропорт.

Поставив машину на стоянке в аэропорту, он достал лежащий на заднем сиденье чемодан, открыл его и, отодвинув в сторону вещи, нажал на потайную пружину. Открылось второе дно. Он положил туда икону и вышел из “мерседеса”. Неторопливой походкой он направился в зал регистрации и зарегистрировался под чужим именем. Девушка у конторки почувствовала в нем важную персону. Одарив Хеддона многообещающей улыбкой, она сказала:

- Рейс на Майами через десять минут. Кивнув, Хеддон подошел к киоску, купил номер “Тайме”, потом пошел в зал ожидания, где смешался с другими пассажирами.

Прибыв в аэропорт Майами, он взял в транспортном агентстве Херца напрокат “линкольн” и отправился в Парадиз-Сити. Смешавшись с потоком машин, Хеддон успокоился окончательно. Он посмотрел на часы: 15.05. Он подумал о том, что все прошло отлично и по графику. На мгновение он забеспокоился, что стало с Луи Бреди, но потом улыбнулся, представив себе, какая поднялась катавасия в музее. Конечно, Бреди предпринял все меры предосторожности и теперь, скорее всего, направляется в Нью-Йорк.

Еще через час Хеддон уже входил в галерею Кендрика, где Луи де Марни бегал из угла в угол, задевая все по пути. Он был полон напряженного ожидания. Увидев входящего Хеддона, он издал глубокий вздох облегчения.

- Где Клод? - резко спросил Хеддон.

- Ожидает.., в конторе, - ответил Луи. - А вы.., вы достали ее?

Хеддон быстро пришел через галерею и толкнул дверь в кабинет Кендрика. Хозяин нервными шагами мерил ковер, парик у него слез набок.

- Эд! Дорогой! - воскликнул он. - Я совсем истерзался... Ну, что...

Хеддон закрыл дверь и подошел к столу Кендрика. Положил на стол чемоданчик, раскрыл его, нажал на пружину и, повернувшись, с широкой улыбкой вручил Кендрику икону.

- О Господи! - пробормотал тот. - Как же я беспокоился, ты бы знал! Ты бесценный, просто бесценный человек! - Потом он тревожно взглянул на Хеддона:

- Как все прошло? Надеюсь, без насилия?

Улыбка Хеддона стала еще шире:

- Все прошло как по маслу. А теперь начинается твоя работа.

- Да, да, - залепетал Кендрик и, подойдя к двери, позвал Луи. После этого он подошел к телефону и набрал номер Маверика. Когда тот ответил, Кендрик произнес:

- Товар прибыл, срочно посылаю его к тебе с Луи. - Он послушал, затем сказал:

- Все отлично проделано, нет никаких проблем.

В кабинет вошел Луи. При виде иконы его маленькие глазки загорелись.

- Детка, - обратился к нему Кендрик, - упакуй это и отнеси к Роджеру. Он ждет, у него все готово. Ты знаешь, что делать.

Луи, взяв в руки икону, стал ее внимательно рассматривать со всех сторон:

- Я думаю, что мои краски лучше, не так ли, беби?

- Быстрее.., быстрее!

Когда Луи ушел, Кендрик подошел к бару.

- Я так перенервничал, что надо бы выпить. Дорогой Эд, что тебе налить?

- Нет, спасибо... Ты изнервничался? Но я же сказал тебе, что достану ее, и вот достал. Через час-другой поднимется такая заваруха, что и в самом деле придется понервничать.

- Да, могу себе представить. А как те вьетнамцы? Ведь полиция в первую очередь примется за них.

- Ну и что? Они ничего не знают. Единственные, кто замешан, так это те две "беременные". У той, что была с бомбой, документы фальшивые. Даже если копы устроят допрос с пристрастием, она ничего не скажет. Она сразу оставила корзину в туалете, переоделась, вышла и смешалась с толпой, как обычная посетительница выставок. Другая же, которая вынесла икону, сейчас должна быть в Нью-Йорке, и след ее потерян.

Кендрик поправил на голове парик.

- Ну а Лу? Хеддон рассмеялся:

- Лу - такой человек, о котором не надо беспокоиться.

Кендрик отхлебнул бренди и подошел к письменному столу.

- Значит, остается только переправить икону в Швейцарию с этим копом, и мы будем богаты.

- Именно так, - ответил Хеддон. Потом, помолчав, он пристально поглядел на Кендрика:

- Смотри только, чтобы твой покупатель не выкинул белый флаг в последний момент. Шесть миллионов - это сумма, которую не скоро соберешь. Ты в нем уверен, Клод?

- Конечно. Он чрезвычайно богат. Я в нем совершенно уверен.

Клод опять отпил бренди, а затем..., затем скользкая мысль закралась в его мозг: можно ли вообще в чем-нибудь быть уверенным, когда имеешь дело с Радницем?

При этой мысли даже третий глоток бренди не смог успокоить его расхолодившиеся нервы.

Фред Скунер как мог старался успокоить Керемского, старшего в группе агентов КГБ.

- Ради Бога, не волнуйтесь, - говорил он. - Действительно, икону похитили, но она должна быть в здании музея. Как только повалил дым, я приказал перекрыть все выходы. Из музея никто не выходил. Вор все еще здесь. Скорее всего, сработал кто-то из Антисоветской лиги. Мы проверим все имена, запишем адреса. Десяток моих людей уже прочесывают музей от крыши до подвала. Готов поспорить, что они найдут икону.

Керемский сердито посмотрел на него:

- Все это одни слова, а иконы нет. Скунер пожал плечами и отошел. Он направился к лестнице и взглянул вниз, где охранники записывали фамилии и адреса посетителей музея, обыскивали их и только потом отпускали. Харли, стоя у входных дверей, выпускал посетителей, предъявлявших ему записку с подтверждением, что они прошли контроль. Все пока шло гладко, и Скунер был уверен, что никто не сможет вынести икону.

Лу Бреди в черных брюках и белой спортивной рубашке выложил перед охранником фальшивый английский паспорт.

- Я остановился в отеле “Делавэр”, - сказал он. - Сегодня я весь день буду осматривать город, а потом направлюсь в Оттаву.

Охранник хмуро посмотрел на него. Еще один чертов турист. Он кивнул и пропустил его. После личного досмотра Бреди вышел на улицу и взял такси до отеля “Делавэр”.

Около полутора часов тридцать охранников были заняты с посетителями, пока наконец не отпустили последнего. Скунер почувствовал облегчение. Икону никак не могли вынести из музея после такого тщательного обыска всех посетителей. Теперь надо будет прочесать весь музей, и икона будет найдена. Тут он заметил, что один из охранников зовет его. В груди у Скунера что-то оборвалось.

- Я сейчас вернусь, - сказал он Керемскому и пошел на зов.

- В одном из женских туалетов обнаружено что-то странное, сэр. К ним подошел Трамблер.

- В чем дело? - спросил он.

Вместе со Скунером они вошли в туалет, и охранник указал на яйцеобразную плетеную корзину с эластичными тесемками, которая лежала на полу в одной из кабин.

- Что это такое, черт возьми! - проворчал Скунер.

- Не трогать! - резко приказал Трамблер.

Он подошел к корзине, осмотрел ее и, выпрямившись, глянул на Скунера:

- Так вот откуда взялась здесь дымовая шашка. Эти вьетнамки! Две из них были беременными.

- Ах ты черт! - Скунер повернулся и увидел возле себя еще одного охранника.

- Сэр, в мужском туалете на третьем этаже чья-то одежда.

- Дьявол! - воскликнул Скунер. - Постой здесь, - обратился он к первому охраннику и вместе с Трамблером пошел за вторым охранником в указанный туалет.

На полу кабинки они увидели черную сутану, парик, жилет с толстой подстежкой и воротничок, какие носят священники.

Трамблер тотчас оценил ситуацию:

- Тот толстый священник! Вьетнамки! Оттолкнув Скунера, он бросился в вестибюль, спрашивая охранников у входа, проверили ли они священника и обыскали ли его. Но все отвечали отрицательно.

Скунер присоединился к нему.

- Ну а вьетнамцы?

- Я записал их имена, - сказал один из охранников. - Они остановились в пансионате "Братство любви".

- Когда ты их проверял, ты не заметил двух беременных женщин? - грозно спросил Скунер.

- Я таких не заметил, сэр. Может, Харли? Он принимал подписанные пропуска и выпускал всех.

- Я позвоню боссу, - сказал Трамблер и направился к телефону.

Скунер заспешил к дверям, где стоял Чик Харли. Теперь, когда закончилась суматоха, Харли опять думал о своей жене. Он пришел в себя, только когда Скунер схватил его за плечо:

- Ты обратил внимание на двух беременных вьетнамок?

Харли заморгал глазами.

- Нет, сэр. Правда, одну из них увезли в карете "Скорой помощи", но другой вообще не видел.

- Что еще за "скорая помощь"? Харли замер от страха.

- Та, за которой вы посылали, сэр.

- Я посылал? Что ты несешь?

По толстому лицу Харли потекли струйки пота.

- Когда повалил дым, прибежал священник и сказал, что беременная вьетнамка находится в шоке и вот-вот может родить. Через несколько минут прибыла машина "Скорой помощи", и два негра-санитара вынесли женщину на носилках. Ей было очень плохо. Так как "скорую" вызывали вы, я их выпустил.

Я что-то сделал не так?

Скунер онемел, глаза его остекленели, как будто его кто-то ударил по голове палкой.

Трамблер, прибежавший из телефонной кабины, схватил Скунера за рукав:

- Нет никакого пансионата "Братство любви"!

Скунер глубоко вздохнул. Итак, икону не только украли, но и вынесли из музея.

- Джек, она пропала! Принимай это дело! Я поговорю с парнем из КГБ. Господи! Как же нам не повезло!

Трамблер помчался к телефону. Тридцать минут спустя все пути из США были перекрыты.

В среду, в одиннадцать часов, к дому Лепски подкатил внушительного вида фургон. На его боках красовалась магическая надпись “Маверик”. Когда фургон остановился, все занавески в соседних домах поднялись, любопытные соседи начали дружно выходить в садики и с завистью наблюдали за происходящим.

Кэрол с утра сгорала от нетерпения и, увидев наконец подъехавший фургон и суматоху, которую он вызвал в округе, почувствовала себя наверху блаженства.

Высокий молодой и элегантный водитель, в униформе цвета буйволловой шкуры, отделанной коричневым галуном, и такой же фуражке с козырьком, вышел из кабины, неся огромный короб и направляясь к дверям Лепски. Кэрол чуть не сорвала дверь с петель, торопясь распахнуть ее.

Робко улыбнувшись хозяйке, красивый юноша настоял на том, чтобы войти в дом и распаковать то, что принес.

- Мистер Маверик хочет быть совершенно уверен, что вы вполне удовлетворены, мадам.

Кэрол не хотелось впускать этого шикарного молодого человека в дом. В гостиной у нее, как всегда, был жуткий беспорядок. Обычно ей требовалось чуть ли не полдня, чтобы все прибрать. Как-то так получалось, что, уходя спать, и она и Лепски оставляли в гостиной полный хаос. Кэрол не могла понять, как это получается, но тем не менее это было так.

Однако красавец шофер был так предупредителен и очарователен, что вскоре она успокоилась. Короб распаковали.

- В чемодане с вашими инициалами, мадам, находятся ваши платья, обувь и сумочка. Чемодан мистера Лепски пустой. А вот дамская сумочка. - Он указал на подарок Маверика. - Хозяин особенно хотел знать, будете ли вы довольны.

После ухода посыльного Кэрол еще долго не могла успокоиться, рассматривая сумочку. Кроме набора дорогой косметики, там был бумажник из крокодиловой кожи с тисненными золотом ее инициалами, такая же обложка для паспорта и маникюрный набор, столь изящный, что Кэрол даже боялась трогать его.

Часом позже она уже принимала троих из своих лучших подруг, не способных больше удержат свое любопытство. Это был звездный час

Кэрол. Маленькое бунгало наполнилось возгласами радости, зависти, восхищения, когда Кэрол показывала подругам свои приобретения. Они не успокоились, пока Кэрол не примерила каждое платье и не прошла в нем по неубранной гостиной. Поскольку гостиные у всех были в таком же беспорядке, это никому не помешало.

Пока Кэрол переодевалась в очередной наряд, ее ближайшая подруга приготовила сандвичи, использовав холодного цыпленка и ветчину, которые Кэрол оставила на ужин мужу. Гости добрались также до бутылки “Катти Сарк”, купленной для Лепски взамен прежней. Словом, встреча превращалась в настоящую вечеринку, даже с хорошим пением. Запевала Кэрол, у которой был самый сильный голос, а подруги подтягивали, да так, что соседние собаки начали выть.

Наконец около шести вечера все разошлись. Женщины заспешили домой, чтобы наспех приготовить мужьям поесть. А Кэрол, немного уставшая, села перебирать в сотый раз роскошные флакончики в сумочке, умиротворенно вздыхая от радости.

Потом пришел Лепски. Из отпуска вернулся шеф - Фрэнк Террелл, и Лепски вводил его в курс дела, рассказывая о том, что случилось в его отсутствие. Лепски любил приукрасить свою роль. Террелл хорошо знал эту его слабость, но слушал и кивал, изредка попыхивая трубкой. Затем подвел итог: девять машин угнано и десять возвращено; три незначительные кражи со взломом и пятеро пьяных водителей.

- Ну и прекрасно, - сказал Террелл, когда Лепски закончил. - Теперь ты свободен и можешь ехать в отпуск. Вошел сержант Беглер.

- Рапорт, сэр. Какой-то тип из окна своей квартиры стреляет по лампочкам в соседних домах. Оперативники внизу ждут. Может, Том поедет и посмотрит, в чем там дело? Террелл одобрительно кивнул:

- Том, это твое последнее задание. Поезжай и разберись на месте.

Лепски обожал подобные задания. Ничто не радовало его так, как импозантные “роллсы”, “кадиллаки”, “бентли”, шарахающиеся в сторону, заслышав вой сирены полицейской машины.

Подъехав к месту действия, он увидел десяток полицейских в форме, смотревших задрав головы на одно из окон семнадцатипэтажного дома.

- Вон оттуда стреляет этот тип, - сказал один из копов.

Лепски вынул револьвер.

- Пошли, - сказал он решительно. На глазах у собравшихся прохожих, а также прибывших сюда телеоператоров Лепски медленно и с достоинством направился к дому, надеясь, что ребята с ТВ снимают его.

Вместе с тремя полицейскими и трясущимся престарелым привратником Лепски взобрался на одиннадцатый этаж.

- Вот здесь дверь в его квартиру, сэр, - промямлил привратник, когда они вошли в коридор. - Это мистер Льюисон. Я думаю, у него крыша поехала.

Лепски, с револьвером в руке, приказал копам занять нужные позиции, а сам каблуком ботинка так саданул в дверь, что она распахнулась настежь. Полиция как шторм ворвалась в хорошо обставленную гостиную, где у окна сидел полный пожилой мужчина, держа в руках винтовку 22-го калибра.

- Бросай оружие! - загрохотал Лепски своим тренированным полицейским голосом и направил револьвер на сидевшего у окна стрелка.

- Ага! Наконец-то полиция пожаловала! Очень хорошо! - Мужчина положил винтовку на пол. - Давно пора. Входите, входите. Вы только взгляните на это безобразие! Люди среди бела дня жгут свет! Какой позор! А наш добрый президент все время просит экономить электроэнергию, но они на это плюют! Взгляните только: свет и свет! Кругом свет!

Когда Лепски, вернувшись в управление, составил рапорт, Беглер и Джейкоби чуть не лопнули от смеха.

- Ну, посмейтесь, вы, два болвана, - запальчиво сказал Лепски. - А меня сняли для телевидения. Вот тогда посмотрим, кто посмеется.

Однако, когда он позвонил на телестудию Парадиз-Сити, ему сказали, что кадры, на которых он был снят, были испорчены каким-то мальчишкой, который не придумал ничего лучшего, как прижать свою грязную ладошку к объективу телекамеры.

С испорченным настроением Лепски вернулся домой и уже с порога произнес свой обычный призыв:

- А вот и я. Что у нас сегодня на ужин? Кэрол как раз положила обратно в сумочку изящный флакон духов. Голос Лепски вырвал ее из грез, в которых она видела себя женой миллионера, и вернул на землю, где она была всего лишь женой детектива первого класса.

- Привет, беби! - повторил Том, вваливаясь в комнату. - Что у нас на ужин? Я голоден, как сто чертей!

Кэрол закрыла глаза. Мечта испарилась. Возвращаясь к прозе жизни, она сказала:

- Том, посмотри на все это! Видишь, чемодан с твоими инициалами! Разве это не чудо?

Лепски уставился на чемоданы:

- Это для меня? А на кой черт мне нужен новый чемодан? У меня разве нет старого?

- Он принадлежал еще твоим деду, - холодно сказала Кэрол.

- Ну и что? Чем плох мой дед? - завелся Лепски.

- Ты поедешь с новым чемоданом, - медленно и твердо произнесла Кэрол.

Лепски подошел к чемодану и стал рассматривать его.

- Но он стоит бешеных денег! Ты соришь деньгами, лапушка!

- А теперь посмотри на это. - Она указала на сумку.

- Это ты тоже купила?

- Это подарок от мистера Маверика, Том.

Лепски стал разглядывать содержимое сумки. Он вытащил духи в аэрозольной упаковке и прыснул себе в лицо. Кэрол выхватила у него духи.

- М-м..., симпатично, - сказал Лепски. - Вот так взял и просто подарил?

- Да. Это и два чемодана обошлись всего в сто долларов.

- Ну и ну! Не завела ли ты с ним шашни, моя радость? - сказал Лепски, но тут же улыбнулся. - Шучу, шучу. Но что же у нас все-таки на ужин?

- Лепски, неужели ты не можешь думать ни о чем, кроме еды? - сказала Кэрол, удаляясь на кухню.

- Все это мы уже проходили, - ответил Лепски, идя за ней. - Давай есть.

Но когда Кэрол заглянула в холодильник и осознала, откуда взялись толстые сэндвичи с курицей и ветчиной, она издала отчаянный вопль. А Лепски, услышав знакомые звуки, разразился такой тирадой, что Кэрол покраснела до кончиков ушей.

Новость о дерзкой краже иконы Екатерины Второй была передана по телевидению в шесть часов вечера. Комментатор сообщил, что президент Соединенных Штатов уже связался с советским премьер-министром и заверил его, что икона будет найдена в кратчайший срок. Он обещал награду в двести тысяч долларов тому, кто поможет отыскать ее. Премьер же приказал немедленно закрыть выставку, а экспонаты упаковать и под строгой охраной вернуть в СССР.

Президент информировал русских, что все выезды из страны взяты под строгий контроль и вывезти похищенную икону не удастся. Обнаружение ее - это только вопрос времени. Полиция, силы безопасности, армия и флот - все брошено на поиски. Преступники будут найдены и строго наказаны.

Что ответил на это премьер, не сообщалось.

Кендрик и Луи слушали эту передачу и обменивались тревожными взглядами.

Эд Хеддон тоже слушал передачу в своем номере в отеле “Спэниш Бэй” и только улыбался.

Лу Бреди в Нью-Йорке тоже слушал и тоже улыбался. Если даже кто-то из тех вьетнамцев соблазнится наградой, он надежно спрятал все следы. Все, что вьетнамцы смогут сказать, только запутает дело.

Бреди покачал головой. Он был полностью уверен в том, что при помощи детектива первого класса Тома Лепски икона будет доставлена в Швейцарию.

Глава 5

К сожалению, самолет, следующий рейсом Майами - Париж, по расписанию улетал в шесть вечера. А это значило, что Лепски пришлось томиться бездельем все утро и весь день.

Он вскочил с постели в восемь утра и стал слоняться по маленькому домику взад и вперед, не зная, чем заняться, в то время как Кэрол еще лежала в кровати и просматривала газету.

Приготовив кофе и устав от ничегонеделания, Лепски вошел в спальню:

- А билеты на самолет у тебя, крошка? Кэрол вздохнула:

- Я все приготовила. Бога ради, походи прогуляйся. Я сейчас приму ванну, потом пойду в парикмахерскую и не вернусь раньше трех часов.

- А что у нас на обед? - как всегда озабоченно спросил Том.

- Пойди и купи себе чизбургер или еще что-нибудь. Кухня закрыта по случаю отпуска.

Лепски недовольно проворчал что-то, а потом спросил:

- Вещи все упакованы?

- Лепски! Уходи отсюда! - Но когда Лепски неохотно двинулся к двери, она спросила:

- Да, кстати, а ты свои вещи уложил?

Он уставился на нее:

- Я думал, что ты все упаковала.

- Я собрала только свои. Твои я не собиралась трогать. Возьми газету и уходи, я буду одеваться. Когда я уйду, ты сможешь собраться. Кстати, прочти в газете об этой иконе, которую украли в Вашингтоне! Тому, кто ее найдет, будет награда в двести тысяч долларов.

- Икона? Какая еще, к черту, икона?

- Убирайся и прочти!

Что-то бормоча, Лепски отправился в гостиную, сел там и прочел газетный разворот, посвященный краже иконы. Он был потрясен. Теперь все копы страны будут привлечены, даже армия и флот. Президент мечет громы и молнии, значит, покатаются чьи-то головы. Но самое большое впечатление на Лепски произвела величина награды, обещанной любому, кто поможет найти икону.

Лепски, будучи полицейским, тоже принял событие близко к сердцу. Такое произведение искусства не может попасть на открытый рынок. Икону можно только тайком сбыть какому-нибудь коллекционеру. В его мозгу тотчас всплыло имя - Кендрик. Лепски не имел доказательств, но был уверен, что Кендрик участвует в махинациях с крадеными произведениями искусства. Такая добыча, как икона, как раз по его части.

Вскочив на ноги, он подошел к телефону, вызвал полицейское управление и попросил позвать сержанта Беглера. Коп, дежуривший на коммутаторе, узнал голос Лепски.

- Джо занят, - ответил он. - Мы все ищем икону. У тебя что?

- Если ты меня не соединишь сейчас же с Джо, я из тебя выпущу твои поганые кишки!

- Ладно, ладно...

После длительной паузы Беглер взял трубку:

- Черт побери. Том! Ты же в отпуске, вот и отдыхай. Что у тебя?

- Да эта икона! Полицейские тоже могут получить награду?

- Откуда мне знать? Сказано: все. Может быть, к копам и не относится. А тебе до этого какое дело?

- Ты знаешь этого жирного ублюдка Кендрика? Если уж икона и попала к кому-то в руки, то это к нему.

- Да, да. Послушай, Том, неужели ты не можешь спокойно отдыхать? Шеф сразу же подумал о Кендрике, как только получил сообщение. От нас уже трое там, плюс ФБР, плюс ЦРУ. Всей компанией пошли туда, в галерею Кендрика, с ордером на обыск. Так что не дергайся и хорошенько отдыхай.

Лепски издал звук, который на корриде остановил бы быка.

Уже одетая, Кэрол выглянула из комнаты:

- Что это за жуткие звуки?

- Да так, ничего.

- Тогда иди собирайся. Я буду в три. Пока. - И она упорхнула.

Лепски провел ужасное утро: сначала он запихивал новую одежду в новый чемодан, затем слонялся по дому без дела, все время посматривая на часы. Наконец, движимый голодом, он отправился в популярный среди копов бар, где сжевал гамбургер и запил его пивом.

Когда он раздумывал, заказать ли еще пива, ввалился Макс Джейкоби и плюхнулся на стул рядом с ним. Он заказал чизбургер.

- Привет, друг! Ты представляешь, эта проклятая икона для нас, видно, такая же страшная вещь, как и атомная бомба! Запечатали все побережье, нет ни одной щелочки. Кругом патрулируют корабли, все оцепили армейские подразделения, ни одна яхта, ни одна шлюпка не могут выйти в море. Владельцы оборвали нам все телефоны.

- Ну а как насчет Кендрика?

- Чист как стеклышко. Всю галерею перевернули.

Лепски пожал плечами:

- Понятно. А может, он в другом месте спрятал?

- Ты себе не представляешь, что творится. Президент рвет и мечет. Ты и сам не понимаешь, Том, как тебе повезло, - Джейкоби вздохнул, - что ты в отпуске.

- А как насчет премии? Предположим, что ты обнаружил икону... Тебе заплатят? Джейкоби рассмеялся:

- Я не собираюсь ничего обнаруживать. Но даже если бы это случилось, копам платят вознаграждение. Ты сам мне это когда-то сказал, помнишь?

Джейкоби доел свой чизбургер и, похлопав Лепски по руке, поднялся со стула.

- Ну, я назад в чистилище.., а ты давай отдыхай.

Лепски пришел домой, но мысль о награде в двести тысяч не покидала его. Рано или поздно какой-нибудь сопляк настучит в полицию, икону найдут, и сопляку достанется награда.

Когда вернулась Кэрол, пепельница перед ним была полна окурков. Лепски едва узнал свою жену, такой шикарный был у нее вид. Он даже присвистнул, да так, что его было слышно в конце улицы.

- Беби, ты выглядишь потрясающе! - воскликнул он, вскочив на ноги.

Видя, что в его глазах загорелось желание, она отпрянула:

- Не вздумай ко мне прикасаться! Ты уложил вещи?

Лепски разочарованно вздохнул:

- Конечно.

- Тогда почему же ты не сменил свой дурацкий рабочий костюм? Ты что, в этом уродстве поедешь? И почему ты сидишь дома в шляпе?

- Слушай, беби, я упаковал все эти чертовы новые вещи.

- Так распакуй! Поедешь в спортивном пиджаке и темно-синих брюках. Надень бледно-голубую рубашку и винного цвета галстук.

К семнадцати часам Кэрол тоже не знала, куда себя деть. Она сновала по комнате, разглядывая себя в зеркало в прихожей, и

посматривала на часы, в то время как Лепски, облаченный в новый костюм, мерил шагами гостиную и что-то напевал про себя.

- Надеюсь, такси не запоздает? - спросила Кэрол.

- Такси никогда не опаздывает... Что?

Такси?

- Ты что, не заказал такси? - простионала Кэрол.

Лепски бросился к телефону. Джо Дьюкас, ведающий службой заказов такси, старинный друг Тома, успокоил его, сказав, что здесь нет проблем. Такси приедет заблаговременно и доставит их в аэропорт к 18.00.

- Беби, ты напрасно нервничаешь... Такси сейчас выезжает.

- Я удивляюсь, за что тебя считают образцовым копом, - вздохнула Кэрол. - В простых делах ты всегда выглядишь настоящим идиотом. - Затем, улыбнувшись, жена добавила:

- Но я все-таки люблю тебя, Том.

В 17.15 такси прибыло, и высокий улыбающийся негр зашагал по дорожке.

- Мы идем! - возбужденно закричала Кэрол. - Подай ему багаж, Том.

Лепски подхватил два чемодана, и негр понес их по дорожке. Лепски знал, что все соседи сейчас высыпали в садики. Маленький мальчик махал им японским флагом. Лепски всегда про себя называл его Деннис-гроза, но сейчас даже малыш казался ему добрым и приветливым.

Кэрол, со своей сумочкой, шикарно причесанная и одетая, прошла по дорожке, как кинозвезда. Вдруг она остановилась:

- Том! Ты не забыл выключить электричество и воду?

Лепски закрыл глаза и издал слабый стон:

- Сейчас сделаю.

Он бросился назад в домик.

Кэрол остановилась и с застывшей улыбкой слушала болтовню соседей, злорадно пересказывающих друг другу, что Том Лепски оставил включенными воду и свет. Всезнайки неодобрительно качали головой. Вдруг из дома донесся голос Лепски, бранившегося как сапожник. Совсем сбитая с толку, Кэрол помчалась назад и увидела мужа, нянчившего кровоточащую руку.

- Сорвался этот чертов паразит. Кран! - завывал он. - Я ранен!

Кэрол бросилась в ванную к аптечке, достала пластырь, заклеила царапину. Оба выскочили из дому, заперли его и помчались к такси под смех и возгласы соседей.

- Поехали! - рявкнул Лепски. - Мы опоздаем на самолет.

Водитель повернулся на сиденье и широко и дружелюбно улыбнулся:

- Не волнуйтесь, босс. В аэропорту все рейсы задержаны на три часа. У нас еще уйма времени.

Мальчишка с японским флагом подбежал к ним и, сжав губы, издал такое громкое фыркание, какого Лепски в жизни не слышал.

Эд Хеддон сидел в стеклянной будке одного из авиадиспетчеров в аэропорту и наблюдал за готовившимися к вылету пассажирами. Диспетчер знал Хеддона как близкого друга отца, когда тот отбывал пятилетний срок за кражу. И потому, когда Хеддон сказал, что хочет проследить, как его знакомый улетит в Париж, и при этом не хочет попасться ему на глаза, диспетчер с охотой предоставил ему возможность устроиться в своем отсеке. Сам он был слишком занят, чтобы интересоваться, кто был этот друг Хеддона.

Хеддон закурил. Он наблюдал за длинной очередью пассажиров, медленнодвигающихся мимо таможенного барьера. Рядом с таможенником находились два агента ФБР и пара одетых в штатское детективов. Весь багаж пассажиров самолетов открывали и обыскивали. Очередь была бесконечной. Сейчас проходили пассажиры, летевшие в Нью-Йорк. Пассажиры рейса Майами - Париж ожидали внутри аэровокзала.

Кэрол и Лепски добрались наконец до аэропорта. Расплачиваясь с водителем, Лепски услышал дружеский голос:

- Привет, Том!

Он обернулся и увидел копа Гарри Джексона, в форме.

- Я слышал, что ты летишь в Европу. Это здорово. А у нас тут сплошной кошмар, и все из-за этой иконы. - Лепски оглядел длинную очередь на вход в аэровокзал. - Тебе лучше бы встать в очередь. Том. Я так думаю, что это часа на три...

- Только не я! - взорвался Лепски. - В кои-то веки собрался в отпуск, и на тебе! Я не собираюсь выстаивать три часа! Ты должен меня провести туда, Гарри. Понял? Пошли!

- Лепски! - воскликнула Кэрол. - Нельзя так поступать! Эти бедные люди тут часами маются.

- Черт с ними! - Лепски подхватил свои чемоданы и в сопровождении Гарри направился к боковой двери служебного входа. Под возмущенными взглядами ожидающих пассажиров, сгорая от стыда, Кэрол последовала за мужем.

Одна из девиц за стойкой регистрации соблазнительно улыбнулась:

- Привет, Том. Я зарезервировала вам места, но вылет откладывается. Пройдите пока в зал для особо важных персон. Я скажу Нэнси, чтобы она организовала вам выпить. Что вы предпочитаете?

Лепски, будучи хорошо известен в аэропорту, широко улыбнулся ей.

- Полпинты “Катти Сарк” и полбутылки, малышка, шампанского, - сказал он, ставя на пол свои чемоданы. - Я привезу тебе из Парижа духи.

Девушка хихикнула, но, заметив Взгляд Кэрол, быстренько смахнула с лица улыбку.

- Счастливого вам отпуска, - пробормотала она.

В зале ожидания Кэрол решительно спросила:

- Откуда ты ее знаешь?

- Я же хороший коп, - сказал Лепски, самодовольно улыбаясь. - У меня много знакомств.

Вошел агент ФБР из Майами.

- Привет, Том! Летишь этим рейсом? - Мужчины обменялись рукопожатиями.

- Нет, следующим, в Париж.

- С этим рейсом предвидится задержка, но, если хочешь, можешь пока пройти таможеню.

У таможенного барьера Лепски узнал Херми Джекобса. Они регулярно встречались в тире по субботам.

- Привет, Херми! - приветствовал его Том. - Я отбываю в веселый Париж.

Лицо Джекобса озарила дружелюбная улыбка. Приятно было встретить своего в этой толпе богатых, заплывших жиром бездельников, начинающих ныть, как только надо открыть чемоданы.

Просияв от гордости за мужа, Кэрол следом за Лепски подошла к барьеру. Она положила свою сумку и улыбнулась Джекобсу:

- Привет, Херми! Как поживает Мэбс? Кэрол и Мэбс Джекобс частенько вместе играли в теннис.

- Прекрасно... Крошка, ты выглядишь потрясающе, так и съел бы... - Тут он заметил сумку. - Ну и ну, какая вещь!

Хотя у Хеддона были стальные нервы, но и он сейчас напряженно наблюдал за этой сценой. Даже его сигара потухла.

- Эй, Джекобс! - Лепски слегка притянул к себе приятеля за локоть и прошептал ему на ухо:

- У нее в трусиках десять унций героина. Хочешь взглянуть?

Джекобс расхохотался, слегка толкнул Лепски в грудь и пропустил их через барьер.

- Ты за ним следи, Кэрол, - со смехом сказал он. - Француженки будут вешаться на него в этом костюме.

Когда они прошли в салон для особо важных персон, Кэрол решила проблему одним махом:

- Договоримся сразу. Том: никаких шашней с француженками. Хорошо?

Лепски еще не успел открыть рот для ответа, как к ним подошел начальник таможни Нэд Джейсон:

- Хэлло, Том! Не видел тебя сто лет. - Обменявшись с Лепски рукопожатием, он обратился к Кэрол:

- Малышка, выглядишь чудесно. Вы летите в Париж?

- Угу, впервые выбрались в отпуск за границу. А у вас какая-то дьявольская заваруха. Почему задержка?

- Да все из-за этой проклятой иконы. И не только у нас, такое по всему побережью, дружище. Интерпол подключился. И в Париже тебя ждет то же самое.

За Джейсоном был должок. В прошлом году его сын связался с какой-то шлюхой, та пыталась его шантажировать. Лепски включился в это дело и живо разобрался с ней.

- Послушай, Нэд, ты не можешь нам с этим помочь? Ты же всех знаешь?

Мужчины переглянулись, и Джейсон кивнул:

- Не беспокойся, я все улажу. Дам телекс в аэропорт Шарля де Голля. Тебя обслужат по высшему классу, вне очереди. Покажешь свою бляху и быстро проскочишь. Идет?

- Это было бы здорово. Спасибо заранее. Джейсон, обменявшись с ним рукопожатием, удалился.

- Видишь? - ликовал Лепски. - Ты считаешь меня идиотом в житейских мелочах, но в своем деле я фигура, и не малая.

Кэрол, потрясенная, только сказала:

- Ты чудо. Том. Никогда впредь никому не позволю называть тебя идиотом.

- И сама так не говори, - ухмыльнулся Лепски. - Ну ладно, пошли. Надо чего-нибудь выпить.

Он поднял ее сумку и, взвесив в руке, уставился на Кэрол:

- Боже мой! Да что там? Свинец, что ли?

- Если у тебя нет сил нести ее, то можешь не брать.

Кэрол обожала свою сумку, но втайне себе признавалась, что она кажется неоправданно тяжелой.

Наблюдая со своего места, Хеддон облегченно вздохнул. Сумка, стоимостью в шесть миллионов, успешно преодолела первый барьер.

Раньше чем в одиннадцать самолет Лепски в Париж не прибует. Он снял трубку и позвонил Лу Бреди в Нью-Йорк.

Разговор был коротким:

- Они прибуют в Париж завтра утром в одиннадцать. Пока все в порядке.

В свою очередь Бреди позвонил в Париж Дювайнам. Этот разговор был еще короче:

- Завтра в одиннадцать утра в аэропорту Шарля де Голля. Все в порядке.

К тому времени, когда Кэрол и Лепски поднялись на борт реактивного самолета, их настроение улучшилось. Хорошенькая, с блестящими глазами официантка в аэропорту так ухаживала за ними, не зная, как угодить Лепски, что после второй бутылки шампанского даже Кэрол прониклась к ней теплыми чувствами.

Удобно устроившись в кресле с фляжкой “Катти Сарк”, Лепски собрался расслабиться и поспать. Но ему помешали. В окно он увидел, как подъехал небольшой автобус и из него высыпала группа молодежи, человек тридцать. И юноши, и девушки, как теперь стало модно, носили джинсы и свитера. Они ворвались в салон первого класса, громко переговариваясь друг с другом на незнакомом Лепски языке.

Он кисло взглянул на Кэрол.

- Удивляюсь, как эти сопляки могут себе позволить летать первым классом, - сказал Лепски.

- Они имеют такое же право путешествовать, как ты и я, - ответила Кэрол. - Перестань ныть.

Лепски заснул.

Кэрол разбудила его, когда принесли еду. Стюардесса обслужила их по высшему разряду. Все было очень вкусно. Со своих передних кресел они хорошо слышали, как шумела компания молодежи, но это не могло отвлечь Лепски от еды.

После бренди Лепски вытянулся в кресле.

- Такова жизнь, - сказал он, погладив руку Кэрол, и снова задремал, но очень скоро проснулся и, видимо возбужденный плотной едой и спиртным, стал проявлять интерес к окружающим людям. Стюардесса объявила, что до Парижа осталось два часа полета, и подошла к нему, протянув только что полученную по радио телеграмму.

"Отдыхай! Сообщи, что слышно во Франции. Ждем детального рапорта, ты знаешь о чем. Джо и ребята.

Кэрол прочитала из-за плеча текст и воскликнула:

- Это что еще значит? Лепски сделал серьезное лицо:

- Просто полицейская служба, дорогая. Кэрол подозрительно глянула на него.

- Расскажи это своей бабушке, - сказала она. - Я не хуже тебя знаю, что это за ты-знаешь-о-чем.

Лепски подмигнул ей и похлопал по руке:

- Просто их шуточки.

Когда самолет уже заходил на посадку, Кэрол и Том прилипли к иллюминатору. Промелькнувший силуэт Эйфелевой башни вызвал у Кэрол бурный восторг:

- Ох, Том, Париж!

Лепски, увидев Париж, облитый утренним солнцем, почувствовал прилив возбуждения, которого никогда не испытывал раньше.

Гигантский авиалайнер совершил посадку и подкатил к зданию аэровокзала. В толпе ожидающих Том засек три телекамеры, около десятка фотокорреспондентов и трех нарядно одетых женщин с огромными букетами цветов.

- Бог ты мой! - воскликнул он. - Нэд буквально вывернулся наизнанку. Ты взгляни на эту встречу!

- Но это же не для нас! - возразила Кэрол, хотя глаза ее засверкали.

- А для кого же еще? - Лепски выпятил грудь. - Я тебе говорю, беби, у хорошего копа везде есть друзья! О Господи! До чего торжественная встреча!

К ним подошла стюардесса:

- Вы мистер Лепски? Сейчас вас проводят через таможню. Том так и сиял:

- Ну, что я тебе говорил? Я важная персона.

Как только подкатили трап, гордый Лепски с сумкой в руках, сопровождаемый Кэрол, первым оказался у ступенек. Он смотрел на репортеров, фотографов, операторов телевидения и на женщин с огромными букетами цветов. Лепски таял в улыбке и махал им рукой, а Кэрол чувствовала себя женой президента. Она тоже сияла и махала рукой.

"Да, невероятный прием, - думал Лепски, млея. - Нэд. Он расплатился с лихвой".

Вдруг Лепски почувствовал резкий толчок в плечо. Оглянувшись, он увидел неряшливого бородатого мужчину в джинсах и свитере.

- Будьте добры, сэр, отойдите в сторону, - сказал мужчина с выраженным иностранным акцентом. - Вы задерживаете труппу балета Большого театра.

Лепски никогда не слышал о балете Большого театра, но Кэрол - другое дело. Она сразу же сообразила, чем объясняется такая встреча и в какое смешное положение они сами себя поставили. Кэрол схватила Тома за руку и почти силой стащила его вниз по лестнице, подальше от операторов.

Они остановились и оглянулись. Неряшливые молодые люди выходили из самолета, махали руками и улыбались, а камеры поворачивались следом за ними, и женщины протягивали им букеты.

- Идиот! - прошипела Кэрол. - Ты должен был знать!

К ним подошла улыбающаяся стюардесса:

- Миссис и мистер Лепски?

- Да, - вяло ответил скисший Лепски.

- Я вас провожу к таможенному пункту. Вас там не задержат.

Что ж, по крайней мере, подумал Лепски, Джейсон сделал все, что мог.

Впереди всех пассажиров они дошли до пункта паспортного контроля. Как только полицейский офицер развернул паспорт Лепски, он что-то шепнул стоявшему рядом человеку в штатском, который шагнул вперед и протянул руку. Он произнес речь по-французски, из которой Лепски не понял ни слова, но на всякий случай изобразил на лице то, что должно было выглядеть как интеллигентная улыбка. Они пожали друг другу руки, и Лепски и Кэрол прошли к таможенному барьеру.

- Ваш багаж ждет вас, мистер Лепски. Все в порядке, - сказала стюардесса.

Два сотрудника таможни улыбнулись сначала Лепски, потом Кэрол.

- Добро пожаловать в Париж, сэр, - сказал один из них по-английски, - желаю вам счастливо провести время. Он открыл турникет, пропуская их через таможенный контрольный пункт.

Лепски подхватил чемоданы, оставив Кэрол сумку, и они прошли в зал прибытия.

- Ну и что дальше? - спросил Лепски, ставя чемодан на пол.

- Иди и найди такси, - велела Кэрол. - Мне надо в туалет.

- Что тебе понадобилось в туалете? - спросил Лепски, который побаивался оставаться здесь в одиночестве.

- Лепски! Найди такси! - И Кэрол ушла. Лепски надул щеки и огляделся. Где здесь, черт возьми, такси? Увидев пожилого толстяка, который ждал чего-то, Лепски направился к нему:

- Где здесь стоянка такси, друг?

- Я не понимаю по-английски, - ответил мужчина по-французски и пошел прочь.

Лепски засопел и оглянулся вокруг. Кто-нибудь из этих болванов говорит по-английски? Мимо проходил служащий в форме, и Лепски схватил его за руку:

- Такси, друг. Где здесь найти такси? Человек ткнул большим пальцем в нужном направлении и ушел.

Лепски решил лучше постоять здесь, рано или поздно Кэрол вернется. Бормоча что-то себе под нос, он ждал.

Пьер и Клодетта Дювайны уже с 10.30 ожидали Лепски в аэропорту. Накануне телефонный звонок Лу Бреди застал их в постели. Они опробовали новую сексуальную технику и дружно решили, что она не заслуживает таких затрат энергии. Пьер, большой любитель американских книжонок в мягких обложках, всегда искал чего-нибудь нового для удовлетворения своей жены. Закончив в этой нестоящей позиции, он дотянулся до трубки. Услышав краткое сообщение Бреди, Пьер соскочил на пол.

- Дела, лапушка. В аэропорту Шарля де Голля в одиннадцать. Клодетта жалобно застонала.

И вот теперь они стояли в ожидании. Пьер взял напрокат “Мерседес-280”, который припарковал на стоянке возле аэропорта.

Прождав уже около сорока минут, Пьер вдруг подтолкнул Клодетту:
- Вот они. Приготовься.

Он заметил, что Кэрол направилась в туалет, неся с собой свою сумку, точно соответствующую описанию Бреди. В дело вступила Клодетта. Она направилась в сторону Лепски и, проходя мимо, сделала вид, что поскользнулась. Лепски благодаря быстрой реакции успел подхватить ее и обнаружил перед собой самую соблазнительную женщину. В глазах цвета морской волны мелькнул веселый огонек.

- Извините, - сказала женщина на безупречном английском. - Я не могу удержаться на ногах перед мужественным и симпатичным парнем.

Веселый Париж, подумал Лепски. Вот это дела!

- Рад это слышать, красотка. Я и сам бы так сделал на вашем месте.

Клодетта рассмеялась особым, “глубоким” смехом, специально отрепетированным для подобных встреч. Немногие мужчины могли остаться равнодушными.

- Вы только что прибыли?

- Да. Моя жена отошла на минутку. Мы ищем такси.

- Не беспокойтесь. Меня зовут Клодетта Дювайн. Где-то здесь мой муж. - Она захлопала длинными фальшивыми ресницами.

- Том Лепски, - в свою очередь представился детектив. - Где я могу достать такси, мадам?

В этот момент Пьер решил, что пора и ему выходить на сцену. Он подошел к Клодетте.

- Ты знаешь, дорогая, они не прилетели, - сказал он также по-английски. - Должно быть, передумали.

- Познакомьтесь с мистером Томом Лепски, Пьер. А это мой муж. Мужчины обменялись рукопожатиями.

- Мистер Лепски только что прибыл. Он беспокоится насчет такси. Может быть, мы подвезем их до Парижа?

- О чем разговор! - сказал Пьер. - Где вы собираетесь в Париже остановиться, мистер Лепски?

- В отеле "Эксельсиор", - неуверенно сказал Лепски. Кэрол несколько раз повторяла ему название отеля, но он до сих пор толком его не запомнил.

- "Эксельсиор"! - воскликнула Клодетта. - Но ведь и мы тоже там остановились. Вы должны поехать с нами.

Подошла Кэрол, и муж представил ей новых знакомых. Вначале она подозрительно оглядела Клодетту, такую шикарную и соблазнительную. Но, увидев Пьера, с его внешностью кинозвезды, успокоилась.

Пьер и Клодетта взглянули на сумку и обменялись понимающими взглядами. Знаменитая сумка благополучно проскочила через таможеню. Оставалась еще швейцарская.

По пути в Париж Кэрол сидела впереди рядом с Пьером, а Лепски с Клодеттой на заднем сиденье. Пьер и Клодетта включили свое профессиональное обаяние. Они рассказали, что живут в Довиле, а сейчас в отпуске и решили провести несколько дней в Париже. Потом они отправятся на юг.

Прибыв в отель, Пьер взял на себя заботу о Лепски: зарегистрировал их, заполнил карточки для полиции, провел в номер и дал на чай носильщику багажа, пока Лепски раздумывал, сколько ему дать.

- Вы, дорогие, конечно, устали после перелета, - сказала Клодетта. - Почему бы вам не вздремнуть? Послушайте, может быть, мы встретимся вечером, часов в восемь? Если у вас нет, конечно, никаких дел. Мы с удовольствием показали бы вам ночной Париж. Будьте нашими гостями, мадам и мсье.

- С большим удовольствием, - ответила Кэрол. - Как вы милы!

- Тогда встретимся в холле в восемь.

- Какие милые люди, Том, - сказала Кэрол, когда они остались одни.

- Нам просто повезло, что мы встретились с ними.

- Чересчур уж он сладкий, - сказал Лепски. - Интересно, так встречают всех, кто приезжает в Париж?

- О, Том! Оставь свое полицейское занудство! Французские мужчины все такие. Вспомни Мориса Шевалье.

- Это ты его помнишь, - заметил Лепски, оглядывая двуспальную кровать. - Давай-ка лучше поспим. - И он начал раздеваться.

Кэрол подошла к большому окну и откинула штору. Она смотрела вниз на Елисейские поля с потоком машин. Триумфальную арку, заполненные публикой кафе и людей, гуляющих по солнечным улицам. Она глубоко вздохнула. Париж! Сбылись мечты!

Кэрол расстегнула “молнию” платья, дала ему свободно упасть на пол и бросилась к Тому.

- Ах, Том! Это будет самым лучшим воспоминанием в нашей жизни. Но Том уже расстегнул на ней бюстгальтер и стаскивал трусики.

После отличного обеда с устрицами в маленьком ресторанчике, за который рассчитался Пьер, обе пары отправились осматривать Париж с Сены. Они сели на катерок и восхищенными глазами смотрели на мосты, Лувр, Консьержери и Нотр-Дам. На обратном пути Лепски как бы вскользь спросил Пьера, чем тот занимается. Лепски, со своей полицейской выучкой, всегда интересовался, как люди зарабатывают на жизнь.

- Антиквариатом, - ответил Пьер. У него действительно был в Довиле антикварный магазин, в котором работали две пожилые сестры, во всем отлично разбирающиеся.

- Вы слышали об украденной русской иконе? - спросил Лепски. - Могут ли ее продать?

Пьер покачал головой:

- Маловероятно. Кража наделала много шума. Конечно, есть тайные коллекционеры, но даже для них это слишком рискованно. Насколько я понимаю, это вызвало скандал у вас в Штатах.

Лепски рассмеялся:

- Не то слово. Президент просто взбесился. Назначена награда в 200 000 долларов. Все границы закрыты. Всю полицию и ФБР подняли на ноги. Как хорошо, что я в отпуске.

Клодетта под столом дотронулась до ноги Пьера.

- Пьер, почему бы нам не пригласить Кэрол и Тома в “Крейзи хоре”?

Пьер понял, что надо отвлечься от темы об иконе, и пояснил, что жена имеет в виду лучшее варьете со стриптизом, на Лепски это подействовало как красная тряпка на быка.

Девушки в “Крейзи хоре” были действительно великолепны. Кэррол решила, что Том тоже имеет право на развлечение, и только иногда поглаживала по руке, пытаясь его унять, когда на его свист начинали оборачиваться посетители.

К двум часам ночи вся четверка вернулась в отель. Договорились встретиться утром за ленчем, после чего женщины должны были отправиться по магазинам. Пьер, подмигнув Лепски, заявил, что они поедут по городу. Лепски воспринял это как обещание более интересных мероприятий, чем просто прогулка.

В своем номере, в спальне, Пьер спросил жену:

- Тебя что-нибудь обеспокоило? Что ты имела в виду, когда пинала меня ногой? Клодетта сбросила туфли и плюхнулась на кровать.

- Что это за русская икона, о которой ты разговаривал с Томом? Расскажи мне о ней подробно.

Пьер сел рядом с ней и закурил сигарету.

- Считают, что это древнейшая русская икона, и стоит она миллионы. Ее очень легко похитили из музея в Вашингтоне во время выставки три дня тому назад. Как сказал Лепски, в Европу она попасть не может: все дыры закрыты и икону ищут. Конечно, ее может купить какой-нибудь тайный коллекционер.

- А если бы она была у тебя, смог бы ты ее продать?

Пьер пристально посмотрел на Клодетту:

- Что это тебе взбрело в голову?

- Мог бы ты найти на нее покупателя?

- Это не моего уровня дело, солнышко. Конечно, на такую уникальную вещь всегда найдется покупатель, но у меня нет таких знакомых, которые могли бы выложить четыре миллиона долларов, по меньшей мере. И потом, у меня ее нет.

- Ты сказал, она очень ловко была украдена.

- Да, такое удается раз в жизни. Клодетта поднялась на локте и посмотрела на Пьера:

- Кто же мог организовать эту кражу? Пьер долго сидел неподвижно, потом его глаза загорелись.

- Ты великолепна, дорогая! Ну конечно, Эд Хеддон! Кто же еще! - Он вскочил на ноги. - Бреди! И та сумка, о которой он говорил... О Боже! Бьюсь об заклад, что икона здесь, в отеле!

Клодетта засмеялась:

- И я так думаю, мое сокровище. Пьер взволнованно заходил по комнате, ударяя кулаком по ладони.

- Какая блестящая идея! Одурачить копа и с ним переправить икону в Европу! Ну Хеддон, ну хват! Но ты-то, догадливейшая из догадливых!

- Лу хочет, чтобы мы проследили за переправкой сумки в Швейцарию, через границу. Значит, у них там есть клиент. Кто бы это мог быть?

- Подожди. - Пьер сел, смял сигарету и закурил новую. Подумав, он произнес:

- Единственный известный мне клиент в Швейцарии, имеющий такие деньги, - Герман Радниц. Может быть, он и есть их клиент. Клодетта расширила глаза:

- Это тот ужасный человек, которому ты однажды продал картину?

- Именно он.

- А если бы икона была у нас, ты бы мог договориться с ним?

- Может быть. Я знаю, что он интересуется русским искусством.

Если это он клиент Хеддона, все зависит от того, сколько Хеддон у него запросил. Допустим, восемь миллионов. Значит, если предложить ему икону за пять миллионов...

Клодетта поднялась, сняла платье и аккуратно сложила его.

- Мы должны заменить сумку, так? Лу платит нам какие-то жалкие двадцать тысяч швейцарских франков, а сам с Хеддоном срывает миллионы. На такие деньги мы могли бы жить в роскоши много лет.

- Не горячись, малышка. Надо учесть все последствия. Допустим, мы надуем Хеддона и Лу. Тогда мы никогда больше не получим у них работы.

- Да какое это будет иметь значение, когда у нас будет пять миллионов!

- Это всего лишь догадка. Может быть, в сумке и нет никакой иконы, а может, и есть, но покупатель не Радниц.

- Вот ты и подумай над этим, мой дорогой, а я пока приму душ. Пора спать. У нас еще уйма времени.

Когда она ушла в ванную, Пьер задумался. Предположим, размышлял он, что икона в сумке у Кэрол Лепски. Что смогут предпринять Лу и Хеддон, если он надует их. Они не станут обращаться в полицию, чтобы самим не иметь неприятностей. Они не головорезы. Вряд ли они будут мстить, как мафиози. Нет, им ничего не останется, как только принять неизбежное.

Потом его мысли переключились на Радница. Предположим, что Хеддон действительно заключил с ним сделку. Пьер не мог вспомнить

кого-нибудь еще, кто интересовался бы русским искусством, жил в Швейцарии и имел миллионы. Наверняка это Радниц.

Это опасный человек. Пьер слышал, что для осуществления своих целей он не брезгает нанимать убийц. Здесь надо быть очень осторожным.

Но пять миллионов! Ради такой суммы стоит рискнуть!

Даже потом, в постели, когда Клодетта мягко прижалась к нему, он долго не мог заснуть. Мысль о пяти миллионах не давала ему спать.

Он так и не заснул, когда раздался телефонный звонок. Пьер посмотрел на часы - было половина четвертого.

- На проводе Нью-Йорк, - сказала телефонистка.

Проснулась Клодетта и включила ночник.

- Пьер? Это Лу.

- Хэлло, Лу. Как раз собирался тебе позвонить.

- Да, но не позвонил. - Судя по голосу, Бреди был недоволен. - Какие новости?

- Все в порядке, - осторожно ответил Пьер, понимая, что они говорят по прямому проводу и разговоры могут записываться. - Мы прекрасно подружились, никаких проблем.

- Ладно, тогда все. - И линия отключилась.

- Звонил Лу, - сказал Пьер, вешая трубку. - Похоже, что он волнуется. Дорогая, я думаю, твоя догадка правильна.

- Я знаю, что она правильна. - Она обвила его шею руками. - Покажи-ка мне, как миллионеры занимаются любовью!

Пьер не замедлил выполнить приказ.

Глава 6

Держа в руке портфель и большой пакет в подарочной упаковке, Эд Хеддон взял такси в аэропорту имени Кеннеди до отеля "Шератон", где нашел Лу Бреди в баре за стаканом виски.

На этот раз Лу был в собственном обличье, одетый в темный костюм и коротко подстриженный. В его глазах горел огонек беспокойства. Он махнул рукой, и Хеддон сел за его стол. Бреди подал знак официанту. Хеддон попросил принести бурбон.

- Есть новости? - спросил он, зажигая сигарету.

- Час назад я разговаривал с Дювайном. У него все в порядке. Они подружились с четой Лепски. И на французской таможне прошло все гладко.

Официант принес Хеддону заказанный бурбон. Когда он удалился, Хеддон отпил из бокала и сказал:

- Это хорошо. Теперь остается швейцарская граница.

- Пьер поедет с ними в Монако, затем в Монтре. Они пройдут таможенную в небольшом пограничном городке. Пьер знает, что надо делать.

- Газеты читал? - спросил Хеддон, затягиваясь сигаретой. - Даже европейской прессой кража подана на первых полосах. Шума много.

- А мы ничего иного и не ждали.

- Конечно. - Хеддон прикончил бурбон. - Я привез тебе дубликат для Дювайна. - Он кивнул головой на красиво упакованный пакет у своих ног. - Отвези его в Монтре сам, хорошо?

- В отель "Монтре-Палас", где я передам ее Дювайну, и он устроит подмену. Тебя что-нибудь беспокоит, Эд?

- Могут возникнуть осложнения, Лу. Мужчина с женской сумкой в руках может вызвать интерес полиции.

Бреди усмехнулся:

- Я и сам об этом думал, Эд. Со мной поедет моя подружка.

- А я и не знал, что у тебя есть постоянная подружка.

- Есть. Аппетитный кусочек. Она с ума сходит от счастья, что поедет в Швейцарию.

- Ты ей доверяешь? Ведь знаешь, как женщины любят болтать. Они рассказывают друг другу даже подробности своей сексуальной жизни.

- Насчет Мегги можешь не беспокоиться. У нее нет извилин. Она считает, что Ричард Никсон - это популярный певец. Она делает все, что я велю.

Хеддон пожал плечами:

- Ладно, пусть будет по-твоему. Ну а что ты думаешь о Дювайнах? Бреди допил свое виски.

- А что тебе не нравится?

- Вся эта чертова шумиха в газетах. Они ведь тоже читают газеты, видят фотографии иконы, знают ее стоимость. Вот я и подумал, пока летел сюда... Как ты считаешь, они хорошо соображают?

- Более чем. Поэтому я с ними и работаю.

- А не догадаются ли они, что находится в сумке? Со всей этой шумихой, если они хорошо соображают, то смогут связать все вместе.., и что тогда? Мы платим им двадцать тысяч швейцарских франков, а награда за выдачу иконы - двести тысяч долларов. Ты считаешь, что знаешь их хорошо, а я их не знаю. Не надуют ли они нас?

На лбу у Лу Бреди появились капельки пота.

- Не знаю. Они всегда в долгах.., а двести тысяч долларов, конечно, огромная сумма, чтобы вызвать соблазн. - Затем, подумав, он отрицательно покачал головой:

- Нет, если они клюнут на награду, то ими вплотную займется французская полиция. А этого Дювайны боятся больше всего. Они по уши увязли в разных грязных делах. Нет, я уверен, что они не посмеют претендовать на награду.

- Тогда давай пойдём дальше, - сказал Хеддон.

- Но сначала давай ещё выпьем. Бреди сделал официанту знак повторить. Когда тот принес напитки и удалился. Бреди беспокойно сказал:

- Продолжай.

- Дювайны должны обменять сумки. А если они смотаются с сумкой Лепски? Есть ли у них соответствующие связи, чтобы продать икону кому-нибудь?

Бреди вытер платком вспотевший лоб.

- Не думаю. Дювайны имеют дело с мелкой рыбешкой. У них не может быть клиента, способного заплатить миллионы.

- А ты задумывался над тем, кто клиент Кендрика?

Бреди кивнул:

- Это может быть только Герман Радниц., так?

- И я так считаю. Все совпадает: Кендрик с ним уже имел дела раньше. У него есть вилла в Цюрихе, он интересуется русским искусством, и у него есть деньги. Это наверняка он.

Хеддон промолчал, а потом продолжил:

- Как ты думаешь, у Дювайнов были с ним хоть какие-нибудь контакты?

Бреди задумался, и его лицо все более мрачнело.

- Если подумать, кажется, я слышал, что где-то год назад Пьер продал Радницу одну картину.

- Так что он.., может пойти к Радницу и предложить ему икону за полцены, а нас оставить с носом?

От этой мысли Бреди передернуло.

- Да, в принципе, Дювайн способен даже отцовскую могилу разрыть, если будет уверен, что там лежат деньги.

- А захочет ли Радниц иметь дело с Дювайном?

- Чтобы сэкономить миллион, этот сукин сын готов с чертом вступить в сделку.

- Так я и думал. Похоже, у нас возникли проблемы, Лу.

- Может быть, мы торопимся с выводами. Дювайны могут и не догадаться, что икона в сумочке.

- У меня есть нюх на такие вещи. Если Дювайн смекалист, то он поймет, что к чему. Бреди положил ногу на ногу.

- У нас есть время. Дювайны и Лепски сейчас в Париже. В Монте-Карло они поедут четырнадцатого, а в Монтре - двадцатого. Если Дювайны захотят нас надуть, то они дождутся, когда Лепски пересекут границу Швейцарии, так что у нас в запасе девять дней.

Хеддон о чем-то задумался, в то время как Бреди сидел спокойно. Он безгранично верил в талант Хеддона решать любые проблемы. Наконец Хеддон сказал:

- Наш план заключается в том, что Дювайн обменяет сумки в отеле “Монтре-Палас”, привезет сумку в отель “Эден” в Цюрихе и ты заплатишь ему двадцать тысяч швейцарских франков. В это время Кендрик будет уже в Цюрихе. Ты отдашь ему сумку с иконой, а он передаст ее своему клиенту, получит с него деньги и отдаст нам нашу долю. Так мы планировали, Если Дювайны собрались нас обмануть, то Пьер напрямик отправится в Цюрих, но не в отель “Эден”, а на виллу к Радницу. Это в окрестностях Цюриха, у озера. Он провернет дело и исчезнет с полученными деньгами.

- Это только догадки, - сказал Бреди, вытирая лоб платком. - Я работаю с Дювайном много лет. Мне трудно поверить, что он решится нас обмануть.

- И все же давай считать, что это так, - сказал Хеддон с каменным лицом. - Когда деньги столь большие, я никому, кроме тебя, не доверяю. Надо принять все меры предосторожности.

- Какие меры?

- Мы нанесем свой удар. Все они приедут в “Монтре-Палас” двадцатого, а ты со своей спутницей приедешь восемнадцатого. Портье ты сообщишь, что намерен уехать двадцать первого, но хотел бы заказать номер в гостинице для своего друга и друга Дювайнов. Номер должен быть на одном с ними этаже и по возможности рядом. Когда приедет Дювайн, передашь ему копию сумки и скажешь, что ты уезжаешь в отель “Эден” и там будешь ждать его с сумкой Лепски. Двадцать первого выедешь из отеля так, чтобы это видели Дювайны. Остановишься где-нибудь поблизости. Подружку отошлешь в Цюрих, а сам переоденешься, загримируешься и вернешься в “Монтре-Палас” под именем друга, для которого заказан номер. И с этого момента не спускай с Дювайнов глаз. Когда он обменяет сумки, прижми его где-нибудь, забери сумку, заплати ему и поезжай в “Эден”. Таким образом мы предотвратим обман.

Бреди подумал и кивнул в знак согласия:

- Идея неплохая, но не надо забывать, что, если Дювайны действительно собираются нас надуть, Пьер может полезть в драку.

Ведь речь идет о пяти миллионах. Он избьет меня, поскольку сильнее, свяжет и исчезнет. На его месте я бы так и сделал.

Хеддон мрачно улыбнулся:

- Когда приедешь в Женеву, купи револьвер. Я дам тебе адрес, где его продадут и не станут задавать лишних вопросов.

Глаза Бреди расширились.

- Нет! Никаких револьверов. Никакого насилия, Эд! Это исключено!

- Дело касается трех миллионов долларов: один тебе и два мне, - отрезал Хеддон. - Ты не будешь заряжать револьвер. Если Дювайн что-нибудь затеет, тебе достаточно будет только помахать у него перед носом этой штукой, и он успокоится. Уверю тебя, Лу, это подействует.

Он достал из кармана карточку и записал на ней адрес.

- Сошлись на меня. Проблем не возникнет. Бреди помедлил, скорчил гримасу, но карточку взял.

- А может, Дювайн и не собирается надувать нас и мы просто из мухи делаем слона? - сказал он без особой надежды в голосе.

Хеддон поднял с пола пакет и положил его на колени Бреди.

- Я пошел спать. Не думай ни о слоне, ни о мухе. Подстрахуй себя. Мы должны все предусмотреть, чтобы икона дошла до Кендрика и мы получили свои деньги.

Оставив Бреди разглядывать пакет, Хеддон прошел через бар и направился к лифтам.

Василий Вренсков был русским знакомым Германа Радница. Это был приземистый, крепко сбитый, лысеющий мужчина с глазами, напоминавшими изюминки в тесте.

Он жил в скромной трехкомнатной квартире в пригороде Цюриха. Эта квартира принадлежала его швейцарской приятельнице, которая разрешала ему ею пользоваться без утомительного вмешательства полиции. Он часто совершал поездки в Москву, и советские руководители верхнего эшелона были о нем высокого мнения.

В это утро ему позвонили от Радница с приглашением пообедать на вилле "Гелиос". Это был один из множества роскошных домов Радница. Вилла была расположена в нескольких километрах от Цюриха на участке в два акра на берегу озера, с ухоженным садом, собственной пристанью и моторными лодками, не говоря уже о роскошной яхте Радница.

Василий Вренсков всегда с удовольствием встречался с Радницей. Он устроил массу прибыльных сделок между Радницей и Кремлем, и

Радниц всегда платил ему комиссионные. Эти деньги переводились на номерной счет Вренскова в “Банк оф Цюрих”, и в Кремле о них ничего не знали.

Оставив свой потрепанный “фольксваген” на стоянке, Вренсков по мраморным ступеням поднялся к внушительному portalу виллы. Он нажал на кнопку звонка и, повернувшись, чтобы полюбоваться клумбами, с завистью оглядел озеро, пристань и яхту у причала.

Дверь открылась, и пожилой дворецкий слегка поклонился ему.

- Мистер Радниц ожидает вас, мистер Вренсков, - сказал он. - Пожалуйста, пройдите за мной.

- Рад видеть вас снова, Митэн. Скажите мне, что сегодня будет к обеду? - спросил Вренсков, сняв шляпу и проходя в просторный холл, украшенный старинными доспехами и прекрасными гобеленами.

- Устрицы и шотландская куропатка, сэр, - улыбаясь, сказал Митэн. Он знал, какой обжора этот русский. - Устрицы доставили самолетом из Англии сегодня утром.

Вренсков закатил глаза:

- Восхитительно! А как мистер Радниц? Надеюсь, он здоров?

- Он находится в добром здравии, сэр, - ответил Митэн, провожая гостя длинным коридором к кабинету Радница.

Радниц сидел за большим старинным письменным столом, заваленным бумагами. Он поднялся и, улыбаясь, приветствовал Вренскова.

- Рад видеть вас, Василий, - сказал он, выйдя из-за стола и протягивая руку. - Спасибо, что вы смогли так быстро прийти. Садитесь. Немного водки?

Вренсков опустился в кресло возле письменного стола.

- Спасибо, мистер Радниц. Вы очень любезны.

Митэн принес водку в больших хрустальных бокалах с колотым льдом.

- Сигару?

- С огромным удовольствием.

Митэн достал сигару из ящичка на столе, обрезал кончик, подал ее Вренскову, поднес огонь и с поклоном покинул комнату.

- Как здоровье мадам? - поинтересовался Радниц.

- Благодарю вас. Ей не очень нравится климат Цюриха, но она привыкает.

Радниц раскурил сигару, потом поднял бокал, кивнув Вренскову, который сделал то же самое, и отпил глоток. После небольшой паузы он сказал:

- Я думаю, нам пора поговорить, Василий. Прошло уже три месяца со дня нашей последней встречи. Есть ли у вас для меня новости?

Вренсков поднял свои полные плечи.

- Насчет казанской плотины? Взгляд Радница сделался жестким.

- Насчет чего же еще?

- Да, конечно. Вы можете не сомневаться, мистер Радниц, что я, как и всегда, действую в ваших интересах.

- И?..

- Это, конечно, грандиозное предприятие, мистер Радниц, - сказал Вренсков, заискивающе улыбаясь. - Стоимость его...

- Это все мы уже обсуждали, - отрезал Радниц. - Я готов финансировать половину стоимости проекта. Ваши люди обеспечат вторую половину. Мои специалисты окажут техническую помощь. Вот мое предложение. Я хочу знать, что думает ваше руководство.

- Ну что ж, честно говоря, мистер Радниц, мое руководство колеблется. - Вренсков отпил из бокала. - Уверяю вас, я настаивал на вашем предложении, но они полагают, что следует проконсультироваться с другими подрядчиками. Может быть, строительство плотины обойдется дешевле.

Отблеск ярости мелькнул в глазах Радница и тут же исчез.

- Никакой другой подрядчик не построит эту плотину дешевле и, уж конечно, так хорошо, как я.

- Я совершенно уверен в этом, но с моим руководством трудно иметь дело. Они не всегда прислушиваются к моим советам касательно инвестиций. Так что пока все задерживается. Но я убежден, что вскоре все решится в вашу пользу.

В дверь постучали, и вошел Митэн.

- Кушать подано, господа, - объявил он. Устрицы были сочными, а куропатка безупречной. К ней подали "Марго" 1959 года. На десерт последовал сыр. За едой Радниц говорил о всяких пустяках, не касаясь дел, но Вренсков знал, что после обеда начнется настоящий нажим. По своим предыдущим сделкам с Радницей он знал, что тот безжалостен в делах и вести с ним переговоры надо в мягких перчатках.

Наконец мужчины вернулись в кабинет, куда подали бренди и сигары, и Радниц начал схватку.

- Мы с вами, Василий, удачно и выгодно сотрудничали, - сказал он, глядя на Вренскова из-под полуопущенных век. - Мы провернули вместе четыре сделки. Вам заплатили, на ваш зашифрованный счет, около девяноста тысяч швейцарских франков комиссионных, о которых вашим хозяевам ничего не известно.

Вренсков улыбнулся. Он был слишком опытен в таких делах, чтобы попадаться на попытку шантажа. Шифрованный счет гарантировал полную безопасность.

- Мое руководство ничего не знает об этом швейцарском счете и не узнает, мистер Радниц, - сказал он.

Радниц понял, что этого улыбающегося русского шантажировать не удастся. Он кивнул и сменил тактику:

- Если благодаря вам, Василий, я получу контракт на строительство плотины в Казани, думаю, я могу обещать вам четверть миллиона швейцарских франков.

Вренсков снова улыбнулся:

- Таково было ваше любезное предложение, и заверяю вас, что я делаю все, что могу, в ваших интересах. Но как я уже сказал, мое руководство настаивает на том, чтобы рассмотреть другие заявки.

Радниц изучал кончик своей сигары. Его жабье лицо оставалось бесстрастным.

- Мне кажется, - сказал он наконец, - что нужен какой-то рычаг, чтобы перетянуть ваших хозяев на мою сторону.

- Рычаг? Я не понимаю, о чем вы.

- Икона Екатерины Великой, - сказал Радниц, внимательно наблюдая за русским, но Вренсков только поднял брови.

- Ах да, - сказал он. - Я слышал, что она была украдена с выставки в Вашингтоне. Но какое это имеет отношение к строительству плотины в Казани?

Радниц сдержал нетерпение.

- Ваши хозяева наживут на этой краже порядочный политический капитал. Президент США поставлен этой кражей в очень неловкое положение. Он непопулярен. Газеты вечно критикуют его. Он немедленно принял меры, чтобы икона не покинула Штаты. Однако, перекрыв выезд из страны, он создал массу неудобств для публики, которая уже протестует и обвиняет во всем президента. И я их понимаю. Большинству американцев наплевать на русскую икону, а вот задержка рейсов, проверка багажа в аэропортах, запрет выходить в море и тому подобные вещи - это их волнует и делает президента еще более непопулярным.

- Это очень печально, - сказал Вренсков со слабой улыбкой, - но какое отношение имеют неприятности президента к моему руководству?

- Слушайте, Василий, вы не хуже меня знаете, что любые неприятности президента радуют Кремль.

Вренсков расхохотался. Это был хриплый, горловой смех.

- Не для записи, мистер Радниц, но я сказал бы, что вы правы.

- Говорят, президент заверил вашего премьера, что икона все еще в Штатах и очень скоро будет найдена.

- Да, это верно. “Правда” напечатала изложение их разговора. Но поиск может затянуться на месяцы или даже годы, если воры готовы ждать. - Вренсков поднес к носу бокал с бренди, вдыхая аромат. - Вряд ли возможно до бесконечности продолжать эти задержки, проверки при выезде, пока икона не будет найдена?

- Конечно нет. Я предполагаю, что это все продлится около месяца, а потом постепенно сойдет на нет под давлением жалоб общественности.

- И тогда вору представится возможность?

- Нет. Будут выборочные проверки, внезапные обыски. Ему нужно иметь очень крепкие нервы, чтобы попытаться вывезти икону за границу.

Вренсков допил бренди.

- К счастью, мистер Радниц, это не моя область. Мне кажется, мы слишком отклонились от темы.

- Я говорил о рычагах, - заметил Радниц. - Налейте себе еще бренди, дорогой Василий.

- Очень любезно с вашей стороны. - Вренсков взял графин из граненого стекла. - Превосходный бренди.

- Насколько я понимаю, ваши хозяева хотели бы получить икону обратно?

- Конечно. Это один из лучших экспонатов Эрмитажа. Она всегда привлекает внимание туристов, а стоимость ее невозможно даже оценить.

Радниц затянулся сигарой.

- Это и есть тот рычаг, о котором я говорил. Давайте предположим, что я могу вернуть икону в Эрмитаж и дать вам доказательства, что президент лгал, утверждая, что икона находится в Штатах. Как вы думаете, будут ли ваши хозяева удовлетворены настолько, чтобы отдать мне казанский контракт? Предположим, я могу доказать, что икона покинула Штаты через день после кражи, несмотря на все меры предосторожности, в которых были задействованы полиция, ФБР, ЦРУ, армия и флот. Если грамотно организовать утечку информации, эта история, как следует преподнесенная в мировой прессе, сделает президента просто посмешищем, не так ли?

Вренсков наклонил голову:

- Да, это ясно, мистер Радниц. Можете ли вы на самом деле вернуть икону или это только допущение?

- Это зависит от ваших хозяев. Если я получу контракт на строительство казанской плотины, они получают икону.

У Вренскова перехватило дыхание:

- Мистер Радниц, я давно сотрудничаю с вами и привык полагаться на ваши заявления. Могу ли я считать, что икона у вас?

- Я не говорил этого. Я сказал, что могу получить ее. Это обойдется мне недешево, но я готов заплатить при условии, что получу контракт.

- Она уже не в Штатах?

- Нет.

Вренсков помедлил, надеясь, что Радниц проговорится, где она, но поскольку тот молчал, он поинтересовался:

- Можете ли вы гарантировать ее возвращение?

- При условии, что ваше руководство гарантирует мне контракт на плотину. - Радниц посмотрел прямо в глаза Вренскову. - Мы можем произвести обмен. Вы получаете икону. Я получаю контракт.

- Это очень интересное предложение, мистер Радниц. Я завтра же вылечу в Москву. Могу я сказать там, что икона на самом деле уже вывезена из Штатов?

- Вы можете сказать им это и то, что они могут получить ее в пределах десяти - пятнадцати дней.

Вренсков кивнул:

- Вы можете быть уверены, что я сделаю для вас все возможное, мистер Радниц, но, само собой, я не знаю, какова будет реакция моего руководства. Плотина обойдется в огромную сумму. Я надеюсь, что икона поможет склонить чашу весов в вашу сторону.

Настроенный хоть как-то заработать на русских, Радниц предложил:

- Даже если они не согласятся отдать мне контракт, я хотел бы выкупить икону у того, кто мне предложил, если ваше правительство заплатит за нее.

- И сколько это будет стоить, мистер Радниц?

Имея в виду, что он не собирается ничего платить Кендрику, Радниц ответил:

- Шесть миллионов долларов. Видя, что Вренсков вздрогнул, он добавил:

- На аукционе икона стоила бы не меньше двадцати миллионов. Ваши хозяева не только смогут дешево купить ее, но и приобретут политический капитал. Как знать? Может быть, президент даже возместит им эту сумму. Чтобы избежать нежелательной огласки, он вполне может сделать это.

- Итак, есть два предложения, - сказал Вренсков. - Либо вы получаете контракт на строительство плотины и возвращаете нам

икону, либо не получаете контракта, но продаете икону моему правительству за шесть миллионов долларов. Верно?

Радниц поднялся.

- Вы все прекрасно поняли, мой дорогой Василий. Привезите мне контракт, и вы получите четверть миллиона швейцарских франков. Если это не удастся, но ваши хозяева заплатят шесть миллионов долларов за икону, вы получите пятьдесят тысяч франков. Ясно, что вам выгоднее стараться получить контракт.

- Будьте уверены, я все сделаю, мистер Радниц.

И мужчины пожали друг другу руки.

- Я свяжусь с вами в течение недели, - сказал Вренсков, когда Радниц провожал его до дверей.

- Митэн положил пакет в вашу машину, - сказал Радниц. - Наилучшие пожелания мадам.

- Как это мило! Вы очень внимательны. - И глазки Вренскова жадно заблестели. Радниц улыбнулся и помахал ему рукой.

На третий день пребывания в Париже Пьер Дювайн пригласил Тома и Кэрол осмотреть город. Пьер знал Париж как свои пять пальцев. Немного потолкавшись в Лувре, они отправились в Нотр-Дам, потом в Сен-Шапель и, наконец, поднялись на самый верх Эйфелевой башни. Комментарии Пьера были настолько интересны, что даже Лепски оценил эту экскурсию.

Когда Дювайн предложил эту поездку, у Тома и Кэрол начались их обычные перебранки. Лепски, посылая к черту все исторические памятники, сказал, что хочет просто побродить по улицам и познакомиться с жизнью французов. Кому охота таскаться по этим скучным музеям! Кэрол начисто отмела эти доводы:

- Лепски! Пора образовываться. Тебя интересуют только преступления, еда и женщины, Нельзя упускать возможности расширить свой кругозор.

Издав звук, напоминающий жужжание осы, попавшей в бутылку, Лепски подчинился.

Слегка уставшие, они вернулись в отель в шесть вечера.

- Сегодня попозже пойдем в "Тур де Аржент", - сказал Пьер, когда они вошли в вестибюль отеля. - Это один из лучших ресторанов Парижа. Затем отправимся в "Лидо", я там заказал столик. - Повернувшись к Тому, шепнул ему на ухо:

- Там потрясающие девочки.

Лепски просиял:

- Отлично! Как насчет того, чтобы выпить, Пьер? Пусть девочки идут к себе, а мы дернем по маленькой.

- Лепски! Когда же ты избавишься от своих вульгарных словечек! - воскликнула Кэрол.

- Идите, идите. - Лепски подтолкнул жену к лифту, а сам, взяв под руку Пьера, потащил его в бар.

Наступил удачный момент, которого так долго ждала Клодетта. В то время как они шли по коридору, направляясь к своим номерам, она сказала:

- Кэрол, дорогая, какая у тебя великолепная сумочка! Я умираю от зависти и не отстану от Пьера, пока он не купит мне такую же.

- Ты еще не видела, что там внутри, - сказала Кэрол, открывая дверь номера, - заходи, я тебе покажу все. Это просто чудо!

Они вошли в комнату. Кэрол открыла шкаф, достала знаменитую сумку, поставила ее на стол и открыла:

- Посмотри, какая роскошь!

Клодетта заставила Кэрол вынуть все из сумки, сопровождая каждую вещь возгласом восхищения, пока сумка не оказалась пустой. Затем она восторженно осмотрела все детали внутренней отделки, и Кэрол просто лопалась от гордости. Клодетта закрыла сумку и приподняла ее, чтобы рассмотреть теперь уже внешнюю отделку. Она отметила, что снаружи сумка кажется по крайней мере на три дюйма длиннее, чем внутри.

- Восторг! - сказала она наконец. - Но немного тяжеловата.

Клодетта опустила сумку. Теперь она наблюдала, как Кэрол с любовью укладывала все вещи обратно в сумку и запирала ее, особо обратив внимание на ключ.

- Ну, дорогая, отдыхай, - сказала Клодетта. - Встретимся в вестибюле в восемь часов. Надеюсь, что сегодня тебе понравилось.

- О, все было великолепно! Я не знаю, как мне благодарить за все. Вы нас совершенно испортили. И сегодня вечером... Мы настаиваем, чтобы вы были нашими гостями. Вы для нас так много сделали. Ну пожалуйста!

- Хорошо, хорошо! - улыбнулась Клодетта. - Нам тоже было очень приятно. Мы просто счастливы, что вам хорошо с нами. Я скажу Пьеру.

Вернувшись в номер, она с нетерпением стала ждать возвращения мужа, который вернулся через час слегка на взводе.

- Бог ты мой! - воскликнул он, хватаясь за голову. - Сколько же этот человек может выпить! Ну, какие новости?

- У сумки двойное дно. Она очень тяжелая даже пустая. Наверняка икона там и спрятана.

- А как с ключом?

- Ерунда, ее можно открыть булавкой. Пьер глубоко вздохнул:

- Надо хорошо все обдумать, моя радость.

- Вот ты и подумай, мое сокровище. А я пойду приму душ. Ночь долгая, и нам хватит времени на все.

- У нас останется еще шесть дней. Мы не будем торопиться.

- По крайней мере, сегодня вечером они будут платить, - сказала Клодетта, раздеваясь.

После великолепного обеда в “Тур де Аржент” они отправились на представление в “Лидо”, где давали великолепное музыкальное ревю. Хотя Лепски был в восторге от величественного вида из окон ресторана на освещенный прожектором собор Нотр-Дам, но когда Пьер предложил заказать фирменное блюдо под названием “утка под гнетом” - птица, начиненная всевозможной вкусной приправой, - он уперся. Лепски заявил, что он не переносит изысканной пищи и предпочел бы бифштекс, но Кэрол тут же на него набросилась:

- Никаких бифштексов! Ты - в Париже и должен познакомиться со всеми достижениями парижской кухни.

- Неужели человек не может есть то, что он хочет? - проворчал Лепски.

- Будешь есть утку, - твердо заявила Кэрол.

Когда подали утку, Лепски подозрительно попробовал ее, затем проговорил:

- Совсем неплохо! Послушай, беби, попробуй приготовить что-нибудь подобное, когда вернемся домой. - Потом повернулся к Пьеру и добавил:

- Кэрол отлично готовит.

- Ешь и молчи, - оборвала его жена.

Наконец обед закончился, и Лепски щелкнул пальцами, подзывая официанта, чтобы оплатить счет. Когда он увидел, во что обошелся обед, то заметно побледнел, а потом побледнел во второй раз, когда спросил Пьера, сколько оставить на чай. Отсчитав французские банкноты и что-то ворча себе под нос, он обратился к Пьеру с фальшивым смехом:

- Да, уж эта забегаловка не обанкротится, - за что немедленно получил от Кэрол пинок по голени.

Но затем шоу в “Лидо” подняло его настроение, и, вернувшись в отель около двух часов ночи, Лепски признал, что день был великолепен.

- Завтра ваш последний день в Париже, - сказал Пьер, когда они поднимались в лифте в свои номера. - Поедем на левый берег Сены и там побродим по старым кварталам. Там тоже много интересного. Затем вам надо побывать в ресторане “Фоли Бержер”, там великолепное ревю, девочки что надо! Обедаем в ресторане “Гран Вефур” - это еще один знаменитый парижский ресторан, но теперь уж мы приглашаем, Том.

Лепски заметно обрадовался, но Кэрол не могла стерпеть этого.

- Ну уж нет, - сказала она твердо. - Приглашаем мы. Не возражайте! - Она игнорировала слабый стон Лепски.

Между ними произошла дружеская перепалка, но поскольку Пьер очень хорошо знал, каким будет счет, он любезно согласился, что они будут гостями Лепски.

В то время как Лепски бушевал в своем номере, называя Кэрол ненормальной транжиркой, бросающей деньги на ветер, Дювайны спокойно обсуждали создавшееся положение.

- У меня было ужасное чувство, что тебе завтра придется платить, - сказала Клодетта, - а нам надо поэкономней расходовать деньги, мое сокровище.

Пьер потрепал ее по щеке.

- Я знал, что она будет настаивать. Я бы не предложил пойти в “Гран Вефур”, если бы не был уверен в этом. - Он ласково улыбнулся жене. - Ты довольна?

- Ах, если бы мы могли так жить всегда! - говорила Клодетта, раздеваясь. - Ты все обдумал?

- Конечно. Мы ничего не будем предпринимать, пока не приедем в Монтре. Я пока не представляю, как мы подкатим к Радницу со своим предложением. Вот это проблема, солнышко.

- У нас впереди целых шесть дней. Ты устал?

- Не слишком, - сказал Пьер, любуясь ее обнаженным телом, и начал быстро раздеваться.

В аэропорту Цюриха среди пассажиров, прибывших рейсом из Нью-Йорка, в сторону пункта проверки паспортов легко шел высокий, худощавый, светловолосый молодой человек, одетый в темно-синий деловой костюм, с небольшим чемоданчиком в руке. Продвигаясь в

очереди, он увидел двух человек в штатском, стоявших позади чиновника у пропускного пункта. Он решил, что они из тайной полиции. Когда подошла его очередь, молодой человек предъявил паспорт. Три пары глаз уставились на него.

- Вы здесь по делу, мистер Хольц? - вежливо спросил чиновник.

- Нет, я приехал к друзьям, - ответил Серж Хольц, холодно чеканя слова по-немецки. - Я пробуду здесь всего неделю.

- Приятного вам отдыха!

Серж Хольц направился к пункту таможенного контроля. Там тоже образовалась толпа из обозленных пассажиров, ожидавших, пока несколько таможенников в серой униформе управятся с их багажом. С легкой сардонической улыбкой Хольц терпеливо ждал. Он считал все эти проверки просто ерундой. Когда наконец подошла его очередь, он раскрыл чемодан и, наблюдая, как проворные руки прощупывают все внутри, порадовался, что ему не пришлось провозить дамскую сумочку.

- Благодарю вас, - сказал таможенник вежливо, предоставляя Хольцу самому все уложить в чемодан, и перешел к следующему пассажиру.

Хольц подошел к офису агентства Херца и по кредитной карточке нанял "форд-эскорт".

Он попросил также путеводитель по городу. Дядя дал ему два адреса, где ему надо было побывать по делу. Расположившись за рулем взятой напрокат машины, он нашел нужные места на плане, двинулся к центру города.

По первому адресу находился обшарпанный многоквартирный дом, неподалеку от аэропорта. С трудом найдя место для парковки машины, Серж вошел в здание, поднялся в скрипящем лифте на четвертый этаж и нажал кнопку звонка на тяжелой дубовой двери. Спустя некоторое время дверь открылась, и перед ним предстал маленький бородатый мужчина лет семидесяти, одетый в серую фланелевую рубашку и темно-коричневые вельветовые брюки. Человек подозрительно уставился на него поверх своих очков с толстыми линзами.

- Мистер Фредерик? - спросил Хольц.

- Да.

- В таком случае вы ждете меня, - сказал Хольц и протянул ему паспорт.

Фредерик внимательно осмотрел паспорт, пробормотал что-то и, вернув Хольцу паспорт, отступил в сторону:

- Входите, мистер Хольц.

Гость вошел в темную прихожую, затем проследовал за Фредериком в большую, обставленную тяжелой, неуклюжей мебелью гостиную.

- К вашим услугам, - произнес Фредерик. - Я неоднократно имел удовольствие вести дело с вашим дядей. Что я могу для вас сделать?

- Мне нужен пистолет... Лучше всего "беретта", если есть.

- О, это прекрасное оружие. Весит всего десять унций <1 унция равна 28,35 г.> и всего четыре с половиной дюйма в длину.

- Я знаю, - нетерпеливо сказал Хольц. - Так она у вас есть?

- Да, почти новая, в отличном состоянии.

Это стоит...

- Цена меня не интересует, запишите на счет дяди, - резко оборвал Хольц. - Покажите мне ее.

- Одну минуту. - Фредерик вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Хольц подошел к окну, отодвинул занавеску и посмотрел на улицу. Его острые глаза внимательно ощупывали проходящих мимо людей и автомобили.

Ничего подозрительного он не заметил, хотя подозрительность давно стала частью его натуры. Серж задернул занавеску и прошел на середину комнаты. Появился Фредерик, неся футляр.

- Здесь двадцать пять патронов, - сказал он, положив футляр на стол. - К сожалению, больше нет.

- Этого достаточно, - ответил Хольц и, открыв футляр, достал пистолет, лежавший на зеленом сукне. Профессионально все осмотрел и проверил.

- Я вижу, что вы разбираетесь в оружии, - сказал Фредерик, наблюдая за его действиями. - Вы найдете его в полном порядке.

Хольц ничего не ответил. Он зарядил обойму, тщательно проверив все патроны, потом вогнал обойму на место.

- Я беру это, - сказал он. - Еще мне нужен охотничий нож.

- Конечно, мистер Хольц. Сейчас покажу вам лучшие образцы.

Фредерик снова вышел и вернулся с большим ящиком, который и водрузил на стол. Сдвинув крышку, он сказал:

- Выбирайте, прошу вас.

Хольцу потребовалось около получаса. Придирчиво и внимательно он рассмотрел всю коллекцию и сделал выбор.

- Вот этот. - Он показал на нож убийцы с гладкой эбонитовой рукояткой и четырехдюймовым лезвием, острым как бритва.

- Вы знаток. Это лучший нож в коллекции. К нему есть и ножны. - Фредерик порылся в ящике и вытянул мягкие ножны из оленьей кожи с ремешками.

Хольц вставил нож в ножны, закатал правую брючину и привязал ножны к ноге. Затем, опустив брючину, он прошелся по комнате и, убедившись, что нож пристроен удобно и не выступает, кивнул:

- Я беру его. Запишите тоже за дядей. Едва кивнув на прощанье, он вышел, закрыв за собой дверь, и на лифте спустился вниз.

На бедре у него была “беретта”, в кармане пиджака коробка патронов, к ноге привязан нож. Покинув Нью-Йорк без всякого оружия, он чувствовал себя голым, но теперь все было иначе. Теперь его походка отличалась уверенностью.

Он сел в машину и, изучив карту, поехал по второму адресу. Вначале он запутался в улицах с односторонним движением и медленно ползущим транспортом, но наконец нашел ворота, на которых была табличка с нужным ему номером. Хольц въехал во двор.

Через несколько минут Хольц стоял в красиво обставленном офисе и обменивался рукопожатием с высоким лысым швейцарцем, который назвался герром Вейдманом.

- Ваш дядя звонил, мистер Хольц, и я всегда рад оказать ему услугу. Сумка готова. Могу вас заверить, что все сделано в точности по указаниям вашего дяди.

Хольц кивнул.

- Я спешу, - сказал он отрывисто. - Дайте мне сумку.

. Улыбка Вейдмана увяла. Он не привык к столь резкому обращению. Кроме того, ему не нравился взгляд этого высокого молодого человека, тяжелый и пронизывающий.

- Конечно, конечно. - Вейдман подошел к шкафу, отпер его и достал сумку. - Прекрасная копия. Сравните с фото...

- Упакуйте! - рявкнул Хольц. - Я спешу!

Вейдман взял сумку и вышел. Какой грубый молодой человек, думал он, пока его секретарша упаковывала сумку. Кто бы мог подумать, что это племянник Густава Хольца! Он вернулся с пакетом и передал его клиенту.

Теперь на виллу Радница.

Поездка отняла много времени. Хольца раздражала медлительность уличного движения, но он был внимателен и не терял хладнокровия. Он не мог позволить себе попасть в аварию, но были моменты, когда Хольц с трудом сдерживал свой неумный темперамент. Ему стоило немалого труда не наброситься на водителей, которые прижимались к его машине впритык или старались проскочить прямо у него под носом, не обращая внимания на светофоры. Примерно в 16 часов Хольц подрулил к величественному зданию виллы “Гелиос”. Впрочем, на Хольца оно не произвело впечатления. Манера богатых магнатов

выставлять напоказ свое богатство раздражала его. Отсчитывая мраморные ступени, спрашивал себя, как можно жить среди всей этой показухи.

Митэн открыл парадную дверь и легким поклоном приветствовал его:

- Мистер Хольц?

- Да. - Хольц окинул старого слугу презрительным взглядом: лакей и блюдолиз.

- Пожалуйста, проходите. Мистер Радниц сейчас занят, но он примет вас через несколько минут.

Хольц последовал за дворецким, который проводил его в большую комнату, уставленную антиквариатом.

- Чай, кофе? Или хотите что-нибудь выпить, мистер Хольц? - спросил Митэн.

- Ничего! - отрезал Хольц и, подойдя к окну, стал смотреть на большую лужайку с деревьями, цветущим кустарником и плавательным бассейном.

Митэн незаметно удалился, закрыв за собой дверь. Хольц остался возле окна. Через несколько минут он увидел, как атлетически сложенный мужчина в черном спортивном костюме прошел через лужайку. За ним появились еще двое, такого же сложения и так же одетые. Все трое исчезли за высокой изгородью, образованной цветущим кустарником.

Хольц наблюдал за этой сценой с сардонической усмешкой. Телохранители Радница. Что ж, вид достаточно внушительный, подумал он.

Он считал, что в положении Радница неизбежно приходится тратить большие деньги на телохранителей не столько для защиты, сколько для престижа.

Через полчаса в дверях возник Митэн.

- Мистер Радниц ждет вас. Прошу. Держа в руке упакованную сумку, Хольц последовал за Митэном в кабинет Радница.

Миллионер восседал за своим письменным столом, заваленным ворохом бумаг. Между пальцами у него была зажата сигара. Радниц оценивающе посмотрел на высокого, худощавого молодого парня, который шел к нему упругим кошачьим шагом. Большой знаток человеческих душ, Радниц тотчас же понял, что этот парень ничуть не уступает Силку. Да, рекомендации Густава Хольца можно принимать без колебаний, но Радниц любил убедиться во всем сам.

Хольц, в свою очередь, тоже оценивал Радница. Да, с этим человеком можно работать. Дядино описание могущества и безжалостности Радница не были преувеличены.

- Сумка уже у вас? - произнес Радниц своим резким гортанным голосом.

- Да, сэр. - Хольц положил пакет на стол.

- Хорошо ли она сделана?

- Этого я не знаю, сэр. Вейдман, который изготовил ее, сказал, что да. Все детали он обсуждал с дядей. Мне было приказано только доставить ее вам. Я ее не открывал.

- Ну, если ваш дядя удовлетворен, то мне этого достаточно. - Радниц затынулся сигарой. - Садитесь.

Хольц опустил на стул возле письменного стола.

- Теперь вы зачислены в мой штат. Ваш дядя поручился за вас. Объяснил ли он вам ваши обязанности?

Хольц кивнул.

- У вас неделями может не быть никакой работы, но неожиданно вы можете получить срочное задание. Я всегда должен точно знать, где вы находитесь, чтобы в любой момент связаться с вами. Ясно?

Хольц опять наклонил голову.

- С этого момента вы становитесь моим бойцом, как называют наемных убийц. Ваш дядя сообщил размеры оплаты? Вас это устраивает?

- Да, сэр.

- Вы не колеблясь готовы взяться за эту работу?

Тень скуки мелькнула в глазах Хольца.

- Почему я должен колебаться, сэр?

- Свое ближайшее задание вы знаете?

- Дядя мне сказал, что я должен отправиться в отель "Монтре-Палас" в Монтре и обменять эту сумку на точно такую же, принадлежащую некоей миссис Лепски.

- Верно. Как вы собираетесь это сделать?

- Лепски должны прибыть в отель через шесть дней. Я приеду туда за два дня до их появления. Дядя уже заказал мне номер на одном этаже с ними. Я дождусь удобного случая и поменяю сумку.

- Вы уверены, что сможете сделать это? И опять в глазах Хольца появилась скука.

- Я не пришел бы сюда, если бы не был уверен.

Его тон понравился Радницу. Он удовлетворенно кивнул:

- Когда сумка миссис Лепски будет у вас, вы должны сразу же доставить ее сюда ко мне.

- Я понимаю, сэр.

- У вас останется три дня до отъезда в Монтре. Здесь для вас забронирован номер в отеле “Эден”. Чем вы намерены заняться в это время?

- Буду упражняться, как открывать двери в спальнях комнатах отеля, - сказал Хольц. - Дядя дал мне адрес одного слесаря, специалиста по замкам, который будет меня учить. Этим искусством мне надо овладеть получше. Если я не смогу открыть дверь спальни миссис Лепски, я не достану сумочку.

Радниц кивнул в знак согласия.

- Ваш дядя - выдающийся человек, он обо всем успевает подумать. Уверен, что вы его не подведете.

- Да, сэр.

- Очень хорошо. Теперь вы свободны и можете делать что хотите. Жду вас здесь с сумкой миссис Лепски через неделю. Если вы не справитесь с заданием, то вы мне больше не понадобятся. Понятно?

- Да, сэр. - Хольц поднялся, чтобы уйти.

- Ваш дядя говорил, что вы можете постоять за себя, - сказал вдруг Радниц с хитрой улыбочкой. - Хотя, как видите, я обычно ценю мнение вашего дяди, но иногда мне хочется кое-что проверить самому. Вы не возражаете против маленького испытания ваших способностей?

Глаза Хольца затуманились.

- Почему бы и нет. - Его голос был холодным и невыразительным.

- Тогда не откажите мне в любезности: выйдя из дома, пройдите той лужайкой до озера. - Радниц махнул рукой в сторону открытого окна. - Я бы хотел удостовериться, что вы можете постоять за себя.

- Если таково ваше желание, сэр, то я, конечно, его выполню. - Хольц замолчал и пристально посмотрел на Радница. - Вы, по-видимому, имеете в виду тех трех громил, очевидно ваших телохранителей, которые укрылись за кустами и теперь поджидают меня, чтобы проучить, к вашему удовольствию. Это вполне понятно, сэр, но должен вам сказать, что со мной нельзя так грубо шутить. Я все делаю серьезно. И прежде, чем выйти, я бы хотел спросить: есть ли у вас удобное местечко, чтобы похоронить этих троих?

Радниц оцепенел:

- Похоронить? Вы что имеете в виду? Хольц наклонился, засучил правую брючину, и тотчас в руке у него очутился сверкающий нож. Все это он проделал так быстро, что Радниц не успел и глазом моргнуть. Он окаменел, широко раскрыв свои жабы глаза.

- Так что, сами видите, сэр, играть со мной в грубые игры нельзя. Как только эти гориллы попробуют напасть на меня, я их прикончу, -

спокойно сказал Хольц со своей сардонической улыбкой. - Вы не наняли бы их, если бы не были уверены в способностях этих молодчиков охранять вас. И я думаю, что вам было бы жаль потерять их, да и для слуг было бы хлопотно хоронить их. Я же похоронами не занимаюсь. Я занимаюсь только уничтожением. - Он опять хищно взглянул на Радница. - Так что, сэр, вы все еще хотите, чтобы я прогулялся по лужайке к озеру?

Некоторое время Радниц сидел молча, глядя на этого человека и на нож убийцы в его руке. Наконец он взял себя в руки.

- После всего того, что я увидел и услышал, думаю, что в этой проверке нет необходимости. Ступайте и учитесь открывать замки в дверях спален. Потом, в нужное время, отправляйтесь в отель “Монтре-Палас” и возвращайтесь с сумкой.

- Как вам будет угодно, сэр, - сказал Хольц, вставая и убирая нож в ножны. Взяв пакет с сумкой и слегка кивнув Радницу, он вышел.

Радниц отложил в сторону сигару. Он еще не вполне опомнился от потрясения. Как будто бы сама смерть только что вышла из комнаты, а Радниц боялся смерти. Одну ее он и боялся.

Глава 7

Лу Бреди застонал от отчаяния, когда увидел, как Мегги Шульц входит в зал регистрации аэропорта Кеннеди в сопровождении цветного носильщика с тележкой, на которой стояли два огромных чемодана и синяя сумка.

Широко шагая, он подошел к ней.

- О чем ты думаешь! - воскликнул он. - Я просил тебя, ради Бога, ехать налегке!

Мегги Шульц была совершенно необыкновенной женщиной. Мужчины не могли равнодушно пройти мимо нее, где бы она ни появлялась. Даже здесь, в суматохе аэропорта, все мужчины поворачивали голову следом за ней, и тогда слышался приглушенный свист.

Мегги была не просто красива в обычном смысле слова, она источала какой-то неуловимый сексуальный аромат. Блондинка, с густыми шелковистыми волосами, она была столь совершенно сложена, что за ней постоянно охотились фотографы из домов моделей, журналов “Плейбой” и “Пентхаус” и, конечно, производители порнографии. Выражение же полной беспомощности на ее лице острее волновало мужскую кровь.

- Вот ты где, милый! - закричала она и, обняв Бреди за шею, поцеловала его так, что аудитория вздохнула с завистью.

Бреди оттолкнул ее:

- Этот чертов багаж! Разве я не говорил тебе...

Она прикрыла ему рот своей очаровательной ладошкой.

- Беби, неужели ты хочешь, чтобы твоя крошка ехала в Швейцарию голой?

- Ладно, ладно. - Бреди сдержал свое раздражение. - Ты знаешь, что делать? Пройди регистрацию, возьми свою сумку и иди на таможню. Будут задавать вопросы - ты едешь к друзьям в Женеву. Не забудь.

- Да, лапочка. А этот милый человек позаботится об остальном багаже?

- , Он проводит тебя до таможни, встретимся в зале ожидания.

Она вновь поцеловала его и направилась к стойке регистрации, где и предъявила свой билет.

Бреди следил за ней до тех пор, пока она наконец не встала в очередь на проверку багажа. Таможенный чиновник пожирал ее глазами, когда Мегги остановилась перед ним.

"Вот это, да! Чего бы я только не дал, чтобы затащить ее в постель", - подумал таможенник. Мегги, читая его мысли, подарила ему одну из своих неотразимых улыбок.

- Послушай, красавчик, ты женат? - спросила она.

Таможенник растерянно заулыбался и захлопал глазами.

- Конечно, женат, а что?

- Очень рада. Наверное, ты будешь копать в моих тряпках?

Знаешь, молодые холостяки в таких случаях всегда меня смущают.

Нам, девушкам, нужно так много вещей. Приятный женатый мужчина всегда это поймет.

Она вручила ему связку ключей:

- Будь добр, сам открой чемоданы. Я совершенно не разбираюсь в замках.

Взяв ключи, таможенник с улыбкой заметил:

- Бьюсь об заклад, кое в чем вы неплохо разбираетесь, мисс.

Носильщик положил ее вещи на стойку.

- Ой, да! У меня просто голова кружится. - Мегги широко раскрыла прекрасные глаза цвета морской волны. - Мама всегда мне говорила, что Бог создал меня с красивым телом, но без мозгов. Как ни ужасно о себе такое слышать, но она, скорее всего, была права.

Таможенник раскрыл ее чемоданы.

- Не могу судить, мисс, но в одном она наверняка была права. -
Говоря это, он начал просматривать вещи, стараясь перекидывать их аккуратно.

Стоявший в конце очереди Бреди видел все это. Он смотрел, как Мегги разговаривала, смеялась и выдавала свои сексуальные улыбки. Он был рад, что взял ее с собой. Бреди видел, как таможенник открыл сумочку. Но Мегги ни на минуту не прекращала щебетать, и потому осмотр был поверхностным. Бреди пришло в голову, что Мегги и сама могла бы перевезти икону, будь она у нее в сумке. И он решил, что в будущем нужно чаще использовать ее очарование в своих целях.

Он увидел, что Мегги взяла сумку, обворожительно улыбнулась таможеннику и направилась в зал ожидания. Носильщик взял ее чемоданы и понес к багажной тележке. Минут через двадцать Бреди подошел к девушке.

- Он был очарователен, - сказала Мегги. - О, я в восторге от всего этого. А впереди - Швейцария! Беби, ведь я впервые в жизни буду в Европе!

В тринадцать лет Мегги соблазнила своего школьного учителя, которого потом за растление малолетней упекли в тюрьму, а ее поставили на учет. Через полгода после этого она удрала из дома, и ее подобрал богатый пожилой мужчина, который любил красивых девочек. Он выдавал ее за свою внучку. Мегги оставалась с ним до пятнадцати лет, пока ей не надоели его постоянные нравоучения. Она сошлась с негром, у которого было несколько таких девочек, работавших на него. Она шесть месяцев на улице предлагала себя прохожим, но вскоре ей это надоело. К тому же это было невыгодно и небезопасно. Тогда она отправилась во Флориду, где следующие два года работала "на вызовах" в больших отелях и зарабатывала немалые деньги, которых при ее привычке к роскоши хватало не надолго. Затем Мегги встретила с агентом рекламной фирмы, который мгновенно оценил ее возможности. Новый поклонник взял девушку в Нью-Йорк и познакомил с друзьями, связанными с иллюстрированными модными журналами. И так, переходя из одной постели в другую, Мегги достигла двадцати одного года. В это время она встретила Лу Бреди и влюбилась в него, такого с ней раньше не случалось. Бреди объяснил, что он занимается старинной мебелью и ему по делам приходится много путешествовать. Он предложил ей переехать в его квартиру в Уэст-Сайде, но посоветовал не бросать работу в модных журналах, так как он не богат и не сможет содержать двоих. Любовь к Лу так много значила в жизни Мегги, что она была готова на все. В течение следующих шести месяцев она видела его не больше десяти раз. Лу

всегда куда-то спешил, а она не задавала вопросов. Мегги была рада их коротким встречам, аккуратно прибирала квартиру, готовила ему еду, когда он возвращался, и продолжала неплохо подрабатывать, позируя для журналов. Потом он вдруг позвонил ей и спросил, не хотела бы она отправиться с ним в Швейцарию. Потеряв голову от радости, Мегги завопила:

- Попробуй-ка не взять меня!

Он пришел к ней на следующий вечер с билетами на самолет и очаровательной синей женской сумочкой. Это был первый подарок, который ей сделал Бреди, и она зацеловала его едва ли не насмерть. Но он объяснил, что сумка у нее - на время и этот предмет роскоши недолго будет принадлежать ей.

Перелет из Нью-Йорка в Женеву превзошел все ожидания Мегги. У них были места в первом классе. Многоопытный Бреди пользовался в течение всего перелета вниманием стюардессы, которая безотказно снабжала их шампанским и всевозможными закусками, а в конце и сухим мартини с водкой. Прибыв в Женеву, Бреди оставил Мегги с багажом на таможне. У него был с собой только маленький чемоданчик, и он быстро прошел все формальности. Затем в офисе агентства Херца он взял напрокат “мерседес”. Через некоторое время появилась Мегги.

- Не думаю, что буду в восторге от этих швейцарцев. Этот ужасный тип заставил меня раскрыть все чемоданы и выкладывать все из них.

- А из сумочки?

- Из нее тоже. Все глядели на мои вещи. Он был ужасно груб.

- Не обращай внимания. Нас ждет машина, пошли. - Он махнул рукой носильщику, подкатившему чемоданы на тележке, и повел Мегги к стоянке, где был припаркован “мерседес”.

Выехав на широкую автостраду и направляясь к центру города, он подумал, что даже чары Мегги не позволят ему перевезти что-нибудь тайное через швейцарскую границу.

По другую сторону Атлантики, в Парадиз-Сити, Клод Кендрик и Луи де Марни обсуждали свое будущее.

- Имея такие деньги, мой славный Клод, - говорил Луи, - почему бы вам не продать галерею и не отойти от дел? Подумайте, что можно сделать, имея почти три миллиона. Как можно припеваючи жить! А я охотно купил бы галерею на свою долю, если, конечно, цена будет умеренной. Что вы скажете?

- Что ты потерял последние мозги, - ответил Кендрик. - Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, сколько стоит галерея. Да она у тебя без меня захиреет!

- Ну, это вряд ли! Я бы попробовал. - Крысиные глазки Луи сузились. - Я бы рискнул. Как насчет полумиллиона, дружок?

- Одна только вот эта комната стоит больше. - Кендрик обвел рукой развешанные по стенам картины и другие произведения искусства. - Прекрати это, Луи, а то я рассержусь. Я не собираюсь продавать галерею ни тебе, ни кому другому. Завтра я должен лететь в Цюрих. Если бы ты знал, как я ненавижу эти перелеты!

- А завещание у вас есть? - спросил Луи с хитрецей. - Вы должны написать. А то подумать страшно обо всех этих несчастных случаях. Каждый день в газетах пишут об авиакатастрофах.

- Если ты сейчас же не уберешься отсюда вон, я швырну в тебя чем-нибудь тяжелым, - зарычал Кендрик, выходя из себя.

- Я только хочу вам помочь. Нечего так кипятиться. Это плохо отражается на печени.

Кендрик схватил тяжелое пресс-папье, но Луи оказался проворнее и успел выскочить, хлопнув за собой дверь. Кендрик сердито посмотрел на дверь, зажег сигару и стал думать о завтрашнем дне. Известия от Хеддона были утешительными. Сумка Лепски удачно миновала французскую таможню. Теперь Лепски и Дювайны были в Монако и через три дня будут в "Монтре-Палас". Хеддон сказал, что Лу Бреди тоже остановится в этом отеле и в нужный момент заберет у Дювайнов сумку, после чего сразу же отправится с ней в Цюрих, где встретится с Кендриком в отеле "Эден". Вроде бы все шло хорошо, но Кендрик был пессимистом и не верил в безупречные планы. Может быть, на швейцарской таможне проверят сумку и найдут икону. Может быть, Бреди по дороге из Монтре в Цюрих угодит в аварию. А может быть, и... Здесь Кендрика обдало холодом. Самолет, на котором он полетит, рухнет в Атлантику!

В жизни всегда масса проблем. А может быть, этот жуткий тип Радниц решит нагреть его на три миллиона долларов. Радницу ничего не стоит надуть его. От такого человека можно ожидать всего.

Кендрик достал платок и вытер потный лоб. Но он переполошился бы еще больше, если бы в этот момент оказался у входа в "Монтре-Палас".

Носильщик в униформе сбежал по ступенькам, чтобы открыть дверцу подъехавшего к отелю "опеля-рекорда". Высокий худощавый мужчина с волосами цвета соломы смотрел на него из открытого окна своей машины.

- У меня в багажнике вещи, - сказал он отрывисто. - Здесь можно припарковать машину?

- Конечно, сэр, - сказал носильщик, обходя автомобиль и доставая из багажника огромный чемодан, который был почему-то очень легким для своих размеров.

Серж Хольц поставил машину на стоянку, вылез из нее, поднялся по ступенькам и подошел к портье. Дядя снабдил его фальшивым паспортом на имя Ганса Рихтера, который он и передал клерку.

- Рады приветствовать вас здесь, сэр. Вы остановитесь у нас на несколько дней?

- Да. - Хольц, как всегда, был немногословен.

Портье заполнил полицейскую карточку и передал ее Хольцу вместе с ручкой. Хольц расписался вымышленным именем.

- Мои друзья, мистер и миссис Лепски, прибывают послезавтра. В каком номере они будут жить?

Портье раскрыл регистрационную книгу.

- Номер 245, сэр. А у вас будет номер 249. Как видите, это почти рядом.

Хольц кивнул и направился за носильщиком к лифту. У себя в номере он запер дверь и достал из чемодана женскую сумочку, которую положил в стенной шкаф, и запер его, опустив ключ в карман. Подойдя к окну, он посмотрел вниз, на шумную улицу, и затем дальше, на озеро и цепь простирающихся гор.

"Итак, - подумал он, - я на месте. Два дня ожидания, а потом работа!"

Поездка на юг Франции по длинной монотонной автостраде утомила обоих Лепски. Кэрол была слишком воспитанна, чтобы выразить это вслух, боясь, что Дювайны, делавшие все, чтобы угодить им, расстроятся, но Том не прекращал ворчать до тех пор, пока Кэрол решительно не потребовала, чтобы он замолчал.

Оба они ожидали большего, чем эти непрерывные сельские равнины, дороги, забитые машинами, маленькие городки с узкими улочками и скучные грязные деревушки. Даже трехзвездочный отель в Балансе, где они переночевали, по мнению Лепски, был чертовски вычурным. И на сей раз, нетерпеливо послушав, как Пьер переводил название изысканных блюд, Лепски решительно объявил, что он хочет бифштекс, и посмотрел на Кэрол взглядом полицейского. Заметив сигнал опасности, Кэрол не решилась возразить.

На следующий день они добрались до Монте-Карло, где остановились в отеле "Метрополь". Но и здесь их ожидало разочарование. Кэрол так много читала о юге Франции с его

солнечными пляжами, виллами, казино и модными магазинами, о своеобразной архитектуре, что теперь с недоумением взирала на город, тесно застроенный, с полупустыми высотными зданиями. Улицы были заполнены почтенными и толстыми старыми людьми. А магазины были пустыми по сравнению с парижскими.

Несмотря на все усилия Пьера, Монте-Карло показался им скучным. К тому времени даже Кэрол надоела изысканная французская кухня, и они с Лепски ели только жареных цыплят и бифштексы. Это удручало Дювайнов, которые любили хорошо поесть. Лепски был удивлен, когда увидел, что к девяти часам вечера город вымирает. Единственное живое место - казино. И вновь сплошное расстройство: там было полно старых, разжиревших женщин, делавших ставки, и крутившихся вокруг них разжиревших мужчин. Сексапильных красоток нигде и в помине не было. Пьер объяснил это тем, что сезон уже кончается. Вот если бы они приехали на месяц раньше, все было бы иначе. Но Лепски ему не поверил.

В последний вечер их пребывания в отеле “Метрополь” они пообедали в ресторане, на крыше “Отель де Пари”. Лепски и Кэрол отправились к себе. Им так надоело казино, что они предпочли пораньше лечь, чтобы скорее наступило утро и они могли бы отправиться в Монтре.

Дювайны же, азартные игроки, отправились в казино, где вдвоем оставили более тысячи франков.

- Как тебе нравится путешествие? - спросил вдруг Лепски, когда они лежали на кровати у себя в номере.

Кэрол заколебалась. Она считала, что всегда нужно говорить правду.

- Ну, Том. Я думала, что оно будет более захватывающим, - сказала она наконец. - Париж мне понравился, и я рада, что мы уехали так далеко. Зато теперь я хоть знаю, что это такое.

- Конечно. - Лепски заерзал на кровати. - Но если бы мы никуда не ездили, подумай сама, сколько денег бы мы сэкономили.

- Но это мои деньги, и я их трачу, как хочу, - отрезала Кэрол.

- Конечно, конечно, - поспешно согласился Том.

- Подожди, дай только добраться до Швейцарии. Я видела фотографии гор и озер, это просто фантастика!

- И ночная жизнь там есть?

- Конечно, - уверенно заявила Кэрол, искренне надеясь, что это так. - Конечно, в Монтре оживленная ночная жизнь. Есть еще одна вещь, о которой ты забываешь. Том. Мы встретили двух настоящих друзей, любящих нас. Клодетта обещала мне писать в Штаты.

- Да.., конечно. Но меня что-то беспокоит в связи с ними.

Кэрол села на кровати:

- Что ты хочешь этим сказать?

- В Пьере есть что-то фальшивое. Уж очень он обтекаемый. Я все не перестаю себя спрашивать, почему он так старается. Ведь он тратит на нас немало. Я чувствую, что скоро он попытается всучить нам какой-нибудь золотой рудник.

- Лепски! Ты совершенно невыносим. Это все твой проклятый полицейский мозг. Если с тобой кто-то ведет себя нормально, по-человечески, ты тотчас же его зачисляешь в жулики. Мне за тебя стыдно! - выпалила Кэрол. - Как же, по-твоему, люди становятся друзьями? Потому что испытывают симпатию друг к другу. Так вот: Дювайны нас любят, они наши друзья. Неужели я не могу вдолбить это в твою тупую полицейскую башку!

Лепски тихо застонал. Начиналась перепалка, которая могла длиться часами, а он устал.

- О'кей, беби! О'кей. Наверное, это и в самом деле моя ограниченность, - сказал он, натягивая на себя простыню и поудобнее укладываясь в кровати. - Давай спать, а? У нас завтра длинная дорога.

Но Кэрол не унималась:

- Ты всегда говоришь: "О'кей, О'кей", когда не хочешь чего-нибудь обсуждать. Позволь мне сказать тебе, Лепски, что Дювайны - чудесные люди и нам очень-очень повезло, что мы с ними встретились.

Лепски издал легкий храпящий звук.

- Ты слышишь, что я говорю? - настаивала Кэрол.

- Да, беби. Спи, - сонно пробормотал Лепски и захрапел уже в полную силу.

Пьер и Клодетта вернулись в отель около двух, подавленные после проигрыша в рулетку. Приняв душ, они лежали в кровати при свете ночника.

- Не повезло сегодня, - мрачно сказал Пьер.

- Нельзя же всегда выигрывать, моя прелесть! Меня вот беспокоит, что Лепски начинают скучать.

- Американцы! Они все такие, не могут приспособиться к европейскому образу жизни. Осталось недолго, душенька. Двадцатого мы будем в Монтре. Туда же приедет Лу с дубль-сумкой. Как только он мне ее передаст, бери Лепски и отправляйся с ними на прогулку на катере. Лу сразу поедет в Цюрих и будет там меня ждать. Немедленно после его отъезда я заменю сумку. Когда вы вернетесь, я скажу, что

получил телеграмму о том, что моя мать ужасно больна, и поэтому нам надо срочно вернуться в Париж... Как только отделаемся от Лепски, сразу же поедem в Цюрих и там свяжемся с Радницем.

- Но сможем ли мы освободиться от Лепски? А вдруг они захотят вернуться в Париж с нами? Пьер нахмурился:

- Такое возможно. Значит, надо узнать об их планах после Монтре. Давай подкинем им идею посетить Гштаад. Это придется сделать тебе, милочка. Поговори с Кэрол и скажи ей, что они не могут уехать из Швейцарии, не побывав в Гштааде.

- Хорошо. Теперь еще одно. Если мы не появимся в Цюрихе в отеле “Эден”, Лу поймет, что мы надули их. Он этого так просто не оставит.

Пьер долго думал, затем сказал:

- Давай об этом подумаем позже. Пока у нас есть общий план. Постарайся внушить Кэрол мысль о Гштааде. Сначала надо заполнить икону, а уж потом...

Клодетта свесилась с кровати и погладила руку Пьера.

- Ненавижу спать в разных кроватях.

- Так забирайся сюда ко мне, - сказал Пьер, откидывая одеяло с простыней.

Клодетта юркнула в его постель и прижалась к нему всем телом.

Лу Бреди и Мегги Шульц вошли в вестибюль отеля “Монтре-Палас” в сопровождении носильщика с багажом. Было 11.30 восемнадцатого сентября: солнечное свежее осеннее утро. Всю дорогу от Женевы до Монтре Мегги восхищалась видом озера, горными хребтами и акрами виноградников.

Вход в отель тоже поразил ее. Носильщик показался ей сказочным принцем, а портье - каким-то неземным существом.

- Мы пробудем здесь только два дня, - сказал Бреди портье, протягивая фальшивый паспорт на имя Льюиса Шульца, который достал ему Эд Хеддон.

- Да, сэр. Вам заказан номер.

- Я хотел бы еще зарезервировать номер для своего друга. Он приедет днем двадцатого сентября. Мистер Джон Уиллис. Он остановится на несколько дней.

- Мистер Уиллис? Пожалуйста, сэр. В это время года у нас много свободных номеров. Портье сделал запись в журнал.

- Мистер и миссис Лепски тоже, по-видимому, заказали номер на двадцатое?

- Мистер и миссис Лепски? - Клерк раскрыл регистрационный журнал. - Да, есть. Вместе с ними также мистер и миссис Дювайн.

- Мистер Уиллис их старый друг. Постарайтесь, чтобы их номера были на одном этаже.

Портье кивнул:

- Все в полном порядке, сэр. У него будет номер 251. Мистер и миссис Лепски зарезервировали номер 245. Если вы уедете двадцатого утром, а мистер Уиллис приедет после обеда, вы можете занять этот же номер.

- Это было бы отлично.

Серж Хольц, сидевший в вестибюле, притворился читающим “Геральд трибюн”, но из разговора он ничего не пропустил. Он уже больше часа сидел, ожидая развития событий. Ничто не ускользнуло от его внимательного глаза. Он увидел, как швейцар принес чемоданы двух вновь прибывших. Он увидел синюю дамскую сумку, в точности такую же, как и та, что лежала запертая у него в шкафу.

Значит, это Бреди, решил он. Дядя объяснил ему, что Бреди привезет дубликат сумки и передаст его Дювайнам, которые должны будут подменить сумку Лепски. Но кто этот Джон Уиллис, о котором упомянул Бреди? Еще одно осложнение?

А в номере 251, расплатившись со швейцаром, Бреди вышел на балкон к Мегги.

- Какая роскошь! - воскликнула Мегги. - Ох, надо все осмотреть! Взгляни на этот милый пароходик! Я бы с радостью на нем прокатилась. Очаровательный городишко.

- Мегги, - спокойно сказал Бреди, - мне надо поговорить с тобой. Присядь. Мегги удивленно взглянула на него:

- Ну конечно, дорогой. Что-то случилось? Они вошли в комнату и сели на диван.

- Я приехал сюда, чтобы получить миллион долларов, - сказал Бреди, вполне сознавая, какое впечатление произведет это на Мегги.

- Миллион долларов! - воскликнула Мегги. - Да не может быть!

- Послушай, крошка. Лучше, если ты ничего не будешь знать об этом, - сказал он. - Но это так. Один миллион долларов. - Бреди улыбнулся. - Как тебе, понравится выйти замуж за миллионера?

- Ты миллионер?! Держите меня, я падаю! Это просто кино!

Бреди подавил вздох. Он подумал, как бы она отреагировала, если бы он не упомянул о миллионе.

- Я очень рад, малышка. Как только мы вернемся домой, мы поженимся. Но чтобы получить эти деньги, мне нужна твоя помощь, золотко.

- Конечно, ты только скажи, Лу. Что я должна делать?

- Послезавтра мы уедем отсюда. Мы направимся вдоль берега озера в Вильнев - недалеко отсюда. Там мы расстанемся. Ты поедешь дальше в Цюрих и остановишься в отеле "Боуро Лак". Я присоединюсь к тебе меньше чем через неделю.

- Я поеду в Цюрих!.. - Голос ее сорвался. - Но, Лу, я не могу...

- Ничего страшного, - спокойно ответил Бреди. Он достал из бумажника сложенный листок бумаги. - Вот твой маршрут. Он очень простой на плане. Стрелочками указано, как найти отель. Номер для тебя заказан. - Он придвинулся ближе к ней. - Давай вместе разберем маршрут.

Через полчаса Мегги неуверенно сказала, что она все поняла и найдет дорогу.

- Но, может быть, я могу все же остаться с тобой? - неуверенно и жалобно протянула она. - Почему я должна ехать одна?

- Если ты хочешь получить меня и миллион в придачу, то должна ехать, - резко возразил Бреди.

- А что будешь делать ты?

- Буду зарабатывать миллион. Тебе этого знать не надо. - Он вынул бумажник. - Вот туристические чеки на пятнадцать тысяч швейцарских франков. Развлекайся и жди меня.

- Это все мне?

- Да. Только смотри, чтобы у тебя осталось чем оплатить счет в отеле. О'кей? Мегги издала вопль восторга:

- Ты лучше всех на свете!

- Отлично. - Бреди кивнул. - И вот еще что... Дай мне сумку, она мне нужна. А себе ты в Цюрихе купишь другую.

Зеленые глаза Мегги распахнулись.

- О нет! Это твой первый подарок. Я от него в восторге! Я не хочу расставаться с этой сумкой.

Бреди это предвидел. Он хитро улыбнулся:

- Детка, сумка мне нужна. Мы сейчас отправимся в самый лучший часовой магазин, и я куплю тебе вместо сумки самые красивые часы: самозаводящиеся, из чистого золота.

- Из чистого золота с бриллиантами? И я смогу купить другую сумочку? Бреди улыбнулся:

- Даю слово.

Мегги вскочила на ноги. Глаза ее блестели от восторга.

- Пошли! - Она бросилась к двери, но тут же остановилась. - А потом мы сможем покататься на парходике?

- Мы даже так и сделаем, - согласился Бреди.

Они спустились на лифте и под пристальным взглядом Сержа Хольца вышли из отеля и направились в ближайший часовой магазин фирмы “Омега”.

К счастью для Бреди, Мегги было нетрудно угодить. Она получила большое удовольствие от поездки на пароходе. С радостью ребенка ходила по узким улицам города, где были расположены магазины. Если она отрывала взгляд от витрин, то лишь для того, чтобы посмотреть на свои новые часы. Бреди ходил вместе с ней, совершенно одуревший от скуки, и думал только о миллионе долларов.

Вечером они пошли в казино; выигрыш в двадцать франков чуть не свел Мегги с ума. После этого Лу повел ее в “Хэзилэнд”, где было много танцующей молодежи, и Мегги произвела фурор, что ей очень нравилось.

Вернувшись в отель, они долго занимались любовью и, наконец, крепко уснули.

На следующее утро Бреди повез ее за город. Мегги вышла из машины полюбоваться горами. Бреди, голова которого была занята только предстоящей работой, тем не менее смотрел на нее из машины и думал, что жениться на этой красавице - далеко не самая плохая мысль.

После ленча в ресторане “Лебедь” отеля “Монтре-Палас” Мегги опять захотела покататься на парходике, и на этот раз они поехали в Лозанну и вернулись в отель уже к вечеру.

Так прошел день. Мегги объявила, что она в восторге от всего. Когда она спала в его объятиях, Бреди думал о завтрашнем дне.

Должны были приехать Лепски и Дювайны. Он надеялся, что они не задержатся. Фактор времени был очень важен. Он плохо спал этой ночью.

Чтобы избежать встреч с итальянскими таможенниками и главными таможенными постами Швейцарии, Дювайн направился через Гренобль, минуя Женеву, по французскому берегу озера Леман, собираясь пересечь границу недалеко от Сен-Гингольфа.

Лепски, прожившие всю жизнь во Флориде, никогда не видели таких высоких гор. Впечатление было настолько захватывающее, что даже Лепски не мог сдержать восторга. Кэрл была в экстазе.

- Том! - то и дело восклицала она. - Посмотри сюда! Ради этого стоило сюда приехать!

Дювайн облегченно вздыхал. Наконец-то этим двоим хоть что-то понравилось.

- Да, - нехотя согласился Лепски, - пожалуй, это и правда здорово, но наши Скалистые горы ничуть не хуже.

- Лепски! Когда это ты был в Скалистых горах? Не показывай своего невежества, - ехидно заметила Кэрол.

- Ну и что, у нас есть еще Большой каньон, - не сдавался Лепски. - Это тоже чего-то стоит.

- Когда это ты видел Большой каньон?

Лепски издал звук, напоминающий осыпь гравия, и Клодетта срочно вмешалась:

- Мы приближаемся к озеру Леман, один берег принадлежит Франции, а другой - Швейцарии. Разумное решение, правда?

- Как остроумно, - сказала Кэрол. - Знаешь, Клодетта, я просто влюблена во все это.

- А когда мы будем обедать? - поинтересовался Лепски.

- Здесь неподалеку есть маленький ресторанчик, - сказал Пьер. Он давно оставил попытки соблазнить этих двоих хорошей едой. Зачем зря тратить деньги, рассуждал он сам с собой, если все, что им нужно, это чертов бифштекс.

Дювайны наслаждались мясом с кэрри, но Лепски их бифштекс показался жестким.

- Надо было привезти сюда нашу мясорубку, беби, - сказал Лепски, отчаянно жуя. - Тогда мы могли бы приготовить из этого фарш.

Кэрол велела ему помолчать.

Через полчаса они должны были подъехать к швейцарской границе, и Дювайн, зная, что это был последний барьер на пути к богатству, с трудом сдерживал свое беспокойство.

- Швейцарские пограничники известны своей грубостью, - сказал он Лепски, когда они ехали вдоль озера. - Я возьму это на себя. Я скажу, что вы известный американский полицейский офицер. Они могут попросить открыть чемоданы. Попробуем их хорошо угостить. Остановимся в ближайшей деревне, купим несколько бутылок виски и укажем их в декларации. Лепски просиял:

- Виски! Отличная идея!

В винной лавке неподалеку от границы они купили две бутылки виски и две бутылки шампанского.

- Этого достаточно; - сказал Дювайн, укладывая бутылки в багажник. Посмотрев на багаж, он заметил, что синяя сумка очень бросается в глаза, и ему пришло в голову передвинуть ее поближе к своим вещам и бросить сверху плащи - свой и Клодетты, оставив явно новые чемоданы Лепски на виду.

Вскоре они подъехали к границе, и французские таможенники пропустили их без задержек. Через несколько метров был швейцарский пост.

Два высоких пограничника, одетые в серую форму, вышли им навстречу.

- Предоставьте все мне, - сказал Дювайн, опуская стекло.

Лепски насторожился. Его чутье полицейского подсказало ему, что Дювайн неестественно напряжен, и это сильно удивило его. Почему Дювайн так усложняет простую процедуру, но он велел себе успокоиться. Дювайну виднее, у него больше опыта. Лепски передал Дювайну паспорта, и тот, присоединив к ним свои, с дружеской улыбкой вручил их пограничнику. Тот отступил назад, внимательно и долго проверял паспорта и с каменным лицом вернул их Дювайну.

- У вас есть что внести в декларацию?

- Да нет. Вот разве только две бутылки виски и две шампанского, другого ничего нет.

- Пожалуйста, откройте багажник.

- Что он говорит? - спросил Лепски, недовольный тем, что беседа велась по-французски.

- Он просит меня открыть багажник, - сказал Дювайн, выходя из машины.

- Зачем?

- Имеет право, - коротко ответил Дювайн, желая только одного: чтобы Лепски успокоился.

Пьер обошел машину и открыл багажник.

И тут, к своему ужасу, заметил, что Лепски тоже вышел из машины и подошел к ним.

- Где багаж американского джентльмена? - спросил пограничник.

- Вот те два синих чемодана.

- Пожалуйста, попросите его отнести их в таможенную.

Дювайн повернулся к Лепски:

- Они хотят осмотреть ваши чемоданы.

- Какого черта! - Лепски достал свое полицейское удостоверение и сунул его под нос пограничнику. - Скажите ему, кто я такой.

Пьер сказал:

- Этот джентльмен - высокопоставленный офицер американской полиции. Ему бы не хотелось, чтобы вы копались в его вещах.

Пограничник внимательно изучил полицейское удостоверение Лепски и служебный значок, но по выражению его лица было видно, что они не произвели на него никакого впечатления.

- Джентльмен понимает по-французски или по-немецки?

- Нет. Он же американец.

- Что он говорит? - сердито спросил Лепски, шмыгая носом и теряя терпение.

Пограничник с интересом наблюдал за Лепски. Ритуальный военный танец, исполняемый Лепски перед тем, как взорваться, был ему явно в новинку.

- Джентльмену нужно в туалет? - спросил пограничник.

- Что он говорит? - поинтересовался Лепски голосом полицейского.

- Он спрашивает, не нужно ли вам в туалет, - шепнул Дювайн. - Его озадачили ваши прыжки на месте.

Лепски сделал усилие, чтобы взять себя в руки. Он издал вопль электрической пилы, вгрызающейся в дерево. Пограничник отступил назад и с интересом уставился на Лепски.

- Лепски! Прекрати эту комедию! - закричала Кэрол, выходя из машины. - Делай то, что он тебе говорит.

Пограничник повернулся к Дювайну:

- Пожалуйста, скажите ему, что у нас есть указание - проверять вещи всех американцев.

Извините за беспокойство, но таковы инструкции.

- Понятно, - сказал Дювайн. Рубашка прилипла к его спине от пота. - Может быть, вы хотите проверить мой багаж?

- В этом нет необходимости.

- Что он говорит? - в очередной раз спросил Лепски.

Дювайн объяснил.

- Это не займет много времени. Том. Придется пройти с ними.

- Делай, что тебе говорят! - закричала Кэрол. - Почему с тобой вечно какие-то проблемы?

Лепски сжал кулаки, тихонько выругался, потом хрипло сказал:

- О'кей! Пусть эти типы роются в наших чертовых вещах. Черт с ними, мне наплевать!

Дювайн поднял два больших синих чемодана, принадлежавших Лепски.

- Только эти два? - спросил пограничник.

- Остальные мои, - подтвердил Пьер. Он передал чемоданы Лепски:

- Тащи их, Том. Все пройдет быстро. Пограничник вернул Лепски удостоверение, затем пошел вперед в сопровождении Лепски, несшего оба чемодана.

- Он забыл мою сумку! - закричала Кэрол. Дювайн чуть не стукнул ее.

- Замолчите! - грозно прошипел он. - Из-за ваших духов у нас могут быть неприятности.

- Как скажете. - Кэрол опять забралась в машину. - Как бы я хотела, чтобы с Томом было не так трудно.

- Да, нрав у него крутой, - проговорила Клодетта, выжимая из себя улыбку. - Ох уж эти швейцарцы. Как бы Том с ними опять не сцепился.

- Это он любит, - сказала Кэрол. - Не беспокойся о нем, дорогая. Ему же надо будет что-то рассказать на работе после возвращения.

Дювайн последовал за Лепски в помещение таможни. Он обнаружил его обменивающимся рукопожатием с офицером таможни, который прилично говорил по-английски.

Начальник таможни, назвавшийся Хансом Ульрихом, рассыпался в извинениях.

- Извините, мистер Лепски, - говорил он. - Это все из-за русской иконы. Таможенные посты получили указание проверять багаж у всех американцев. Так что мои люди только выполняли свой долг. Но ваш багаж, конечно, незачем проверять. Не припоминаю даже, когда американский полицейский офицер проезжал бы через наш пост. Для нас это большая честь. - Он повернулся к пограничнику:

- Отнеси чемоданы мистера Лепски обратно в машину.

Дювайн закрыл глаза и облегченно вздохнул.

Оставив Лепски, сиявшего от счастья, поговорить с Ульрихом, Дювайн пошел за пограничником, тащившим два больших чемодана, забрал их и уложил в багажник.

- Что случилось? - спросила Кэрол.

- Тома обслужили как важную персону, никаких проблем.

Дювайн сел за руль. Они с Клодеттой обменялись быстрыми взглядами. Последний барьер взят. Икона прибыла в Швейцарию.

Теперь главное - встреча с Лу Бреди и подмена сумки. После этого - Радниц.

Глава 8

Во время завтрака в номере Лу Бреди объяснял Мегги, что она должна сделать. Он сидел в кресле, а Мегги лежала в кровати, уплетая хрустящую булочку, намазанную вишневым джемом.

- Я жду, что сегодня утром сюда приедет несколько человек, - говорил Бреди. - Не знаю, когда точно, но думаю, утром. У меня к ним есть дело, и мне не хотелось бы, чтобы ты была здесь, пока я буду занят с ними. Ты меня слушаешь, беби?

Мегги потянулась за новой булочкой и стала намазывать ее маслом.

- Ты хочешь убрать меня с дороги? Так?

- Да. Но прежде всего тебе надо сложить вещи. Затем ты должна все вынуть из сумки. Она нужна мне пустой. Ты слышишь?

Мегги положила слой вишневого джема на булочку. Ее прелестные черты слегка исказились от попыток сосредоточиться.

- А что мне делать с вещами, которые я выну из сумки? Бреди вздохнул:

- Положи их в какую-нибудь другую сумку. Мегги понимающе кивнула, и ее лицо расслабилось. Она снова принялась жевать.

- Мне так нравится этот джем, - сказала она с полным ртом. - Я знаю, что не надо есть так много мучного, иначе растолстеешь.

Бреди снова вздохнул:

- Ладно, малышка, ешь, что хочешь, но только слушай, что я говорю.

- Я все поняла, мой любимый: надо все вынуть из сумки, собрать вещи и потом..., что потом?

- Как только уложишь вещи, спустишься на лифте, пройдешь туннелем к бассейну.

- Но я ведь уложу купальник - или нет? Бреди запустил пальцы в шевелюру.

- Забудь о своем купальнике. Ты не будешь купаться. Ты будешь сидеть на солнце возле бассейна и ждать, пока я не приду за тобой. Теперь поняла?

- Просто сидеть и ждать?

- Я дам тебе книгу. Новый роман Гарольда Робинса, только что вышел. Лицо Мегги просияло:

- Я обожаю его книги. Он так здорово пишет о любви и сексе!

- Хорошо. Так вот, ты сидишь у бассейна и читаешь, а я приду, как только смогу. Ясно?

Мегги наконец прожевала булочку, налила себе кофе, кивнула.

Бреди вздохнул с облегчением:

- Вот и хорошо. Сразу после делового разговора мы уедем.

Послушай, Мегги, очень важно, чтобы ты все время была у бассейна. У меня не будет времени тебя искать. Как только мы закончим разговор, я должен буду уехать. Поняла?

- Я должна сидеть у бассейна и читать книгу.

- Именно так. А теперь, если ты позавтракала, начинай собираться.

Мегги окинула взглядом пустой поднос, удивилась, что на нем больше нет булочек, вздохнула и неохотно поднялась. Было 9.15.

- Пока ты собираешься, я спущусь вниз и оплачу счет. Не забудь освободить мне сумку.

Оставив ее, Лу спустился в холл и подошел к портье. Серж Хольц был на посту: в углу, откуда была прекрасно видна конторка портье.

Будучи уверен, что портье будет недоумевать, почему он всегда сидит в холле и не выходит на улицу, Хольц позаботился объяснить портье и клерку-регистратору, что ждет важного телефонного звонка и пока не может уйти. Это объяснение удовлетворило любопытство персонала отеля.

Хольц видел, что Лу Бреди оплачивает счет. Он подошел ближе и стал рассматривать туристические проспекты, при этом прислушиваясь к разговору.

- Я вскоре уеду, - говорил Бреди клерку за конторкой. - Мистер Уиллис прибудет около двух часов. Пришлите кого-нибудь за моим багажом через полчаса.

- Будет исполнено, сэр.

Бреди вышел из отеля и быстро направился в книжный магазин на той же улице. Там он купил новый роман Робинса и вернулся в свой номер. Мегги уже приняла душ и теперь лениво одевалась.

- Поторопись, цыпленок, - резко сказал Бреди, - через полчаса придут за багажом.

От этого заявления Мегги немедленно ударилась в панику и начала бросать в чемодан все, что попадалось ей под руку.

- Не надо эти чертовы полотенца! - закричал Бреди. - Ох, ради Бога, одевайся. Я сам все сделаю.

К тому времени, как швейцар постучал в дверь, Бреди успел все вынуть из сумки и упаковать вещи. Мегги уже была одета. Он велел швейцару нести чемоданы к машине.

- А теперь, киска, - твердо сказал Лу Бреди, - бери свою книгу, отправляйся к бассейну и жди. Хорошо?

Мегги кивнула:

- Ты ведь придешь за мной, дорогой? И мы правда поженимся?

- Только жди там, - сказал Бреди, терпение которого почти истощилось. - Я приду за тобой, и мы поженимся.

Когда, поцеловав его, она ушла, Бреди написал записку, положил ее в конверт и адресовал мистеру Пьеру Дювайну, после чего отнес записку портье.

- Передайте, пожалуйста, это мистеру Дювайну, когда он приедет.

- Конечно, сэр.

Под наблюдением Сержа Хольца Бреди вернулся в свой номер, вынес стул на балкон и там устроился так, чтобы можно было видеть всех прибывающих в отель.

В номер вошли две горничные. Бреди велел им делать свое дело, объяснив, что он ждет друзей. Они застелили постель и прибрали в ванной перед приездом мистера Джона Уиллиса.

В 11.15 Бреди увидел, как приехали Дювайны и Лепски. Он вошел в комнату, закурил и стал ходить взад и вперед. В записке он сообщал Дювайну, в каком он номере, и просил прийти к нему как можно скорее.

Серж Хольц видел, как вошли Дювайны и Лепски, как носильщик вкатил на тележке четыре чемодана и синюю дамскую сумку. Он видел, как Дювайны и Лепски в сопровождении клерка вошли в лифт, и кивнул своим мыслям. Очень скоро это тоскливое ожидание кончится и надо будет действовать.

У дверей Дювайн сказал:

- Давайте встретимся в холле через полчаса. Побродим по городу.

- Отлично, - отозвался Том. - Интересно, как здесь кормят.

- Голодать не придется, - сказал Дювайн, увлекая Клодетту в номер и закрывая дверь. - Здесь Бреди. Он хочет немедленно со мной встретиться. Его номер рядом.

- Будь осторожен, милый, - взволнованно сказала Клодетта. - Лу очень хитер. Пьер поцеловал ее:

- Я тоже не промах. Скоро вернусь. Бреди продолжал расхаживать по комнате, когда раздался стук в дверь. Он подошел к двери и открыл ее.

- Пьер! - воскликнул он. - Рад тебя видеть! - Он схватил гостя за руку и втащил в комнату. - Ты выглядишь прекрасно.

Не оставаясь в долгу, Пьер стиснул руку Бреди и воскликнул:

- А ты ничуть не постарел! Бог ты мой! Рад тебя видеть снова.

- Говори скорее, - потребовал Бреди, все еще держа руку Дювайна. - Не тяни. Как дела? Есть проблемы?

- Никаких, если не считать, что от этого Лепски мы на стену лезем.

- Как таможни?

- Все прошло как по маслу. Бреди засиял:

- Я знал, что на тебя можно положиться. Теперь осталась только замена.

- Да. - Дювайн поморщился. - Нужна ловкость. Но ничего, все будет в порядке. Дубликат у тебя?

- Конечно. - Бреди достал сумку. - Вот, пустая. У тебя уйдет всего несколько минут, чтобы переложить барахло миссис Лепски, а потом сразу направляйся в отель "Эден" в Цюрихе, где я буду тебя ждать с двадцатью тысячами швейцарских франков.

Дювайн довольно потер руки:

- Отлично.

- Как ты собираешься избавиться от Лепски?

- Я им скажу, что у меня заболела мать и мы должны вернуться в Париж. Об этом не беспокойся. Как же мы будем счастливы больше их не видеть!

- Хорошо... А теперь я должен идти. - Бреди изобразил фальшивую улыбку до ушей. - Ты прекрасно поработал, и я буду настаивать, чтобы Эд добавил тебе еще десять тысяч франков.

- Ну, спасибо, Лу! Это было бы грандиозно.

Двое жуликов пожали друг другу руки.

- До встречи в Цюрихе..., через пару дней? - Как только выберу момент и произведу замену, сразу же - к тебе. Все зависит от Лепски. Они прямо прилипли к нам. Думаю, что понадобится дня два-три. Я позвоню тебе в "Эден".

- Отлично. Счастливо тебе, Пьер.

Бреди с широкой дружеской улыбкой вышел и спустился на лифте к Мегги. Дювайн взял сумку, проверяя, что в коридоре никого нет. Когда Клодетта увидела сумку, ее лицо засветилось.

- Все в порядке, родной?

- Никаких проблем. Он даже пообещал еще десять тысяч. - Дювайн счастливо хихикнул. - Ему и в голову не приходит мысль, что мы можем его надуть. Представь себе! Жалкие тридцать тысяч франков, когда мы можем заполучить четыре миллиона!

Клодетта бросилась в его объятия, и они в вальсе закружились по комнате.

Бреди нашел Мегги в шезлонге, погруженную в чтение романа Робинса.

- Собирайся, цыпленок, мы отправляемся.

Мегги отключилась от всего и только хлопала глазами над книгой. Бреди вырвал у нее из рук роман:

- Пошли! Она заморгала:

- О, Лу, дай мне дочитать. Он затащил ее в постель...

- Не важно, пора ехать!

Они направились к машине.

По дороге он снова начал ее инструктировать, как добраться до Цюриха, как найти отель, и обещал приехать как можно скорее.

Когда они приехали в Вильнев, Мегги даже немного всплакнула, прощаясь, но быстро успокоилась, вспомнив о новых часах, о деньгах, которые он ей дал, о недочитанном романе. Наконец, после того как

Бреди десяток раз повторил, что приедет за ней не позднее чем через неделю, Мегги выехала на автостраду, ведущую в Цюрих.

Бреди заранее договорился взять напрокат в местном гараже машину “фольксваген-гольф”. Сейчас он забрал ее, отправился в общественный плавательный бассейн и снял кабинку. Бассейн был полон молодежи, и на него никто не обращал внимания. Бреди занес свой чемоданчик в кабинку, запер дверь и начал превращаться в морщинистого, тщательно одетого старика, которого можно было принять за отошедшего от дел банкира или адвоката.

В половине второго он вернулся в “Монтре-Палас” и записался как мистер Джон Уиллис.

Серж Хольц, все еще сидевший в вестибюле, был бы совершенно одурачен блестящим перевоплощением Бреди, если бы тот не допустил ошибки: он вернулся с тем же чемоданом, который был у него, когда он записывался под именем Льюиса Шульца. Хольц, привыкший замечать малейшие детали, сразу же узнал чемодан, как только швейцар понес его к лифту. Тут он вспомнил, что дядя говорил о необыкновенной способности Бреди к переодеванию, и самодовольно ухмыльнулся. Теперь в любой момент может понадобиться действовать. Он видел, как Дювайны и Лепски вышли из отеля, и поэтому направился в бар чего-нибудь перекусить.

В своем номере Бреди достал револьвер “смит-и-вессон” 38-го калибра. Следуя инструкции Хеддона, он еще в Женеве отправился по данному ему адресу.

Высокий полный мужчина лет тридцати с небольшим с радостью продал ему револьвер, как только Лу упомянул имя Хеддона. Бреди не любил никакого оружия и отвергал любые формы насилия. Он подчеркнул, что револьвер должен быть незаряжен, и проследил, чтобы человек вынул из барабана все патроны. Удовлетворившись тем, что из револьвера нельзя убить, он сунул оружие в карман и расплатился.

Теперь он уселся на кровать и недовольно рассматривал револьвер. Он надеялся, что ему не придется угрожать Дювайну, и не был уверен, что сумеет сделать это убедительно. Дювайн вел себя так дружелюбно. Трудно было поверить, что он собирается надуть их. Хеддон, видимо, слишком подозрителен. Однако Бреди решил, что не должен давать Дювайну ни одного шанса. Миллион долларов есть миллион долларов. Потом он подумал о Мегги. Пожалуй, было опрометчиво с его стороны обещать жениться на ней. Бреди вздохнул. Он не мог себе представить, как будет жить с ней долгие годы. Мегги относилась к тому типу женщин, чья красота рано увядает. Что ж, с этим можно будет

подождать. Сначала надо получить икону. Он спрятал револьвер обратно в чемодан и отправился обедать.

Лепски Монтре не понравился. Вид на озеро и пароходики на нем были, конечно, хороши, но сам город был скучен, как Джордж Вашингтон. Кэрол тоже была несколько разочарована, но ей понравился часовой магазин.

Терпение Дювайн было на пределе. Они обменивались взглядами, подбадривая друг друга в надежде, что это скоро кончится.

- Как насчет того, чтобы поесть? - задал свой традиционный вопрос Том. - Интересно, какие у них здесь бифштексы.

- Никогда не ешьте здесь бифштексов. Они никуда не годятся, - ответил Пьер. - Лучше отправиться в пиццерию. Будет хоть какое-то разнообразие. - Теперь Пьер решил никогда не предлагать Лепски никакой изысканной еды. И хотя он знал, что клеветает на швейцарцев, говоря, что их бифштексы никуда не годятся, он просто не мог вынести вида того, как Лепски с ворчанием доедает еще один бифштекс. Но к его удивлению, Том и Кэрол с удовольствием съели большую пиццу.

- Вот это я понимаю - еда! - возвестил Том, сияя. - Как дома!

Зная, что Клодетта уже заронила в душу Лепски идею поехать в Гштаад, Дювайн решил, что пора выводить на сцену свою мать.

- Я очень боюсь за здоровье своей матери. Когда мы уезжали из Парижа, она себя плохо чувствовала. Я звонил домой из Монако, и мне сказали, что старушка слегла.

- Да, это печально, - вставил Лепски озабоченно. - Моя мать умерла четыре года назад, и я до сих пор тоскую по ней.

- Может быть, и обойдется. Сегодня вечером позвоню опять, но, если ей не лучше, нам с Клодеттой придется вернуться.

- Ну конечно, - промолвила Кэрол. - Нам очень жаль. Дювайн улыбнулся:

- Может быть, ей уже лучше. Даже если нам и придется вернуться домой, для вас это ничего не меняет. Вы должны поехать в Гштаад. Вам там понравится.

- Вы все время были так любезны, - воскликнула Кэрол. - Если вам надо вернуться, то почему не поехать всем вместе? В конце концов, в Париже больше развлечений, чем в Швейцарии.

Дювайн улыбнулся:

- Вы так говорите, потому что не знаете Гштаада. Это действительно райский уголок. Там, кстати, находится вилла Лиз Тейлор, а уж она не

стала бы жить в месте, которое не стоит того. Вы хотите ночной жизни? Пожалуйста! Стриптиз, шикарные девочки, десятки ночных клубов. Бифштексы? Туда на самолете доставляют каждый день настоящие бифштексы из Японии, из Кобэ, толстые, сочные, самые лучшие в мире! А какие там горы, снег, катание на санях, запряженных лошадьми! А магазины! Вы таких никогда не видели!

Клодетта, которая бывала в Гштааде и знала его как самую скучную дыру, надеялась, что Бог простит ее мужа за такую отчаянную ложь: она понимала, что им надо во что бы то ни стало избавиться от Лепски.

А Том слушал с сияющими глазами:

- Стриптиз! Шикарные красотки!

- Сам подумай, жила бы там Лиз Тейлор, если бы это не было великолепным местечком? - Дювайн умоляюще посмотрел на Клодетту.

- Вам обязательно надо поехать туда, - сказала та твердо. - Мы будем очень расстроены, если из-за нас вы не попадете в Гштаад.

- О'кей! Тогда мы поедem туда. Но нам без вас будет тоскливо.

- Мы тоже будем скучать без вас, - солгал Дювайн и сделал знак кельнеру принести счет. - Но, может быть, все будет в порядке. Может быть, сегодня к вечеру от матери будут хорошие вести. А как бы мне самому хотелось поехать в Гштаад! А сейчас я отвезу вас в Веве, посмотрите на знаменитых лебедей. Там можно сделать великолепные снимки, а вечером покататься на пароходе. Там музыка и танцы и можно поужинать на борту. Вам понравится.

Они отправились в Веве, и Кэрол захватила пару рулончиков фото пленки, чтобы снимать лебедей. Лепски же с трудом сдерживал нетерпение. Он полагал, что, если ты видел одного чертова лебедя, этого вполне достаточно. Вид стаи довольно грязных лебедей несколько не вдохновил его.

Вернувшись в "Монтре-Палас", обе пары условились встретиться в баре в восемь часов и отправиться на пристань. Они не обратили никакого внимания на сморщенного старика, сидевшего в вестибюле и наблюдавшего за ними, когда они вышли из лифта.

В номере Пьер сказал Клодетте:

- Я больше не могу этого выносить. Они меня с ума сведут. Сегодня вечером надо обменять сумку - и конец! Мы сделаем так: в баре я скажу, что получил телеграмму от брата о здоровье матери. Он должен позвонить сюда в 21.30, поэтому я буду ждать звонка, а ты с Лепски поедешь на пароходе. Вы вернетесь часов в одиннадцать, я вас встречу

в вестибюле и скажу, что надо тотчас же уезжать, потому что моя мать при смерти. Сейчас мы все упакуем, и, как только вы уедете, я поменяю сумки и сложу все в “мерседес”. Лепски я скажу, что нам будет быстрее ехать в Париж на машине, потому что над Женевой туман. Я скажу, что попросил портье взять им напрокат машину у Херца, чтобы ехать в Гштаад.

- А ты не допускаешь мысли, что они захотят ехать с нами? - выразила сомнение Клодетта.

- Не думаю, после всего того, что я им наплел о Гштааде. Ты не заметила разве, какие глаза были у Тома, когда я говорил о стриптизе?

Клодетта сдавленно хихикнула:

- Представляю, какой удар его там ожидает.

- Чтобы все было наверняка, я даже скажу, что забронировал им номер в отеле “Гштаад-Палас”.

- Но, дорогой, отель открывается не раньше декабря.

- Они узнают об этом уже без нас. Давай, птичка, укладывай-ка вещи.

В восемь часов вечера Дювайны вошли в бар с озабоченными лицами. Лепски были уже там. Перед Томом стоял стакан с двойным виски, а Кэрол пробовала сухой мартини. Увидев выражение лиц Дювайнов, Лепски сразу спросил:

- Несчастье?

Дювайн подал стул Клодетте и сел сам.

- Надеюсь, что нет. Я получил телеграмму от брата. Он сказал, что матери хуже. Он позвонит вечером, надо ли мне выезжать.

- Как жаль! - сокрушаясь, воскликнула Кэрол.

Лепски подозвал бармена.

- Может быть, все еще обойдется. Что вы будете пить?

- Мне виски, а Клодетте мартини, - ответил Дювайн.

Когда официант принес напитки, он вздохнул:

- Мне придется остаться здесь, Том, но вы втроем поезжайте кататься на пароходе. К вашему приезду, возможно, у меня будут хорошие новости.

- Нет, нет! - воскликнула Кэрол. - Мы не можем поехать - вы будете сидеть здесь и нервничать.

- Она права, - поддержал жену Лепски. - Давайте останемся и подождем, а поужинать мы и в отеле сможем.

На какой-то момент Пьер был в замешательстве, но потом пришел в себя.

- В этом нет никакой необходимости. Том, благодарю за сочувствие. Вы настоящие друзья, но прошу вас, окажите мне услугу. Клодетта еще

никогда не каталась на пароходе ночью. Она так предвкушала эту прогулку! - Он не смотрел на Клодетту, которая изо всех сил старалась не удивляться. - Том, вы поедете с девочками? Кэрол тоже получит удовольствие. Нет никакого смысла всем сидеть здесь. Будьте так добры, развлеките Клодетту.

При такой постановке вопроса Том уже не мог отказаться.

- Ну конечно, можете на меня положиться. Я доставлю девочкам удовольствие.

Зная по собственному опыту, что такое вечернее катание на пароходе в Швейцарии: звуки аккордеона и скрипки, которые нравились только швейцарцам; пожилые толстяки и толстухи, прогуливающиеся с важным видом; свиные котлеты на ужин, - Дювайн сомневался, что они получают удовольствие. Он надеялся только, что Клодетта сможет притвориться довольной.

- Спасибо, - сказал Дювайн и посмотрел на часы. - Пароход отходит в девять. Так что вам лучше поторопиться.

Быстро допив виски, Лепски встал:

- Ну что ж, девочки, пошли.

Сморщенный старикашка, читавший газету и понемногу тянувший виски, заметил, что вся компания покидает бар. Он поднялся и направился в вестибюль, когда Лепски вел Кэрол и Клодетту к дверям.

Старичок вошел в лифт вместе с Дювайном, и, выйдя первым, направился вдоль по коридору.

В своем номере Дювайн немного подождал, затем осторожно выглянул в пустой коридор.

Лу Бреди чуть приоткрыл дверь, так, что ему были хорошо видны апартаменты Лепски, и приготовился ждать. Однако ждать пришлось недолго. Дювайн с сумкой бесшумно прокрался к номеру Лепски. На мгновение он остановился, манипулируя с замком, потом открыл дверь и проник в номер.

Бреди с дрожью нащупал в кармане свой револьвер. Он напряженно ждал. Проходили минуты. Он понимал, что Дювайну нужно время, чтобы переложить все вещи из одной сумки в другую. Он знал, что Дювайн работает быстро и ловко, но все же нервничал и потел. Затем он услышал голоса и увидел, как молодая пара вышла из номера напротив. Они были явно влюблены друг в друга. Когда они дошли до двери его номера, он отступил назад, закрыв свою дверь, затем открыл ее снова, в тот момент, когда они остановились напротив двери Лепски,

чтобы поцеловаться. И в это время в коридор вышел Дювайн, неся в руке сумку Кэрл.

Молодая пара разжала объятия, они хихикнули и заторопились по коридору. Дювайн подождал минутку, чтобы запереть дверь номера Лепски, и быстро направился к своей двери. Бреди вышел в коридор.

- Сэр! - воскликнул он. - Извините меня! Дювайн остановился и посмотрел на старичка. Лицо его нахмурилось.

- Да?

Бреди подошел к нему:

- Одну минутку, сэр.

- Извините, я тороплюсь.

Бреди уже поравнялся с Дювайном.

- Ты все отлично проделал, Пьер, - сказал он. - Я знал, что могу полностью положиться на тебя.

Дювайн почувствовал, как кровь застучала у него в висках. Он отступил в свой номер, теснимый Бреди.

- Это ты, Лу?! - с трудом выговорил он.

- Конечно, - усмехнулся Бреди. - Я передумал, Пьер. Я сам отвезу сумку в Цюрих. - Он закрыл дверь. - Нет смысла тебе ехать в Цюрих. Эд считает, что так будет лучше.

Все еще держа сумку, Пьер был так потрясен, что тут же опустился на стул.

- Я разговаривал с Эдом, - продолжал Бреди. - Он согласен со мной, что ты отлично поработал. Я могу заплатить тебе тридцать тысяч франков. Деньги у меня с собой.

Дювайн начал быстро перебирать в уме варианты. Первой его реакцией было сбить Бреди с ног, запереть его в номере и убежать. Но он не мог оставить Клодетту, а та должна была вернуться только часа через два-три. Нет, сказал он себе, в такой обстановке надо действовать более дипломатично.

- Какой потрясающий грим, - проговорил он. - Присядь-ка на минуту. Давай поговорим.

Бреди поколебался, но потом сел, подальше от Дювайна.

- О чем говорить, Пьер? Уже поздно. Я хочу сегодня уехать в Цюрих. Меня ждет Эд.

- Но я знаю, что здесь, - похлопал Пьер рукой по сумке. - Икона Екатерины Второй.

Бреди кивнул. Он сунул вспотевшую руку в карман и нащупал револьвер. Но это не дало ему никакой уверенности в себе.

- Икона стоит по меньшей мере миллионов десять, - сказал Дювайн, пристально наблюдая за Бреди.

- Возможно, если найти покупателя, - осторожно согласился Бреди.
- Эд не стал бы браться за это дело, если бы у него не было клиента.

А я знаю покупателя.., это Радниц.

Бреди вздрогнул. Да, Эд был прав. Их собирались надуть. Он окинул оценивающим взглядом плотную фигуру Дювайна. Один его удар кулаком, подумал Бреди весь в поту, может стать роковым.

- Не спеши с выводами, Пьер. Что бы ни находилось в сумке, это не твое дело. Тебя наняли украсть сумку. Ты с этим отлично справился. Мы тебе хорошо платим за работу. Так что не о чем больше говорить. Отдавай сумку и получи свои тридцать тысяч. Это больше, чем было условленно.

Дювайн покачал головой. Он видел, что Бреди напуган, и напряг свои могучие мускулы.

- Нет, нам есть о чем поговорить, Лу. Давай будем реалистами.

- Я не понимаю тебя. - Рот Бреди скривила усмешка. - Мы с тобой прекрасно работали все эти годы. У тебя впереди много выгодных дел, если ты и дальше будешь работать с нами. О чем ты говоришь теперь?

- Обожди, Лу! Выслушай мое предложение. - Дювайн скорчил свирепую мину, что заставило Бреди вжаться в кресло. - Давай выкинем Хеддона из этой игры и прибыль разделим пополам. Каждый получит три или четыре миллиона. Что ты на это скажешь?

- Что я на это скажу? - Голос Бреди приобрел металлический оттенок. - Я не верю, что это говоришь ты, Пьер. Я удивлен и потрясен. Я не обманываю своих друзей, Эд мой друг. Я и тебя считал своим другом. Давай мне сумку, бери деньги, и забудем этот разговор.

Дювайн посмотрел на него и покачал головой:

- Нет. Либо ты принимаешь мои условия, либо не получишь ничего. Все будет моим. Я уже вошел в контакт с Радницем, и он покупает икону у меня. Он не считает ни тебя, ни кого-либо другого своим другом. Ты ничего не сможешь изменить, Лу. Итак, ты со мной или нет?

Бреди подумал, что Хеддон предвидел такой оборот. У него нюх на разные ситуации, и он всегда начеку.

Он покачал головой:

- Ты не все продумал, Пьер. Радниц не будет иметь с тобой дела. Он даже со мной не станет иметь дела. У нас контакт с его агентом, а ты его не знаешь. И вообще, хватит болтать чепуху. И учти еще, что Хеддон может сделать твою жизнь невыносимой. Я даю тебе слово, что ничего не скажу ему о нашем разговоре. Отдавай сумку, получи деньги, и будем продолжать работать и дальше.

Видно было, что Дювайн колеблется. Но потом он подумал о том, что можно сделать, имея пять миллионов. Он подумал также о Клодетте, которая так верила в него.

- Нет! Ты не воспользовался своим шансом. Я оставлю у себя сумку, и теперь ты уже ничего не сможешь сделать.

Бреди долго сидел неподвижно, сжимая в кармане револьвер. Положение становилось безвыходным. Допустим, он станет угрожать Дювайну незаряженным оружием. Не набросится ли тот на него? Собрав все свое мужество, он сказал:

- Раз так, то вот. - И он, выхватив из кармана револьвер, направил его на Дювайна. - Мне очень жаль, Пьер, но ты сам запросился.

Дювайн уставился на револьвер, чувствуя холод в спине. Он, как и Бреди, испытывал ужас перед насилием. До сих пор никто не угрожал ему револьвером, и вид этого маленького черного предмета, несущего в себе угрозу, в руке Бреди заставил Пьера побледнеть и задрожать. Он сразу потерял всю уверенность в себе.

- Ты.., ты не посмеешь выстрелить, - прошептал он, задыхаясь.

Бреди был поражен тем, что нашелся еще больший трус, чем он сам. Им овладел прилив храбрости. Он наклонился вперед, размахивая револьвером перед лицом Дювайна и рыча:

- Я тебя не убью, а изуродую. Если ты немедленно не отдашь сумку, я прострелю тебе коленную чашечку!

Дювайн весь затрясся. Дрожащей рукой он положил сумку на пол и подтолкнул ее ногой к Бреди.

- Опустит револьвер, - простонал он, - он может нечаянно выстрелить.

Бреди схватил сумку, выпрямился и направился к двери.

- Ты дурак, Пьер. Ты никогда больше не получишь от нас работы, и помни, что Эд не прощает предательства.

Он открыл дверь, вышел в коридор и быстро направился к своему номеру. Через десять минут Бреди уже мчался в Цюрих. Сумка Кэрл лежала рядом на сиденье.

Пароход “Швейцария”, иллюминированный разноцветными огнями, подходил к пристани Монтре. С его палубы доносились звуки скрипки и аккордеона.

Пьер Дювайн наблюдал за его приближением. Он ждал уже час и постепенно приходил в себя от сокрушительного удара, нанесенного ему Лу Бреди. Он чувствовал себя совершенно деморализованным. Пропали не только миллионы, но и деньги, которые он должен был

получить от Бреди за работу. Он был словно в лихорадке. Дювайн понимал, что у него нет будущего в жульнических операциях с антиквариатом. Хеддону достаточно произнести слово, и никто с Дювайном не станет иметь дела. Магазин в Довиле без новых поступлений украденных вещей долго не продержится. Его везение кончилось. Он рисковал, чтобы получить три миллиона., и проиграл. Теперь еле-еле хватит денег, чтобы купить бензин на обратную дорогу в Париж. А в Париже ждут неоплаченные счета и нужно платить за квартиру. Что ж, сказал он себе, придется опять приняться за карманные кражи. Сезон в Париже только начинался. Город наполнялся богатыми туристами с разбухшими бумажниками. Дювайн боялся рисковать, но у него сейчас не было другого выхода.

Он подумал о Клодетте. Она была его единственным утешением. Она без жалоб примет неизбежное. Она поймет, что он не мог ничего сделать под дулом револьвера. Он почувствовал, как все его существо заполняет любовь к ней. Какое счастье, что у него есть Клодетта!

Пароход уже остановился, и пассажиры начали спускаться по трапу. Дювайн увидел Клодетту и Лепски и помахал им рукой.

Лепски был очень рад, что все кончилось. Для него эта вечерняя прогулка была самой большой скучищей из всего, что ему довелось испытать. Звуки скрипки и аккордеона действовали ему на нервы. Радостно танцующие пожилые пары заставляли его фыркать так, словно кто-то пытался завести машину с севшим аккумулятором. От пережевывания свиной отбивной у него болели челюсти. Кэрол, видя восторг Клодетты, старалась сдерживаться сама и сдерживала Тома, но и она мечтала, чтобы эта поездка закончилась. Клодетта, сияя улыбкой, думала о том, все ли благополучно у Пьера. Она чувствовала себя полной развалиной после того, как весь вечер заставляла себя быть веселой, чтобы развлечь Лепски. Она надеялась только, что ей больше никогда не придется повторить этот опыт. Но одного взгляда на лицо мужа было достаточно, чтобы понять: они потерпели фиаско.

- Пьер! - Она подбежала к нему.

- Мы тотчас же должны уехать. Мама умирает. - Дювайн повернулся к Лепски:

- Мне очень жаль, но я знаю - вы меня поймете. Мы должны ехать в Париж. Женевский аэропорт закрыт из-за тумана. Мы не можем терять времени. Дорогие друзья, пожалуйста, извините нас и не задерживайте. Мы должны были выехать уже час назад. Я заказал вам номер в Гштааде. Портье поможет вам арендовать машину и объяснит, как добраться туда. - Он повернулся к Кэрол:

- Мы вам сразу напишем, как только прибудем в Париж. Было очень приятно с вами познакомиться.

В то время как Том и Кэрол выражали ему свое глубокое сочувствие, Пьер сказал Клодетте, чтобы она садилась в машину.

Удивленные столь крутым поворотом событий, Лепски успели только помахать рукой друзьям на прощанье.

По пути Пьер рассказал жене, что произошло между ним и Бреди.

- Не знаю, что мы теперь будем делать, - сказал он в отчаянии. - У нас почти нет денег. Подумать только, что у этого дьявола Бреди оказался револьвер.

Клодетта погладила его руку:

- Пока мы вместе, милый, нам не надо бояться трудностей.

Большого утешения для Пьера нельзя было придумать.

Лепски смотрел на задние огни удалявшейся машины, потом повернулся к Кэрол:

- Господи Боже! Не слишком ли все это быстро?

- У бедняги мать умирает, - расстроено сказала Кэрол. - Чего ты хочешь. Том.

- Да, ты права. Какой жуткий вечер! Эта дурацкая поездка! Эта музыка! Эта еда!

- Ты вечно ворчишь, - отрезала Кэрол. - Так принято в Швейцарии. Ты должен быть доволен, что узнал, как живут другие народы.

Лепски заурчал, как трактор. Пожилая пара, проходившая мимо, остановилась и оглянулась на него.

- Лепски! - оборвала его Кэрол. - Ты делаешь из себя посмешище!

Лепски глянул на пожилую пару и вошел в отель.

- Ты бы лучше договорился о машине на завтра, - заметила ему Кэрол.

Лепски что-то проворчал и подошел к стойке портье.

- Мне завтра утром будет нужна машина, - сказал он. - У моих друзей несчастье, и они уехали на машине, которая была нами взята сообща. Как жаль, что закрыт аэропорт. Портье удивленно поднял брови:

- Женевский аэропорт открыт, сэр. Там нет тумана.

Лепски насторожился:

- Это точно?

- Конечно, сэр. Какую бы машину вы хотели взять напрокат?

- Обождите минутку, - сказал Лепски. - Мы собирались поехать в Гштаад. Для нас заказаны номера в "Гштаад-Паласе"?

- Но он еще не открыт, сэр. Сезон в Гштааде начинается только первого декабря.

Лепски ослабил петлю галстука. Это всегда было признаком надвигающейся бури.

- А скажите, друг мой, действительно ли Гштаад знаменит бифштексами, доставляемыми туда из Японии?

- Нет, сэр! Ничего такого Швейцария не импортирует.

Лепски еще сильнее дернул галстук.

- А устраивают ли там теперь знаменитые стриптиз-шоу с кучей шикарных девушек?

- Может быть, и да, в разгар сезона. Где-то к Рождеству. Подошла Кэрол.

- Похоже, что мы не поедem в Гштаад, - проговорил Лепски сквозь зубы.

- Почему? - нетерпеливо воскликнула Кэрол.

- Спокойно! - рявкнул Лепски. - Я чую что-то недоброе. - Он опять подошел к столику портье. - Мы завтра уезжаем. Можно получить счет?

- Мистер Лепски? Номер 245?

- Да.

Портье вытащил подробный список.

- Само собой, сэр, - сказал он с улыбкой. - Ваш счет включает также счет мистера и миссис Дювайн. Мистер Дювайн очень торопился, он сказал, что у него умирает мать и что вы оплатите счет. - Он вопросительно взглянул на Лепски, лицо которого одеревенело.

- Ладно, - наконец произнес Лепски, - разрешите, я взгляну на это. - И, взяв счет, он направился к Кэрол. - Мне надо глотнуть чего-нибудь.

- Уж не думаешь ли ты...

- Замолчи! - оборвал ее Лепски, и Кэрол, увидев признаки надвигающейся опасности, пошла за мужем в бар, где как раз никого не было.

Подошел бармен, - Тройное виски со льдом, - сказал Лепски. - Тебе что-нибудь заказать?

- Нет! Ты слишком много пьешь. В чем дело? У тебя такой вид, как в фильме ужасов. Говори...

Лепски помолчал. Он подождал, когда бармен принесет напитки, отхлебнул сразу половину и лишь потом взглянул на Кэрол.

- Твоя старая колдунья Бесингер оказалась права. Она нас предостерегала от опасных людей. Я всегда говорил, что Дювайн жулик, но ты не слушала меня.

- Не начинай все сначала. О чем ты говоришь?

- Нас купили, - сказал Лепски. - Я готов поспорить на последний доллар, что у этого сукина сына никогда вообще не было матери.

- Лепски, что ты несешь!

- Это старый как мир трюк. И мы на это купились. Вот теперь и получи счет из отеля, да еще все, что они тут пили и жрали.., да вот еще парочка покупок, которые Дювайн сделал в отеле для своей сучки жены! - рычал Лепски. - Но это еще не все.

Он поспешно отхлебнул большой глоток виски и продолжал убеждать Кэрол, что сезон в Гштааде еще не начался, что отели там закрыты, нет никаких отбивных из Кобэ, никаких девушек, вообще ничего.

- Не может быть! - закричала Кэрол, но затем, взглянув на пылающее лицо мужа, который вновь и вновь рассматривал счет отеля, поняла наконец, что все это правда.

- Мы сейчас же обо всем сообщим в полицию, - яростно прошипела она. - Никто не смеет с нами так поступать. Никто!

- Ничего подобного мы не сделаем, - спокойно и твердо возразил Лепски. - Если кто-нибудь узнает, что американского полицейского офицера провел какой-то проклятый хлыщ, я этого не переживу. Парни у нас в управлении от смеха полопаются. Я уже сейчас вижу их злорадные физиономии. Я тебя обо всем предупреждал, но разве ты слушаешь! Знай твердила:

"Это мои деньги". - Он бросил ей счет на колени. - Пусть это послужит тебе уроком, а впредь никому не доверяй.

Кэрол посмотрела на сумму и так вскрикнула, что даже бармен оглянулся на нее:

- Ой, Том!

- Мой старик всегда говорил, что за опыт надо платить. А на будущее: слушай, что я говорю.

Кэрол удрученно кивнула.

- А теперь я у тебя кое-что спрошу, - продолжал Лепски. - Ты действительно получила удовольствие от поездки?

Кэрол колебалась:

- Да нет, пожалуй, она меня немного разочаровала. Но ведь так всегда бывает.

- Вот именно. Завтра отправляемся домой. Хватит с меня Европы. Было бы лучше, если бы мы все деньги положили в банк. Сколько у тебя осталось?

Кэрол состроила гримасу:

- Меньше пяти тысяч. Лепски потрепал ее по руке:

- Как раз, чтобы погасить долги. - Он допил виски, потом вдруг напрягся. - Боже мой! Я совсем забыл о наших соседях. Ты должна им сказать, что мы отлично провели время. Я скажу то же самое на работе своим. Твои друзья позеленеют от зависти. Расскажи им о той утке, покажи фотографии с лебедями, горами, Эйфелевой башней. Никому, я повторяю, никому и в голову не должно прийти, что мы плохо провели время. Ясно?

Кэрол просияла. Она представила себе восторженные возгласы подруг, снedaемых завистью. Только ради того, чтобы на несколько месяцев оказаться в центре внимания, стоило терпеть эту поездку.

Она встала, вложила руку в руку Лепски и улыбнулась ему многообещающей улыбкой.

- А не пойти ли нам в постель, дорогой?

Хорошо зная, что означает эта улыбка, Том не заставил себя ждать.

Лу Бреди остановил машину возле отеля “Эден” в Цюрихе, взял свой чемоданчик и вошел в отель. Было 1.15 ночи. Ночной портье вопросительно глянул на него:

- Вам нужен номер, мистер?

- Только на одну ночь, - сказал Бреди. - Здесь остановился мистер Кендрик?

- Да, сэр. Он ожидает вас в баре. Бреди открыл чемодан и взял оттуда синюю дамскую сумочку.

- Отнесите мой багаж в номер. А это я возьму с собой. Подарок дочери мистера Кендрика.

- Как скажете, сэр.

С сумочкой в руке Бреди вошел в полутемный бар. Он ликовал. Какой умник Хеддон! А Дювайн! Но он, Лу, перехитрил мерзавца и выполнил свою задачу. Через пару дней у него будет миллион долларов!

Бар был пуст в это позднее время, только Кендрик в одиночестве сидел за столиком. В серебряном ведерке со льдом стояла бутылка шампанского. Кендрик нетерпеливо глянул на гостя и, увидев сморщенного старика, состроил гримасу. Но тут взгляд его остановился на синей сумочке, и антиквар вскочил на ноги:

- Лу, дорогой мой мальчик! Никак не привыкну к твоим шуточкам! Неужели это ты?

- А кто же еще. - Бреди счастливо засмеялся. - Полный успех!

- Мой дорогой! - с пылом воскликнул Кендрик. - Только ты способен сделать такое! Это просто фантастика!

- Когда мне что-то поручают, я это делаю. - Бреди положил сумочку на стол, налил шампанского в бокал Кендрика и залпом выпил. - Но все едва не сорвалось.

- Неужели? Что случилось?

- Ничего страшного. Мне удалось уладить это дело. Дювайн хотел нас надуть.

- Какой мерзавец!

- Пришлось крупно с ним поговорить. Больше мы не будем иметь с Дювайном никаких дел. Пойдем к тебе в номер, Клод, и откроем сумочку. Когда ты должен получить деньги?

- Свидание с Радницей назначено на завтра. Я сообщил ему, что ты прибываешь сегодня. Деньги приготовлены, и он ждет.

- Отлично. Тогда вперед.

По дороге к лифту Кендрик сказал:

- У меня есть все необходимые инструменты, чтобы открыть сумочку. Но надо действовать предельно осторожно, чтобы не повредить икону.

- Тогда лучше будет, если это проделаю я. У меня большой опыт в таких делах.

Поднявшись в номер Кендрика, они заперли дверь. Кендрик передал Бреди инструменты и стал смотреть.

Работая, Бреди коротко рассказал, как ему удалось перехитрить Дювайна. Кендрик слушал, время от времени издавая возгласы удивления.

- Мой Бог! Кто бы мог подумать! - сказал он, когда Бреди отделил боковые стенки сумочки. - Пожалуйста, осторожнее, дорогой. Страшно даже подумать, какой шум поднимет Радниц, если ты хоть чуть-чуть поцарапаешь такую ценную вещь.

- Вот она! Вот наши чудесные миллионы. Бреди осторожно вытащил из двойного дна сумки деревянный брусок. Мужчины с ужасом уставились на него. Затем Кендрик с бьющимся сердцем выхватил деревяшку из задрожавших пальцев Бреди.

- Ведь это же не икона! Это просто кусок дерева!

Бреди был потрясен не меньше Кендрика. Он выхватил деревянный брусок из рук Кендрика, осмотрел со всех сторон и с проклятием швырнул на пол. Дювайн перехитрил его? Ему каким-то образом удалось подменить сумочку! Но как он это сделал? Ведь Лу не спускал с него глаз, после того как этот сукин сын вышел из номера Лепски!

Кендрик вдруг вскочил.

- Ах ты предатель и мошенник! - завизжал он. - Решил меня надуть!
Верни икону!

- Заткнись! - в свою очередь рявкнул Бреди. - Это работа Дювайна.
Сейчас он, скорее всего, уже у Радница и предлагает ее за полцены.

Кендрик закрыл глаза. Он знал, что Радниц, не задумываясь, пойдет на сделку с Дювайном. Он подумал о деньгах, вложенных им в операцию, о Луи де Марни, ждущем своей доли. Да, ничего не остается, как несолоно хлебавши вернуться в Штаты, к своей галерее. Он вяло махнул рукой в сторону двери.

- Уходи. И будет лучше, если мы никогда больше не встретимся, - сказал он и, вытащив свой платок, разрыдался.

Накануне вечером Серж Хольц вошел в кабинет Радница и поставил синюю сумочку на письменный стол.

- Ваше задание выполнено, сэр. Радниц улыбнулся:

- Отлично. Расскажите, как все произошло. Лицо Хольца оставалось бесстрастным.

- Все было очень просто, сэр. Лепски с друзьями отправился на ленч. Бреди тоже пошел в ресторан. Я воспользовался удобным случаем и подменил сумочку.

- Попросите открыть ее. Я хочу взглянуть на икону.

. Хольц взял сумочку, вышел из кабинета и передал сумочку Митэну.

- Под вторым дном спрятан очень ценный предмет. Мистер Радниц хочет его видеть, - сказал он и вышел.

Через полчаса Митэн вошел в кабинет и благоговейно положил перед Радницем икону Екатерины Великой.

- Огромное сокровище, сэр, если мне будет позволено сказать.

Радниц взял икону в руки, и его жабье лицо засветилось от удовольствия.

- Вы правы, Митэн, - сказал он. - Это одно из величайших сокровищ мира. Попробуйте связаться с Василием Вренсковым. Попросите его приехать, как только он сможет.

Лишь на следующий день, когда Пьер и Клодетта Дювайны планировали, как избавиться от Лепски, а Бреди превращался в Джона Уиллиса, “фольксваген-жук” Вренскова подъехал к вилле Радница.

Вренсков поднялся по мраморным ступеням тяжелой походкой пожилого человека.

Митэн открыл входную дверь, внимательно посмотрел на него и спросил:

- Вы плохо выглядите, мистер Вренсков. Вы не больны?

- Нет. Я не останусь к обеду, - сказал Вренсков с тоскливым выражением на лице.

- Не останетесь к обеду? Какая жалость. Шеф-повар приготовил специально для вас крестьянский пирог. Вы твердо решили?

Вренсков слегка застонал:

- Я не останусь обедать.

- Это очень грустно, сэр. Пожалуйста, пройдите за мной.

Радниц видел, как подъехал потрепанный "фольксваген". Он выставил икону на письменный стол. Сам он сидел, откинувшись на спинку кресла, сложив свои полные ладони, совершенно спокойный. В любом случае он будет в выигрыше, говорил он себе. Если Советское правительство не отдаст ему контракт на строительство плотины, он по крайней мере получит восемь миллионов долларов за икону. Но, конечно, получить контракт было гораздо важнее.

Когда Вренсков вошел в кабинет, Радниц мгновенно понял, что контракт ему не достанется. Что ж, тогда у него есть икона. Не туз, но уж не меньше короля.

- Входите, Василий, - сказал он дребезжащим голосом. - Какие новости?

- К сожалению, мистер Радниц, наше руководство решило отложить строительство плотины на несколько лет. Они согласны с вашими оценками, но сейчас, в условиях экономического кризиса и нехватки зерна, правительство считает, что нельзя тратить деньги на плотину.

- Но, быть может, когда кризис закончится? - спросил Радниц с застывшей на лице улыбкой.

- Мы можем только надеяться.

- По крайней мере, они согласны с моими оценками?

Вренсков кивнул Радницу и тот показал на икону.

- Видите, Василий, я достал это замечательное произведение искусства. Что говорят ваши хозяева? Готовы ли они заплатить мне восемь миллионов долларов за возвращение этого сокровища?

Вренсков выглядел как приговоренный к смерти.

- Боюсь, что нет, мистер Радниц. Радниц замер и уставился на Вренскова.

- Что это вы говорите? Эта икона одна из старейших, сохранившихся в России. Она стоит двадцать миллионов долларов, если не больше. Из-

за нее президент Соединенных Штатов оказался в сложном положении.
Что они дадут мне за нее?

Вренсков смял в руках свою засаленную шляпу.

- Боюсь, что ничего, мистер Радниц.

- Ничего?

- Я говорил с нашим министром культуры, - сказал Вренсков. - Он большой ваш поклонник, мистер Радниц. Он велел мне посвятить вас в государственную тайну, поскольку вы являетесь добрым другом нашей страны. Тридцать лет назад, когда во главе государства стоял Сталин, икону Екатерины Великой похитили. Никто не знает, кто это сделал. Тогдашний министр культуры знал, что, если это выяснится, его поставят, перед взводом и расстреляют. Он велел изготовить очень точную копию иконы, и эта копия демонстрировалась в Эрмитаже, пока не была украдена в Вашингтоне.

Дрожащим пальцем он указал на икону на столе у Радница:

- Это копия, сэр. Министр культуры поручил мне просить вас принять ее в подарок в благодарность за ваш постоянный интерес к Советскому Союзу.

Он повернулся и почти выбежал из комнаты, оставив Радница уныло смотреть на икону.

<http://book.zehinli.info>